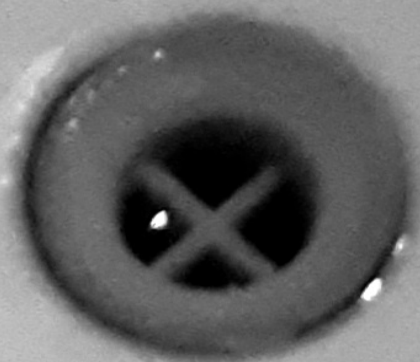

Дмитрий Плазмер

upd:2019/05/01

Посиделки с Олегом

18+

Annotation

Автор не пытается оскорбить религиозные, нравственные и иные чувства читателей.

Текст содержит нецензурную лексику, сцены употребления запрещенных веществ, насилие и откровенные сексуальные сцены и поэтому не рекомендован младенцам моложе 18-ти лет, а так же детям моложе семидесяти и впечатлительным рептилоидам с планеты Нибиру.

- [Дмитрий Плазмер](#)
    - [Скромный эскиз эротического рассказа](#)
    - [Новые мазки на холсте](#)
    - [Эротика без секса](#)
    - [Инопланетяне и клей](#)
    - [Свобода](#)
    - [Равенство](#)
    - [Братство](#)
    - [Любовь](#)
    - [Надежда](#)
    - [Вера](#)
    - [Не верь](#)
    - [Не бойся](#)
    - [Не проси](#)
    - [Прошное](#)
    - [Настоящее](#)
    - [Будущее](#)
-

Дмитрий Плазмер
Посиделки с Олегом.

Скромный эскиз эротического рассказа

Звон ключей, дверь наконец-то открылась, довольно резка, скрипя не протяжно, но тем не менее бьющее по ушам.

– Доброго, Оля, – поприветствовала Диметра, широко улыбнувшись и буквально отсканировав горящими глазами вошедшего в дверь человека, одетого в серые кеды с красными полосами, широкие брюки черного цвета, серую рубашу в черную полосу, не застегнутую ни на одну пуговицу, не скрывающую плечи и грудь мальчика-подростка и серебряный талисман на шее, которую нельзя назвать тонкой.

– Не называй меня так, я же просил. Мое имя Олег, – сказал вошедший человек с одержимой грубостью и явной хрипотой в голосе, резко сфокусировав взгляд на ней.

– Не злись.. Кто тебя довел?

– Да все, на работе, на улице, – скороговоркой проговорил Олег, – Про работу вообще говорить не хочу – атеромы красивее их обладателей – а на улице Ягуара глотнуть спокойно нельзя. Только открываю банку – как всегда подходит мужик, здоровые они все, говорит, чтоб я ему глоток оставил, а я – иди работай, хватит тут хуем трясти, глянь бугай какой, а вместо шнурков проволока, ты б еще вместо ремня высоковольтник. А ну пошел!..

– Аккуратней ты.

– Все в порядке будет! Да ты меня знаешь, когда подходят: «дай откусить», мне совестно свой хот-дог хотдожить, я ему: иду шерсть в тесте куплю, чебурек то бишь, а он и рад, – Диметра в это время напустила на себя гримасу отвращения, – А ты еще не видела, как у нас пиво пьют. Мишка бутылку наберет, а там у остановки даже по полбутылки пива умудряются найти, сливает из всех в один стакан, балдеет и ели разборчиво доводит до моего сведения, что ничего, дескать, вы, молодежь, в пиве не понимаете, вот оно – пиво и

трясет стаканом.

– Хватит уже этих историй! – раздраженно бросила она, – Я б каждый день пила возле метро – еще не то рассказала!

Олег снял кеды, демонстрируя черные носки. – Так ты ж у меня домашняя, цедишь свой Кампари дома, а я пиво, ягуар, на остановке три банки выжрать могу. Слабо? – улыбнулся он.

– Ага, выпью и да здравствует insult, – она умышленно сделала

ударение в слове insult на первую букву.

– До этого не дойдет, по нашим сосудам и артериям красную стрелу, Москва–Питер пускать можно. Ну да ладно. Что это я?

– Да уж точно. Взбеленился не на шутку, – заметила Диметра.

Олег обул домашние тапки и шатающейся походкой пошел в ванну. Дверь он не закрывал за собой никогда и она зачастую за ним наблюдала: как он сначала моет руки, потом шею двумя руками над ванной, немногочисленные волосы и вытирается не жалея лица. На его правом боку остался шрам коварного ножа – террористы заложили бомбу в торговом центре, а Олег их выследил, положил троих на лопатки и обезвредил зловещий механизм, перерезав скальпелем заветный оранжевый провод.

Он не может не оперировать, вечерами взахлеб рассказывает о фурункулах, карбункулах, переломах и пр., и т.д., а она всегда внимательно слушает, одев уютный халат. Он и дома врач–хирург, часто персонажем эротических игр становится Диметра в качестве пациентки, а Олег одевает на голое тело халат и «готовит к операции», воплощая скрытую мечту работать в крупной клинике и вести сложные операции вперемешку с сексуальными фантазиями, сначала приступая к премедикации, здесь они как правило принимают психостимуляторы для остроты ощущений, Олег и анестезиолог, и медбрат, и хирург в одном лице в это время, вместо скальпеля пластиковый одноразовый нож, смазанный предварительно малиновым желе, проводит им по груди предварительно обнажившейся Диметры и любит рассказывать: вот здесь у тебя сердце, вот здесь ЖКТ, какая же у тебя слепая кишка, сигмовидная, а этот тонкий кишечник – люблю в тебе все, далее он слизывает желе с ее груди, он ласкает себя, она – себя и Олег дрожащим голосом мастурбируя изрекает: какая грудь, срочно нужно снять в косых проекциях, я ртом будто нитями наложу швы, покусывая при этом грудь Диметры, не сдерживая оргазм шепчущей: доктор, я буду ли жить?

Олег сел за кухонным столом, налил стакан воды и выпил большими глотками.

– Я мяса пожарила, как ты любишь, с кровью, и приготовила окрошку из однопроцентного кефира, – сообщила Диметра.

– Вот здорово, а то я злой и голодный, и эти... – Он со зверским аппетитом набросился на мясо, рвал его зубами, на кухне сохранялся аппетитный запах жареного, – Эх, Диметра, как я тебя... – он не нашел слов и специфически замахнул руку, жест был будто срисован с героя Леонида Быкова из фильма «В бой идут одни «старики»».

– Хочешь?.. – предположила неуверенно она.

– Да не слово! Сорвать с тебя одежду и полежать в ванне!!!

Олег дожевал мясо, но вопреки ожиданиям не набросился на нее, а загадочно сказал:

– Иди ко мне..

Он взял ее на руки отнес в ванную комнату, дерзко раздел ее, разделся сам, обнажая возбуждающий до небес имитатор пениса, находящийся на поясе в вертикальном положении. Она села в ванну, он напротив нее, демонстрируя далеко не только сексуально огромный пенис ярко красного цвета чая Каркадэ, на который он одел только что раскрытый презерватив для орального секса с банановым вкусом. Диметра не сводила глаз его краснеющих гениталий, увенчанных фаллосом. Она ввела его в свой рот, после чего переместилась к клитору, а его руки в это время были внутри нее, настолько горячие, будто сконцентрировавшееся тепло исходило именно от его пальцев. Это не сравнить ни чашкой крепкого кофе, ни с накрывающей волной после принятия экстази, это даже не видения и проекция астрального тела при действии психостимуляторов, это не рисованные картины с размытыми контурами людей с воронками яркого алого цвета вместо глаз, которые видела Диметра приняв ЛСД (от экстази она отказалась, даже справедливо правильно не захотела и пробовать), бывший единственным химическим веществом галлюцинаторного действия, когда-то побывавшем в ее крови; ее накрыла волна оргазма и обессилив он обмякла на противоположной части ванны, Олег несколькими минутами ранее направил сильную струю душа на ее гениталии, она омыла ее пальцы и исследовательски обежала выше, возродив ее соски.

Он вытер ее, вытерся сам и бережно отнес в спальню, после оделся в черную водолазку, те же брюки и вышел за сигаретами, перед этим много раз резко тряхнув головой

Новые мазки на холсте

Разбудило Диметру бряцание ключами, скрип двери, за которой появился Олег, взъерошенный, в растрепанных чувствах он резкими движениями сбросил с ног обувь и поднял глаза на сонную Диметру, стоящую к коридору, узком, с монотонными обоями цвета какао и красным абажуром, красящим на потолке свет в экспрессивно-красный, влияющий и на цвет обоев, и на бывший когда-то белым серый линолеум, и на коврик возле двери с вольготно торчащими нитками.

– Лови! – воскликнул Олег с неподдельной грубости и нотками высокомерия.

В сторону Диметры полетела пачка Vogue с ментолом, она попыталась ее поймать, однако же, та ударилась об ее грудь и упала, после чего она нагнулась, чтобы ее поднять.

– Ха! А реакция-то падает! Меньше в своих чатах сидеть будешь! – Олег улыбнулся широко, буквально во всё лицо, однако в его высказывании был замечен издевательский тон.

Диметра устремила на него помятый вид:

– Чаты – это вторая жизнь, реинкарнация не умирая.

Олег опрокинул голову и засмеялся низким хрипловатым смехом.

– Да ты бы так не смеялся, отправил бы CHAT LITERATURA, и MARRY конечно.

– Я тебе сейчас такое MARRY покажу! – он приблизился к ней и привлек к себе настолько сильно, грубо, страстно, что из ее легких вышел весь воздух, провел рукой по ее ягодицам, губами не оставил без внимания левую часть шеи.

– Настоящий мачо... – феминно проговорила она.

– Мачо? Да... На меня сейчас аж продавщица покосилась, спросила: «Как обычно?» И мой Беломор дает, а ей: «еще Вог с ментолом», тут она наверняка смекнула, что всё, закапываться пора, но я не стал ее погружать в эсхатологический экскурс, говорю, это даме моей. ВОТ, – он отошел на несколько шагов, отсканировал взглядом халат Диметры, на котором изображена цветущая сирень, спустился взглядом к ее ногам, несправедливо скрытых халатом и к домашним тапочкам, огромным, в серых зайцев, с глазам и ушами. Олег задумчиво улыбаясь вспомнил как Ройсин Мерфи, солистка группы Молоко, точно в таких же вышла на сцену.

– Ну и тапки у тебя, Диметра, – направился на кухню. Она за ним. В

идеальном расположении они сели друг на против друга и на кухне раздались щелчки зажигалок, вскоре дым подобно давней кошке властвовал на кухне, освещаемой яркой лампой в салатного цвета абажуре, зеленоватый свет смешивался с угасанием дня и падал на больнично белые двери, потолок и ярко желтой краской покрытые стены цветом, вызывающим ассоциацию с газовыми трубами, стол, на нем пепельница на клеенке с рисунком цветов, хлебница, пара не убранных тарелок. Дым уходил в унисон со скрипом стульев. Олег смачно выпустил дым.

– Помнишь чемодан с миллионом долларов? – ехидно спросил он.

– Как же не помнить?! – возмутилась Диметра, встала и направилась к электрочайнику, включила его, достала и поставила на стол две разных чашки, ближе к Олегу низкую белую с надписью черными буквами «только для мужиков», а себе – утончающуюся ко дну с изображением цветов сакуры, чайник из этого же набора, она слегка манерно насыпала заварку, поставила за стол сахарницу, наполовину наполненную кусковым сахаром, – Чердак как твоя серенада в стиле рок под моим окном и ведро воды от отца – навечно в моей памяти.

– Чердак – это да.. Только не надо говорить, что я онанировал, когда касался шприцом с водой без иглы твоих ягодич.

– Онанировал – онанировал. Да ты хлеще меня возбуждался, одевая белый халат. Я-то мастурбировала, и ты сознайся, – она располагающие улыбнулась, втянув голову в плечи и медленно куря дамскую сигарету.

– Дело не в этом, – ушел от темы Олег, – Помнишь, что ты тогда сказала?

Диметра прищурила глаза и начала смотреть вверх, а Олег откинулся на стуле и развел ноги.

– Счастье не в деньгах, а в милом в шалаше.

Олег одобрительно закивал:

– Я тогда постигал смысл твоей фразы, продолжаю начатый путь и сейчас. Я бы выбрал миллион в сейфе, а тебя – в кровати.

– Третьего не дано никогда, либо белое, либо ортодоксально черное. Утверждающие, что существует серое поголовно психически больны, да?

– Так оно и есть. Ты сама посуди, что такое серое? Стерильный манекен, стандартный потребитель.

Издавший щелчок шумящий электрочайник сообщил о готовом кипятке. Диметра встала и заварила чай в чайник с цветущей сакурой, через некоторое время кухня уже наполнялась ароматом чая.

– Штампованный манекен со штрих-кодом на лбу, добавила она, разливая чай по чашкам.

– И масштабы проблемы параллельны всем. А кто такие все? Пресловутое серое. Я вспомнил, как впервые имитировал пенис в школе. Пришел на урок литературы, вызывает училка к доске, а я вместо заученного стихотворения расстегиваю штаны и трясу оттуда зеленым резиновым огурцом: вот, Маргарита Тимофеевна, какой у меня писун зеленый! С пупырышками!!! А что Маргарита Тимофеевна? Как я понял спустя годы, серость. Понимаешь, Диметра, ни в школе нормальных учителей не было, ни на медфаке, там лягушки мною препарированные да бомжи заформалиненные читали мне куда более интересные лекции! – он хлебнул чая, вытер рот рукой, его глаза сообщали о психомоторном возбуждении, он встал и перешел на крик:

– А черное или белое – это чемодан в сейфе или ты в кровати, милая.

Диметра смотрела на него не сводя взгляд и вдруг решила перебить:

– Успокойся ты, хватит расходовать нервы понапрасну.

– Но, Дима, я же понял!!!

– Что?!

– Небо – вот купол моего шалаша, ты – вот моя милая, а чемодан.. Я бы захотел – заработал, а вот такое сокровище как ты..

Эротика без секса

Раннее утро проникло тусклыми, но все-таки лучами солнца в не завешанные окна и остановилось на пустой кровати, успевшей за столь непродолжительный период времени остыть от тел, простынь сохраняла их очертания и солнце вольготно будто хозяин, будто домашнее животное, бродило по изгибам постельного белья, изучая и грея его цветы и корзины, падающие неразборчивой тенью на обои на стене, то ли радующие, то ли разочаровывающие фантастикой лепестков зеленого цвета.

Диметра стояла на кухне и смотрела в окно, одетая в довольно легкое летнее платье, на котором цвели ярко красные розы:

– Ни одно живое существо, только человек способен одним лишь словом убивать и воскрешать, – сонно протяжно мыслила вслух Диметра.

– И я слышал это изречение. Думаешь, действительно так оно и есть? – спросил Олег, сидящий на стуле с ломтиком хлеба в руках и положил на него средней толщины кружок Докторской.

– Некоторые слова смысл утратили, а другие, наоборот, имеют огромную силу.. – села она напротив него за стол.

– Нецензурщинка что ли? – рассмеялся Олег?

– Просто сильные слова... – мечтательно ответила она, взяв кружку с горячим натуральным кофе и сделал несколько глотков. – Ммм... Напиток Богов.

– А я думаю, все зависит от того, кто их говорит, даже не от пресловутой силы слов и не от их смысла.

– Угу, материться, к примеру, ребенок или телеведущий. Ты это имеешь в виду?

– Не совсем так. Слово – это ведь не всегда есть речь. Посмотри, сколько смысла в написанном, – Диметра устремила взгляд в окно, – «В каком диковинном опрощении и фальши живет человек! Невозможно в досталь надивиться, если когда-нибудь откроются глаза, на это чудо! Каким светлым, и свободным, и легким, и простым мы все сделали вокруг себя»...

Олег, прожевав и сделав глоток кофе дополнил:

«Как сумели мы дать свободный доступ ко всему поверхностному, своему мышлению – божественную страсть к резвым скачкам и ложным заключениям!!!»

Она улыбнулась и допила кофе, вторя Олегу, продолжившему:

– И я в твоём возрасте гулял по парку с томиком Ницше, и зачитался тогда его Слишком Человеческим, однако же смысл постиг гораздо позже, – он откинулся на спинку стула, развел ноги и слегка запрокинул голову назад. – Пошли, покурим?! – протяжно с нотками изнывания предложил он.

– Ага, – согласилась она, обуваясь у двери.

Олег одел коричневые брюки с множеством карманов, рубаху красную в черную вертикальную полоску, кеды и догнал уже спускающуюся по лестнице Диметру.

Двор дышал летом, трава проснулась от зимней спячки, краска на лавочке уже высохла, Олег отклеил предупреждающую надпись «Окрашено», сел, закурил папиросу, надрывно выпуская дым. Она села рядом и закурила тоже.

– Есть ли смысл в не сказанных словах? – мечтательно спросила она.

– Глупый вопрос. Смысл не сказанных слов – это все равно, что искать черную кошку в черной комнате, особенно если ее там нет.

– Совершенно верно! – раздался бодрый уверенный мужской голос позади.

Спустя несколько секунд незнакомец появился. Это был мужчина средних лет, высокого роста, солнце ложилось на его густые черные волосы, а округлое чисто выбритое лицо с карими глазами ласкал ветер. На нем была одета пижама темно синего цвета с неразборчивыми желтыми фигурами. Он подошел к Олегу:

– Парень, закурить не найдется?

Он протянул ему зажигалку и тот закурил

– А вы собственно кто?

– Прохожий.

– Не думаю, что смысл заключается в черной кошке, не правда ли? – обратилась к незнакомцу противореча Диметра.

– А Вы уже одной ногой в интернете? – умиротворенно спросил незнакомец.

– А как Вы догадались? – усмехнулась она

– Для этого не надо заканчивать психологический факультет МГУ.

– Так Вы психолог?!

Незнакомец обращался теперь к двоим, чуть отошел назад:

– Писарь я. Всей роте любовные записки писал: Ваши трехдюймовые глазки...

– Бац-бац – и мимо! – хохоча прервал Олег.

– Вот Вы как думаете: слова обладают СИЛОЙ? – насупившись, спросила она.

Незнакомец присел на корточки напротив них и его лицо приобрело крайне задумчивый вид:

– Силу имеют говорящие их люди – это я как психолог, как врач–психотерапевт говорю.

– Но причем тут, извините, человек? – возмутилось Диметра докурив и выбросив сигарету.

– Ну а что первично: человек или слово?

– Слово – оно первично, да! Ведь Бог – он слова придумал, вложил их в нас, – перешел тон Диметры в почти детский лепет и она, смотря на Олега, находящегося на вид в глубоких раздумьях, продолжила, – И люди, и они сотворены Богом, только слово Он уже с нас вложил до сотворения мира.

Вдруг Олег резко поднимается с лавочки и встает на нее, прямо, гордо и уверенно, изрекает, четко выговаривая каждое слово низким голосом:

– Мне дайте повозку и лошадь,
Я уеду из этой страны
И вернусь на Красную Площадь.
Отчаянья мои мысли полны.
Я вернусь за ней на коне,
Потусторонней свободой рожденном,
И построим мы мир для двоих
Одним лишь словом свободным.
Для нас, для лихих
Рыцарей пера и слова.
Я тебя посажу за спиной
Словно дар земного улова.
Пыль позади гонится за мной –
Колокольчиков парад,
Крыла распустила громадно.
Это же электрический скат!
Я защищу тебя! Я с тобой, парадно!
И вот огнем электрический объят!
На лихом скакуне под водой
Мы прибудем в затопленный храм.
Подвенечного платья крой твоего
Открылся моим бледным глазам
И священник, что с церковью пал,
Извечный вопрос задавал,
Как и ты, ему я отвечал,

Опосля он нас обвенчал и сказал:
Храните, дети мои
Как дар, не клише,
Как вместо горла соловьи
Подводного храма колокольню в душе! – продекламировал Олег.
Диметра и психолог встали и залились бурными аплодисментами.
– Ну ладно, ребята, я пошел. Мне ж на приеме еще сидеть, – удаляясь,
сказал психолог, а Диметра и Олег попрощались ему в след.
– Пойдем домой, милый? – робко предложила Диметра.
– Да, пошли, милая!

Инопланетяне и клей

Редкие облака на ярко голубом небе добавляли новых красок в как пять пальцев изведенную гладь, на восточной стороне которой правило бал солнце, проникающее лучами сквозь окна и шторы.

Олег резким движением открыл бутылку виски, до этого ожидавшую своего часа на столе, поставил ее на стол, крышку положил рядом и направился к холодильнику, со скрежетом открыл морозильный отделение, достал от туда голубого цвета пакетик льда в форме сердец и разорвал их, четыре положил в невысокий широкий стакан и после чего налил виски. Звук трескающегося льда оторвал взгляд Диметры, пристально смотрящей на небо через окно. Олег резким движением буквально сорвал стакан со стола и сделал глоток, после этого она вернула верный взгляд к окну и увидела ровную полосу, словно острой пикой ввысь пронзающую облака. Лицо ее приобрело задумчивый вид, и она повернулась к нему

– Ты веришь в пришельцев с далеких звезд? – Диметра продолжила, немного выдержав паузу. – Они бороздят наше небо такими вот полосами, – она указала взглядом на полосу на небе, – и на своих округлых кораблях высаживаются к нам на землю – среднего роста большеглазые серые существа, обладающие телепатической способностью.

– Максимум – это биологические роботы, – поморщившись от очередного глотка вздохом констатировал он.

– Роботы?! – возмутилась она. – А ты помнишь Розвэлл?

– Розвэльский инцидент? Да это ты половину забыла, – упрекнул Олег, тут же проглотив очередной глоток виски. – С того момента, когда фермер нашел на своей земле загадочные серебристые обломки и сообщил об этом куда следует, его друг, американский генерал, позже свидетельствовал о том, что обломки являются всего лишь упавшими обломками вышедшего из строя метеорологического зонда. Наивная ты, он просто славы и денег хотел.

– Ну, хорошо, предположим, что он на самом деле нашел обломки зонда, хотя гибкий серебряный метал мало это напоминает. Но как ты объяснишь тела двух инопланетян, привезенных в один из ангаров на Зоне 51? Ведь правительство США ни подтвердило, ни опровергло наличие тел в Аризоне.

– Еще бы они санкционировано президентом подтвердил проведение аутопсии 3-й категории сложности инопланетянам, – усмехнулся Олег. –

Это их же собственные разработки, эдакое секретное оружие не доработано, грохнулось на ферму. Тебе же известно, сколько ничего не подозревающих солдат испытали отравление, сжигая на Зоне бесчисленное количество бочек с токсичными отходами?

– Известно, и как психолог я могла бы связать архетипические образ огненных колесниц в небе с летающими тарелками, но это не объясняет ни древние наскальные рисунки именно тарелок, и именно существ в скафандрах, ни похищения людей, возвращающихся с имплантатами, происхождение и возраст которых ни могут определить ни ученые, ни спектральный анализ.

Олег сложил руки на столе и аналитически посмотрел на Диметру, отвечая:

– Начнем с наскальной живописи.. Древние изобразили так не существ, как ты сказала, а гуманоидов и, я бы даже сказал, людей, внешне крайне сильно напоминающих наших современных космонавтов, и видимо под этим впечатлением ими были построены грандиозные ровные посадочные площадки с так и не расшифрованными знаками. Возьму на себя смелость предположить, что в их видения присутствовал и современный космический челнок, и площадки были построены для него. – Он сделал очередной глоток, практически залпом допив остаток, оставляя лед в одиночестве. – А похищения.. Их же можно разделить на две стадии как это делают уфологи. Стадия проникающего света, необъяснимого проникновения в спальню, поднятия тело по воздуху, по округлому portalу поднятие в космический корабль – это же не что иное как перинатальные переживания, родового пути. Пережившие так называемые похищения зачастую рассказывают о страшных опытах над ними. Смотрел передачу, в которой было рассказано похищенным, что во время опыта у него крайне болезненно делали забор спермы, а сам думаю: парень, да тебя в детстве изнасиловал либо твой отчим, либо его близкий друг или твой старший брат занимался с тобой петтингом; а целая плеяда забеременевших на космических кораблях – и они жертвы насилия, просто их мозг не смог переварить сей прискорбный факт; не рассказывающие о фактах, касающихся секса – их психика так же надломлена, я бы сказал, переиграли в сексуальные игры по типу «ты маньяк, а я – жертва».

– Это не так! – возмутилась она, склонив голову и прикрыв лицо руками. – Инопланетяне посещали нашу землю, – всхлипывая и дрожа, возразила Диметра, роняя слезы. – Они есть!!! – ее спина дрожала.

Олег вовремя сориентировался: взял ровный высокий стакан, мерных посудин он не использовал никогда, мысленно представляя два пальца он

налил: два пальца Кампари, два пальца водки, чуть меньше двух – тоник – и протянул стакан ей Диметра сделал несколько глотков и спустя несколько минут обмякла. Олег сел рядом с ней, довольно резким объятьем по талии привлек в себе.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – взял ее за руку, чтобы пересестись на диван.

Диметра вытерла слезы и положила голову на его колени:

– Ненавижу, когда со мной спорят.

– Понимаю..

– Давай пошатаемся по магазинам? Не могу проглотить этот стресс.

– Да я не против, милая.

Диметра села, откинув голову на спинку дивана, Олег направился к зеркалу в комнате, освещенному настольной лампой. Заранее зная, что он собирается делать, Диметра встала, сняла халат, после чего канули вниз так же и розовые трусики.

Олег начал наносить на лицо полупрозрачный клей гелевого типа, столь возбуждающе напоминающий клейстер, который столь приятно в ванне выливать на голову и измазывать друг друга. На находящийся на подбородке гель Олег приклеил густую бороду достигающую по длине грудную клетку, далее он аккуратно приклеил объемные пышные усы. И борода, и усы были угольно черного цвета, усы находились в слегка приподнятом положении и сохраняли его в момент того, когда Олег встал со стула и приблизился к обнаженной Диметре, встал на против нее, лицом к ней и при этом она наращивала и наращивала темп ритмичных движений при ласке собственных гениталий в момент проникновения Олега к собственным, не снимая широких брюк и широких трусов, из-за его движений спустя несколько минут клей сначала увлажнил бороду и только после этого густые полупрозрачные капли попадали на грудь Диметры, на ее живот и ниже, и казалось, что ни усы, ни бороду удерживать больше нечем, однако капли, холодные капли упорно поступали и падали, задерживаясь на кончике бороды. Диметра запрокинула голову назад, свет ламп проникал в ее расширенные зрачки – и вот апогей, звездная пыль рассыпалась по абсолютно всем клеткам кожи, спазм, еще один, и снова, и снова накатывала волна, разливаясь гораздо дальше тела – теплом через внутренние органы, через чакры непосредственно в душу. Диметра открыла глаза и увидела стоящего перед зеркалом Олега:

– Да! Я самый лучший! Неподдельная красота! – потирал собственные соски перед зеркалом он. – Аааа... – похожее на стон, после чего руки поглаживали грудь, спускались к животу. – Я гражданин!!! Вот кто идет –

расступайтесь! Хочешь меня, да? – глаза Олега расширились на отражение в зеркале. – Нет, ты хочешь мою бороду? А усы? Все, я понял! Растить длиннометровые волосы на груди, чтобы завернуть Диметру ими словно в кокон, – поглаживал он бородой свою грудь, оставляя на ней следы клея.

Свобода

Поздняя ночь полноправно разгуливала по улицам, теменью заглядывая в дома, окна, простираясь тишиной по квартирам, в которых, противоборствуя, заглядывала и ночное светило – луна – вечный фонарь надежды, любви, веры, идеально круглый, идеально белый будто тот, кто покрывалом мрака прячет день, не занавесил откуда-то сверху кусочек дневного света и он – день прошедший – выглядывает из под закрытых витражей стойкого ритма рассветов и закатов непосредственно навстречу дню грядущему, всегдашне изощренно готовящему непредсказуемую череду секунд, минут, часов, своим неумолимым темпом приближающих к осознанию логики любого континуума, заключающейся в наличии начала и конца, столь непознанного конца, уготованного всем и каждому, диаметрально противоположное мнение хранящим о свободе; о котором одним суждено полагать как о дарящем свободу, отнимающую ее – другим. Луна, подобно исследовательскому и пытливому уму, проходила сквозь окна, изучала рисунок обоев на стенах, белизну потолка, останавливаясь на кровати, освещая одеяло, умиротворенно спящее выражение лица Олега, контрастируя с его черными как смоль волосами не длиннее сантиметра, слегка приоткрытыми губами будто для поцелуя (может ему снится именно поцелуй?), подушку, принявшую его форму головы. Вторя изучающей луне на Олега смотрела Диметра, проснувшись по окончании сновиденья, которого она не помнила. Она перевела взгляд на часы, сообщающие о том, что было 3:15 ночи, и поняв, что смотрит на него уже сорок минут она аккуратно, заранее продумывая каждое движения, взяла в руку мобильный телефон, включила на нем фотокамеру и, повысив мысленно аккуратность, навела камеру на него и нажала на спуск. Звук телефона был выключен, на экране мгновенно высветился Олег. Она крайне медленно встала с кровати, легонько завернув одеяло, и направилась в ванную комнату. Свет был не ярким, сливался с креативно розовым рисунком на плитке в ванне. Диметра закрыла за собой дверь и легла в ванну, сиюминутно ее правая рука оказалась на возбужденных горячих гениталиях, левой она держала телефон, на котором горело фото обворожительно спящего Олега.

– Милый... – прошептала она, – Что же тебе сейчас снится? Должно быть, экспрессивный эротический сон, ибо в эту ночь ты особенно красив спящий. Лицо расслабил, твои губы, тонкие, узкие, сонно жаждут, а нос, ровный, который ты считаешь длинным и комплексуешь – какие ароматы

ему ведомы во сне в тот момент, как наяву им вдыхаешь ночную свежую прохладу? А глаза, серо-зеленые, закрыты – что им видимо сейчас на самом деле? Уши, открытые для ночного концерта кузнечиков и прочих представителей оркестра, уступающие дорогу стилизованным бакенбардам – что слышат они в сновидении?

Оргазм прервал поток мыслей Диметры, заполняя страстью душевное пространство и физическое тело.

Открыв глаза утром она лишь спустя несколько минут вспомнила ночное приключение.

– Проснулась? – спросил Олег, на плече которого лежала Диметра.

– Да... – мечтательно ответила она. – И срочно хочу шоппинг. – Сначала кофе сделай, – предложил он зевнув, после чего она встала, накинула ярко желтый халат и направилась на кухню, приготовив там две кружки, насыпав в них кофе тонкого помола и включив электрочайник. Аромат кофе родился сразу после соприкосновения с кипятком.

Олег выглядел сосредоточенным, поставил локоть на стол и медленно попивал горячий кофе.

– А я хочу тебя развеять.

Улица была наполнена солнцем, лежащем на Олега и Диметру, стоящими перед дверью, над которой ярко красными буквами сообщала надпись: «Одежда», войдя оба они осмотрели представший взору калейдоскоп одежды различных расцветок. Диметра рассматривала довольно яркие сарафаны, развешанные рядом со входом, их расцветка представляла собой огромный выбор, на них были изображены огромные цветы с широкими лепестками. – Фуу, здесь бабские тряпки! – воскликнул разочарованно Олег, взял за руку Диметру и повел вглубь зала, где была лестница. На втором этаже было гораздо просторнее, этот зал начинался со спортивной одежды, далее на вешалках были майки: от классических белых, до соответствующих моде, следом шли футболки, как и майку, они шли в порядке от классики к моде. Олег взял две: монотонно красную и коричневую с белыми буквами. Увидев рубашки он остановился, глаза его разбежались по ассортименту и он отпустил руку Диметры. – Какой выбор! – воскликнула она. – Даа, есть, что выбрать.

Олег подошел поближе, взял белую рубашку в коричневую клетку, приставил к себе. – Прямо по тебе сшита.

Так же ему здорово подошла красная в черную вертикальную полоску. С гораздо большим вниманием и тщательностью он перебирал вешалки с брюками, остановился на строго черных и темно-коричневых летних со множеством карманов, сам он был в достаточно строгих джинсах. Зал

кончался двумя высокими шторками, провожающими внутрь. Олег, указав взглядом вперед Диметре, вошел за ту шторку, что слева, следом вошла и она. На коричневой, выполненной под дерево, стене напротив висело зеркало, по бокам стены повторялись тем же рисунком, дополняясь стальными продолговатыми приспособлениями, на которые можно повесить одежду, под зеркалом стоял выполненный в красных оттенках стул. Оказавшись внутри и поменявшись местами по расположению, Олег зашторил выход, после чего расстегнул молнию своих джинсов, пуговицу, выпустил наружу майку серого цвета и тут же резким движением поднял ее, снял с себя и положил на стул, Диметре открылся его обнаженный торс, немного окрашенный висящей сверху желтоватого цвета лампой. Он положил на стул выбранные вещи, оставив в руке лишь рубашку в вертикальную полоску, и одел ее, не застегивая пуговиц и не заправляя под брюки. За данным действием наблюдавшая Диметра, прислоненная к стене, медленно подошла к нему, пропустив руки сзади на уровне низа спины, его руки были пропущены чуть выше, он проскользил до ее лица, одновременно страстно и одновременно грубо обхватил руками ее голову на уровне висков, их губы оказались рядом, раскрылись, и это был экспрессивно страстный сладкий поцелуй. Он целовал резко, сильно, прижал Диметру к стене, после чего раздался скрип и стена рухнула в темное загадочное небытие с треском и грохотом ломающегося дерева, крепящих его металлических конструкций.

Олег встал первым, протянул ей руку, после чего встала и она.

– Извини... – виновато посмотрел на Диметру он.

– Да ничего страшного... – держалась за спину она.

– Больно?

– Угу. Здорово конечно мы грохнулись.

– Пусть научатся делать хорошие примерочные.

За сломанной стеной находился бетонный порог, находящийся от пола на пятьдесят сантиметров выше. Олег спрыгнул вниз с довольным криком:

Ааа! Свобода!!!

Вслед за ним аккуратно сошла она. Он огляделся вокруг. Это была огромная комната, слабо освещенная висящими на проводах в патронах без абажуров лампочками, источающими тускло-желтый свет, падающий на бетонный пол, волнистые серые бетонные стены, по которым стекала вода, оставляя шлейфы.

– Свобода, милый? Какое значение, смысл ты вкладываешь в это слово? И если раздробить ее на бытие и разум, то буде ли она, по-твоему,

оставаться свободой?

Посреди комнаты стоял металлический стол, два металлических стула, а на столе мигал красными и желтыми лампочками электрический пульт со множеством тумблеров, переключателей, бегунков, кнопок, выстроившихся в стройные ряды по тридцать в каждом, выше их дублировали лампочки, горящие редко и в основном белым и желтым цветом, каждая из них имела продолжение в проводах, черными штекерами начинающими черные лежащие на полу провода, уходящие в стены.

– Свобода всегда имеет отправную точку, Дим, я бы даже сказал – точку сборки. К примеру, свобода от страхов, свобода от любви, свобода от зависимости, свобода от вредных привычек, и так далее. Видишь, «от», предлог от предложенного только что мною термина «отправная точка», свободы. – ответил он, продолжая рассматривать комнату. – А как же тогда свобода духа? А свобода тела? – возразила она. – Ну а с чего ты взяла, что единственные поддающиеся дроблению фрагменты свободы – это бытие и разум? – он опустил глаза задумавшись. – Ты не правильно рассуждаешь. Существует свобода не тела, свобода именно ОТ тела к духу и ОТ духа к телу. – Потому, что бытие – это физическая составляющая свободы, дух, ммм, духовная. Третьего–то не дано.

Справа от пульта, практически у стены находилась имеющая функцию крутиться стойка с крюками, на которых висели белые медицинские халаты, в левых карманах каждого по зеленой маске и если на нее не падал свет, то халаты слились бы воедино и можно, то ли обрадовавшись, то ли испугавшись принять вешалку за человека, столь антропоморфны были ее очертания; созданная тень падала на стоящее поодаль стоматологическое кресло, прямо на против него висел стоматологический инструментарий, выше него лампа, левее на стене висело несколько реле, датчиков, схожая со скотчем блестящая пленка.

– Исходя из твоих рассуждений, свобода эквивалентна отправной точке, резистентна к колебаниям сборки, трансцендентна по отношению к упомянутым тобою бытию и разуму, поскольку разум прежде работает над точкой «от», а не берется за ту же свободу духа или разума, – настаивал на своем Олег, подойдя к вешалке, сняв с нее халат и одев на себя.

– Господи! – широко раскрыв глаза воскликнула Диметра. – Как же ты на Окса похож! Тебе бы черную майку, золотой православный крест со сложенной вдвое цепочкой на правую руку – и вылитый Окс.

Олег застегнул халат и рассмеялся:

– Я вспомнил Оксанино выступление: «Я достаю из широких штанин и сую *** в консервную банку.

Я гражданин, /

Я не какая-то гражданка!». Выразительно отчеканив слова, Олег продолжил мысль, сев в кресло и включив лампу, протянув руку, расслаблено разведя ноги и подняв перед этим глаза: – Но мы же тем не менее вернемся к нашему разговору. – Он поднялся, подошел к стульям у пульта и сел, закинув ногу на ногу. – Прослеживаешь фрагментарность свободы? Свободы от гендерных стереотипов. – Да, это выступление Боржеса в Баркове запомнилось многим. А если определить ее как манифест, как лозунг, транспарант над головами думающих? – она, издавая гулкий звук шагов села в кресло, на котором сидел Олег, отвела лампу в сторону и пристально посмотрела на него, вопросительно. – Гыы, – усмехнулся он и ироническим тоном встав проговорил: – Свобода – это осознанная необходимость! Ты об этом?

Опустив глаза его снова привлекли горящие лампочки на пульте, глядя на них повышался в крови адреналин, сердце в жажде риска нажать на одну из них колотилось, выпрыгивая из его груди.

– Свобода – это быть вне каких либо рамок, даже собственных. Я бы сказала так.

– Нуу, если человечество вдруг отрешится от рамок дозволенности, то нам пора будет вырыть бункер и закопаться в нем.

– Вообще-то я только о рамках свободы, – замялась Диметра, потупив взор.

– Да причем тут рамки?! – повысил голос он и резко опустил один из переключателей на пульте вниз.

По комнате эхом пронесся треск, кружащийся, перетекающий в протяжный сферический шуршащий звук, оканчивающийся ярким серебристым светом, падающим сзади, озарившем Олега с головы до пят.

«Надеюсь, это не ядерная кнопка» подумал он, отшатнувшись от пульта ближе к ней, а Диметра выглядела испуганной от нагромождения звука и света, ее обнял Олег, крепко прижимая к себе и тотчас свет и звук казалось бы слились воедино, в один базл, в котором звук отошел на второй план и сценой властвовал свет, постепенно пронизывающийся стрелами черного цвета, маленькие кольца которого соединялись с кольцами белого и в конце концов образовалась воронка размером с комнату, сужающуюся ближе к полу, но не касающуюся его, с наступлением следующей секунды все ближе и ближе подступающей к Олегу и Диметре, наряду с пультом и всем, что находилось в тот момент в комнате, затянувшей внутрь и их, впоследствии помнящих только яркие вспышки разноцветного света, кружащего вокруг глаз. Первым открыл глаза Олег и обнаружил себя

лежащим на поверхности напоминающей асфальт, по структуре. Встав на ноги он увидел буквы, слова, статичные изображения рекламного содержания, покрывающие дорожное полотно, превращенное в рекламную поверхность, рекламирующую скидки на довольно длинные незнакомые слова, вскоре он огляделся заметив людей, механизмы, транспорт, изображения двигались и на них – нагромождение букв и цифр, и не естественно белый солнечный свет слепил глаза и буквально просвечивал насквозь. Стоящий в мужественной выправке солдата Олег казалось бы обладал прозрачной кожей, прозрачными костями, гораздо более прозрачной одеждой, изученной проникающим светом, нашедшим приют в его глазах, единственный и безопасный, будучи пойманным бездной зрачков, направленных на монолитные дома, высокие настолько, что взгляд терялся в небе, в их стенах и стеклах, пестрящих проекциями. Он подошел к лежащей Диметре, присел на корточки:

– Ты как, милая? – взволнованно скороговоркой спросил он.

– Где это мы?.. Я? ... Слабость в теле, да еще этот свет..

Он подхватил ее руку помогая подняться, вскоре их взгляды приковало огромное электронное табло, прикрепленное между этажами одного из домов, гласящее красными знаками:

«11 июля 2199 г. Московское время 17:43, температура воздуха +17, атмосферное давление 747 ммрт, освещенность 66378.

– Слабовата сегодня освещенность, – посетовал капризный голос сбоку, принадлежащий девушке лет 18–ти на вид, со светлыми пепельными волосами до плеч, одетой в светло–салатового цвета комбинезон, того же цвета кроссовки.

– Вполне нормальная. Июльская. – ответила девушка, стоящая рядом с ней и не отпускающая ее руку, с рыжими волосами меньше сантиметра в длине, одетая в черный мужской костюм с едва заметной серой полоской, под пиджаком синего цвета рубашка, плотно затянутый галстук, зеркальные полосы которого ловили цвет рубашки. Олег огляделся. Прохожими улица была загружена сравнительно не много, кто–то шел медленно, кто–то спешил, одна из девушек на ходу приклеивала сначала бороду, после усы, у другой силиконовый пенис заманчиво зеленого цвета 20–ти сантиметровой длиной выглядывал из брюк, кто–то клеил волосы на грудь, измазывая оранжевой краской – все прохожие были заняты общим делом.

– А вы, должно быть, гости из подвала? – спросил пожилой голос.

Олег обернулся и увидел женщину, на вид ей можно было дать лет 85–90, седые волосы были скреплены заколкой, из одежды платье из

выцветшей ткани.

– Как вы узнали? – недоуменно спросил он.

– Мы давно наблюдали за вашим диалогом о свободе. Вы в 2199 году. Догадались уже? – Да уж... – проговорила Диметра, подойдя поближе.

Внутри изображения на асфальте пронесся огромный поезд, от чего у Диметры закружилась голова. Увидев ее падающей Олег отреагировал мгновенно, подхватив ее. – Осторожнее, девушка, – заботливым голосом сказала незнакомка. – У нас и не такое увидите. Точка вашего возврата завтра, не откажетесь попить чаю? – М–да, в будущем сохранился чай. – саркастически усмехнулся Олег.

– Ах да, забыла... Меня зовут Изольда, я доктор исторических наук, специализируюсь на 20–21 веках.

Ее дом был не далеко, лифт поднял на необходимый этаж, и в квартире раздражающий свет был скрыт окнами, обои в серых тонах, коричневая лакированная деревянная мебель. Дверь одной из комнат открылась, белая, из нее вышел сутулящийся мужчина, выглядевший старше ее, с пустым отсутствующим взглядом, одетый в синюю пижаму, украшенную желтыми одуванчиками. Он говорил с трудом произнося каждый звук: – Здравствуйте. – протянул руку Олегу.

Тот совершил рукопожатие и мгновенно ощутил обжигающий холод его руки, тот час превратившейся в гель металлического цвета, вытекший на пол и переливающийся подобно металлизированной поверхности компакт–диска. Старик опустил глаза и, застонав, вобрал в себя губы, Олег отшатнулся к книжному шкафу, моментально ставшему расплываться цветами будто бензин на воде. Книжный шкаф густую краску. – Ну что вы наделали! – проворчала голосом без тени злобы Изольда. – Как дети малые – ей богу.

Она взяла в руки пульт дистанционного управления, нажала на нем красную кнопку и тотчас все вернулось на свои места, рука старика заняла прежнее место.

– Что это было? – испуганно спросила Диметра в то время как он сохранял полное спокойствие, рассматривая принявший прежнюю форму шкаф.

– Голография и биомоделирование. Когда технология только появилась, по закону было два основных требования репликации тела и личности человека: согласие родственников и свидетельство о смерти. – она поставила на стол чашки, чайник, издающий аромат чая и пригласила взглядом присесть. – А потом появилось много организаций, делающих это незаконно и в итоге сейчас на земле две третьих двойников, часть из

которых создано не законно, без согласия и при жизни. Людьми руководит не разделенная любовь, жажда обладать бросившим любимым или же киноактером, а встреча с подобным двойником представляет огромную опасность для прототипа.

– Не думал, что будущее таково... – печально улыбнулся Олег.

– Не стоит сгущать краски. – успокаивала Изольда. По сравнению с вашим временем мы прошли три ступени эволюции: всё началось с трансгендерных чувств, в большей степени женщины освободились от бремени женственности и столь редкий феномен как чувство женщины себя мужчиной сейчас получил огромное распространение, стал признаком хорошего тона, появились соответствующие журналы, телепередачи; далее человечество освоило трансвозрастные чувства, и наконец – трансвидовые. Современный человек может себе позволить и умеет чувствовать себя не только представителем абсолютного любого пола и возраста, но и представителем любого вида, птицей, рыбой, принимая характерные особенности и преимущества, даже недостатки. – Как это?! – недоуменно усмехнулся Олег. – А вот так! – Изольда раскинула руки, взмахнула сначала кистями, потом обеими руками и оторвалась от пола, плавно, столь же плавно приземлилась на него. – Сейчас я почувствовала себя птицей. – она села и прихлебнула чая. – Мы можем менять черты лица усилием мысли и наши ученые предрекают зарождение четвертой ступени – транспространственные и трансвременные чувства, возможности самостоятельного изменения человеком индивидуального времени и пространства. Знакомое вам понятие «машина времени» усилием мысли, прохождение через абсолютно любые пространства и расстояния. Я много раньше читала по этому поводу, а когда муж умер, жизнь раскололась будто надвое.

В гостиную вошел старик и полными слез глазами посмотрел на Изольду.

– Ну прости, прости меня Мортон, ты не умер, ты с нами. – она обняла его, погладив по спине. Ну все, успокоился, да? Сейчас как раз твоя передача, про советы начинающим фетишистам. – она посмотрела на Олега и Диметру, – А вам, дорогие гости, пора спать. Одна из комнат, в которую ведет дверь за вашей спиной, к вашим услугам.

В комнате стояла кровать у стены, тумбочка, торшер. Олег снял брюки, рубашку, носку, оставаясь в широких трусах сел на кровать, голодными глазами смотря как раздевается Диметра. – Иди ко мне...

Утром их тела успели остыть от страстных минут чувств и оргазма. – Мне холодно, дорогой, – прошептала она.

Олег обнял ее крепче, привлекая к себе.

За столом Изольда вела себя задумчиво: – Точка возврата в музей Ангела.

– Ангела? – удивленно отставила кружку Диметра.

– Да. Это именно тот человек, о котором твои мысли. Все века мы глубоко уважаем Его творчество, из кирпичика Его внутреннего мира создан наш внешний, будущее.

Перед музеем был разбит огромный парк, высокие деревья украшали фонтаны, ко входу вела аллея, по обе стороны которой висели таблички, стенды, ведущие к музею, оказавшимся огромным зданием со стеклянными стенами, зеркальной крышей, стеклянной дверью, над которой выбито число 11776, внутри просторно, огромные витражи раскрашены в иррациональный рисунок, к стенам прикреплены полки, внутри них висели тексты со стихами, на стене напротив картины, написанные акварелью. Диметра замерла и долго смотрела на картину, на которой изображена черная башня. – И меня завораживает это творение, – сообщила Изольда.

Втроем они прошли к центру зала, прямо к статуе высотой три метра. Это был Ангел, свет падал на рельеф стрижки, глубоко посаженные глаза устремлены вдаль, ровный тонкий длинный нос будто телесного и не серого цвета, тонкие губы слегка приоткрыты, узкий подбородок немного поднят, подчеркивая сосредоточенность лица, на узких плечах медицинский халат, прикрывающий крылья, будто из ткани, белый, а не серый; ровные брюки, тяжелые армейские ботинки, в левой руке лист со стихами.

– Здорово же они изобразили Оксану, образ получился как живой, – с нотками ревности комментировал Олег, глядя на замороженную Диметру.

– Впервые Вы тоже стояли так, – сказала Изольда, – а став почетным директором музея больше никогда его не покидали. Вон, видите? – она указала на зеркала. – Вы их установили таким образом, что фотографии в них движутся создавая иллюзию живого человека, потом вы поставили динамики и постоянно воспроизводили голос Ангела, а однажды заперлись изнутри на ключ и перестали пускать посетителей, после чего Вас, Диметра, нашли мертвой возле статуи в разрезанными вдоль рук осколками зеркал руками, но вокруг не было обнаружено и единой капли крови, даже в Вашем трупe. Тело долго исследовали, следов крови так и не нашли, но статую после этого зажила своей отдельной от музея жизнью – посетители стали замечать ее чудодейственные свойства. А Ваше отражение впоследствии сохранили достаточно много зеркал музея, последние 150 лет Вы его призрак. Ну, перед тем как вас двоих отпустить обратно, я бы хотела

спросить: вы поняли, что есть истинная свобода? – Да, –ответила Диметра с грустью в голосе. – Ну что же так грустно? – успокоила тоном говорящей с детьми воспитательницы Изольда. – Это только возможное будущее, касательно Вас, и, хотя и является фиксированным, некоторые коррективы возможны. – Свободу можно разделить на внешнюю и внутреннюю, – начала Диметра не сводя глаз со статуи. – Внешняя свобода есть свобода тела, как возможность увидеть мир и побывать в крайне опасных пещерах, каньонах, тут конечно же важно не быть одной, чувствовать сильное плечо рядом, внутренняя же свобода – полная противоположность, напрямую зависит от устранения внешних раздражителей. Свободный внутренне человек свободен истинно. Это комната три метра в ширину и четыре в длину без дверей и окон, с тусклым светом и белыми стенами, сливающимися с белым потолком и полом. Только из нее можно попасть куда угодно, в любую точку пространства и времени, податливо изменяющегося и растягивающегося при помощи усилия мысли, только лишь в ограничении внешнего пространства обретающей силу, столь упорно уничижаемую и выкорчевываемую техническим прогрессом, дарующим лишь удобство – подмененное понятие внешней свободы.

Договорив Диметра огляделась и видела себя во дворе, ее голова лежала на коленях Олега, бережно перебирающего ее волосы, при рассматривании снизу вверх столь неотличимо, будто две капли воды похожего на Оксану гораздо более достовернее, чем статуя в музее.

Равенство

Утренний двор был пронизан воздухом, будто чьи-то мысли окутывали его неизменные контуры. Диметра сидела на скамейке, сведя ноги бесцельно издавая искры из зажигалки, кремь которой казалось бы за это время стерся, но вопреки ожиданиям искры разметались и рождался огонь, тут же умирая, когда она отживала клапан.

Диметра всегда чувствовала спиной, когда Олег рядом. Так произошло и тогда. Он сделал небольшой крюк вокруг скамейки слева и стал перед нею. Олег был одет в тельняшку, горизонтальные полосы которой создавали впечатление абсолютной плоскости его тела, не заправленная она кончалась открывая взору мужские шорты ниже колен светло-серого цвета и гораздо темнее не зашнурованные кеды – темно-коричневые, с сероватыми шнурками. Олег смотрел на Диметру изучающим взглядом, делая затяжку из папиросы в зубах и при этом за его левое ухо была заложена еще одна папироса. – Чего щелкаешь? – заинтересованно спросил он. – Думаю о табаке, – отрешенно и задумчиво ответила Диметра. – Я за равенство! – Воскликнув, Олег протянул Диметре папиросу, достав ее из-за уха.

Диметра зажгла папиросу и аккуратно затянулась, после чего закашлялась и внимательно посмотрела на него. – Равенство? Что это для тебя? Равноправие, равнозначность элементов в массиве результирующего набора данных – что? Олег подошел сзади, склонился над Диметрой и проложил дорожку поцелуев по ее шее, зажал губами мочку ее уха будто тело проигрывающего в боксерском клинче, проскользил руками по обе стороны ее шеи до груди, выпрямил руки и именно в этом положении ощущалась сила его рук – след от занятий боксом в прошлом. Он замер и прошептал слегка хрипло на конце: – Равенство – это состояние души, когда хорошо тебе и мне. Понимаешь, хорошо именно равно так тебе как мне. – Понимаю... Так равенство – это равноправие? – Когда я учился в ординатуре, мне на глаза попался разбитый градусник, неуправляемые серебряные шарики разбегаясь блестели на полу. Предо мной сразу же предстала картина детства. А, не помню, рассказывал? Мы чуть ли не ели ртуть, натирали ей монеты, потом в карма и даже руки не мыли... И вот: вижу их на полу и пальцами толкаю, они то сливались, то разъединялись будто жир в супе. В этом и есть сущность равенства, я думаю? В наличии у каждого шарика равных возможностей? – неуверенно спросила Диметра. –

Да! – обрадовался ее понимаю он. – Равенство есть равные возможности.

– А не приведет ли равенство к идеальному обществу? – размышляла Диметра, докурив и посмотрев на небо.

– Что негативного в совершенном обществе?

– То, что это утопия.

– Когда я учился завязывать бантиком шнурки и весна вытянулась в один большой бантик – мне это тоже казалось утопией.

– У тебя есть что покурить? – Диметра посмотрел на него. – Дома точно есть.

На лестничной клетке Олег остановил Диметру: – Пойдем погуляем? Переоденусь и пошли..

– С тобой куда угодно, – улыбнулась она.

В квартире на столе на кухне вразброс лежали пачки сигарет разных марок, Олег откопал себе подходящие и положил в карман, после чего направился в спальню, открыл шкаф – Диметра за ним.

Олег обнажился настолько, что на нем остались только трусы и он протяжно попросил, посмотрев на нее:

– Диметра, отвернись.

Лучи солнца упали на его мальчишескую грудь и плечу, когда он повернулся, едва скрывающий рёбра живот.

– Ой, какие мы стеснительные! – нежным, но издевательским тоном воскликнула Диметра и еще более упорным и голодным взглядом смотрела на него.

Олег, слегка замешкавшись, спустил и снял трусы: волосы на его лобке были средне густыми так, что сквозь них просматривалась кожа, плавно переходящая в область гениталий Олега. Он подошел к рядом стоящему шкафу, открыл его чтобы выбрать трусы и при этом с небольшим грохотом на пол упала картонная коробка, наполненная фаллоимитаторами.

– Черт возьми! – воскликнул он и нагнулся и при этом ягодицы растянулись так будто их нет по определению, кожа на спине натянулась и отчетливо стал виден позвоночник. Олег взял прозрачный фаллоимитатор салатového цвета, повернулся к Диметре и приставил его чуть выше своих гениталий не ровно, а приподняв вверх. – Видишь, Диметрочка, как у меня на тебя встал? Вот так я тебя хочу! – Не опускай. Может, пойдем в ванну? – неуверенно предложила Диметра, опустив глаза. – Пойдем, только не проси меня о золотом дожде. – с доброжелательной улыбкой согласился Олег. – Какая у тебя память! – она опустила голову прикрыв рукой улыбку. – Это же сколько лет прошло, когда я фантазировала как бы ты выдавал золотой дождь, а я бы его принимала. Ну чем не равенство, м? – Равенство

извращения, – улыбнулся Олег. – Как раз для твоих звонков в Разговоры для Взрослых.

Олег и Диметра вошли в ванную комнату, свет зажег он и первым сел в ванну, обхватив колени. Диметра, раздевшись села напротив и сфокусировала взгляд на лейке душа, издающей капли в руках Олега.

– А что в этом такого? – удивилась Диметра не сводя взгляда с лейки. – До тебя я часто звонила и мы во многое играли: в золотой дождь и многое другое.

– Надеюсь, сейчас–то ты этим не балуешься – с нотками ревности в голосе спросил он повернувшись к смесителю и включив воду, которая то слишком холодным так что он вздрогнул, то слишком горячей струей хлынула из душа. – Мне бы, к примеру, даже и не пришло в голову открывать свои фантазии этим проституткам. – спокойно и уравновешенно заключил Олег заправив на грудь Диметры струю теплой воды.

– Равенство – это равноправие попадающих на мою кожу капель?

– Вот тут ты права. Равенство – это и есть равноправие, света, тьмы, народов, рас, капель. – И каждая капля имеет равную возможность попасть на меня. Да, Любимый? – Диметра смотрела на откинувшегося к стене Олега, приблизилась к нему, губами и языком лаская его колени, мокрые, будто втягивая губами воду с них и одновременно облизывая языком.

Олег смотрел на затылок и спину Диметры, изучая влажные волосы, кончики которых открывали его взору ее спину, капли. Он протянул левую руку к полке слегка приподнявшись настолько, что его натянувшая грудь создавала впечатление абсолютно мужской и достал фаллоимитатор. Не видя движений Олега она с любопытством подняла голову слегка откинувшись назад и видела в его руках синего цвета пенис и пузырек со смазкой, из которого он извлекал прозрачную ароматную гелеподобную жидкость и старательно растирал ее по фаллоимитатору, после чего поставив на край ванны. Диметра взяла его и прочла:

«Интимный гель–смазка для орального секса со вкусом клубники».

– Ну что, хочешь у меня отсосать? – заманчиво спросил он, протянув ей фаллоимитатор со стекающей смазкой.

Диметра взяла его и смазки было настолько много, что она начала стекать и по ее рукам, источая клубничный аромат. Видя руки Олега, массирующие и ласкающие собственные гениталии, она представляя руки нанесшие смазку, открыла рот и глубоко ввела фаллоимитатор, то сжимая его губами, то отпуская и при этом лаская свои гениталии. Свет в ее глазах утратил яркость, только белые вспышки и очертания Олега, мутные но знакомые, заполнили ее взор до исступления Выдохнув она вернула

запрокинутую голову в ровное положение и нашла себя, будто утерянное на время оргазма тело, возвращенное теплым умиротворенным спокойным взглядом Олега, восторженно смотрящим на нее:

– Я давно не видел тебя такой удовлетворенной, – довольным голосом прервал тишину Олег, нарушаемую до этого только каплями воды.

– А тебе было хорошо со мной?

– Глупый вопрос. – Олег улыбнулся во всё лицо. – Мне всегда с тобой хорошо, я это понял, как только увидел тебя, осознал, как только мы впервые побывали в ванне.

Свойственное Олегу спокойствие и выдержанность врача–хирурга позволили ему только удивленный взгляд, а Диметра вздрогнула, ее тело будто отбросило влево, к стене когда раздался удар, один, потом второй и третий, высокий звуки древесных ударов. Реакция Олега было мгновенной, завернувшись по торс полотенцем он выбежал из ванны, после чего Диметра собралась с собой, надела халат и вышла. Шум доносился из спальни – билась открытая форточка от сквозняка, созданного открытой дверью на балконе на кухне. На глазах Диметры показались слезы: – Ну почему ты форточку не закрыл??? – рыдая вопрошала она. – А если в нее залезли? – Любимая, не бойся. Не забывай, на каком этаже мы живем. – Не забыла! А если окурок кто кинет – пожар на весь дом же будет.

– Успокойся, ни кто и догадается кинуть окурок. – с убедительной уверенностью успокаивал он. – А балкон точно пора закрыть.

Олег направился на кухню, зажег свет и закрыл обе двери балкона на все замки, расстроенный видом сидящей в слезах Диметры на стуле он открыл холодильник, достал бутылку Кампари, часть которого смешал с частью водки и едва капнув грейпфрутового сока протянул стаканчик Диметре: – Держи. Я покрепче сделал, сейчас успокоишься.

С каждым глотком практически не отрывая стаканчик от губ Диметра чувствовала разливающееся из желудка по всему телу тепло, дарованное алкоголем. Когда она подняла глаза допив, он сидел перед ней одетый в широкие камуфляжные брюки и черную футболку, на которой было белыми буквами написано «Come undone». – Намекаешь на кувыркания в цепях под водой как у Duran Duran? – Да я первопопавшуюся одел. Хочешь, проветримся? Посмотри, какой вечер за окном?

Согласившись Диметра оделась и заперев дверь догнала Олега у лифта, в который они вошли вместе. Когда он отъехал на несколько метров. Стоящих около кнопок Олег остановил его: – Я хочу тебя и прямо здесь. – дрожащим голосом сообщил Олег и начал ласкать себя прямо через брюки, не снимая их. – И я.... – Диметра начала поглаживать свое тело.

Пассажирский лифт с трудом вмещал страсть, освещенный всего одним квадратом света он вмещал в себя страсть двоих, разливающуюся по его стенам и раздвижным дверям. Неожиданно лифт тронулся и довез до первого этажа, распахнув двери в безлюдное лоно подъезда, в которое первым вышел Олег, Диметра за ним. Воздух на улице, да и сам вечер были поистине сказочными и картину красило то, что Олег сел на скамейку вплотную к подлокотнику этим приглашая Диметру, нашедшую единственно приятный приют своей голове на его коленях. – М-да, сложный это вопрос – равноправие.

– Равенство.

Братство

Тишина да темноты омут царили в квартире, когда, гремя ключами, вечером с работы пришла Диметра, разделась и, обув домашние тапочки, направилась в ванную, из-под двери которой подозрительно пробивался электрический свет. Диметра открыла дверь и удивлению ее не было предела: в сухой ванне сидел Олег, одетый в рубашку темно-синего цвета с белой вертикальной полоской, заправленную под монотонно голубые джинсы, заканчивающиеся серыми кедами с вставками голубого цвета. Положив левую ногу на правую он лежал в ванне в полный рост, его солнцезащитные очки ловили свет лампы сверху, сквозь линзы очков кажущийся темным. Олег лежал слегка запрокинув голову назад таким образом, чтобы ее придерживала стена (своеобразной прокладкой между ней и головой служила его правая рука, а левую он положил на ногу, по периметру которой в ванне стояло 5 не открытых банок пива) и при этом свет падал на его шею, обрываясь на тонком ровном длинном носе, скулах, впалых щеках и частями оставаясь на его приоткрытых узких губах.

– Что это с Вами, доктор Ковалев? – ироническим тоном спросила Диметра, пристально посмотрев на Олега.

– Хе! А здороваться тебя в детстве не учили, да? – тем же тоном спросил он, широко улыбаясь. – Здравствуйте-здоровствуйте! – протяжно и шутовски сказала она и вдруг перешла на серьезный тон. – Ну а все-таки, что с тобой? – Забирайся, Дорогая, ко мне. Я вопрос решаю: выпить или не выпить.

Олег подобрал вытянутые ноги, ступни поставил вместе, а колени развел по бортам ванны, Диметра села напротив и обхватила колени.

– Ну и в чем суть вопроса, Милый?

– Да это не важно, Родная, одна пациентка из себя вывела. Сижую, думаю и понимаю, что виноват я сам. – Олег снял солнцезащитные очки, положил их на полку и посмотрел на Диметру усталыми глазами.

– А подробнее?

– Да на грудь я с утра принял, – обыденным тоном отмахиваясь от подробностей ответил он.

– Ну а дальше-то что? Ты же мой парень, не скрытничай. – Тут и рассказывать нечего. Пошел на работу и прямо с утра заваливается хромая девка и с порога говорит, дескать, помогите, доктор, у меня ноготь врос. А сама все приближается и приближается ко мне, приобнять хочет.

Показывайте, говорю ей, а она вдруг отпрыгивает от меня и так истерично заявляет: «доктор, да от Вас разит! Это уже вошло в привычку». А я ей: «А у вас, милочка, синдром острого опизденения на фоне общего недоедания. Это уже диагноз», ну а потом такое началось, крики что я хамло и все в таком духе. – Олег уныло опустил глаза. – А позже она успокоилась и сняла носок, картина была страшной, в итоге делал гнойную операцию, вводя новокаин забыл спросить ее об аллергии. Все прошло хорошо. Ехал домой и думал: и зачем я с утра пил. – Ну вот, что не делается – все к лучшему. Ты из этой ситуации извлек урок: не пить с утра. – Взгляд Диметры стал мутным и отрешенным. – Ну ты у меня психолог! – с влюбленностью в голосе воскликнул он. – О чем задумалась? – Хм, если бы наша ванная была сейфом с кодовым замком изнутри, то я бы первая прокрутила его со всех сил не зная пароля. – Заперла нас и не спросила бы меня? – Нет. – Ах ты моя стервочка! – Олег приблизился к ней, утонув пальцами в волосах слегка разлохматил ее прическу, приблизился к ее губам. – Сейчас я тебя! А... Ты же не умеешь, – осекся он и опрокинулся к стене. – Извини. Я научу тебя, обязательно, будешь целоваться лучше, чем я.

– Хочется верить, – неуверенно, с частично инфантильным тоном сказала Диметра грустив. – Родная, не грусти. Это будет скоро.

Она взяла одну из лежащих вокруг банок пива и протянула ее Олегу. – Спасибо! Настоящий друг! – Ну а...

– А тут и рассуждать нечего, – прервал Диметру Олег и открыл банку так, что пиво полилось напружу, ну руки о под рукава Олега. – Дружба – это добровольное самопожертвование. – Самопожертвование кому: человеку, коллективу? – Диметра смотрела внимательным взором. – Другу конечно. Когда речь идет о коллективе, то мы уже говорим о братстве.

Руки Олега эротично источали аромат пива, провел ими по шее Диметры, после чего полез в карман и достал оттуда пузырек белого цвета.

– Сейчас закинусь, Дорогая, и на пару часиков, не могу больше, пиво не действует.

– Зай, да ты что? – возмутилась она широко раскрыв глаза.

– Не бойся, Милая. Где наша не пропадала?! – он ввел пипетку пластикового пузырька сначала в одну ноздрю, потом в другую, закрыл глаза и откинул голову. Его лицо приобрело довольный вид и она видела его медленно расслабляющиеся мышцы, обмякшие ноги, что было видно даже через брюки, будто принявшие фору бортов белой стандартной ванны, находящиеся в том же разведенном виде; руки оставленные на ногах, пальцы правой сжимали капли. Опертая на противоположный край Диметра всем движением тела приблизилась к нему, взяла левую руку в

свою и провела пальцем по ладони – ритмично дышащий Олег не рефлексовал, мускулатура его лица давала информацию о полном покое. Она расшнуровала и сняла с него кеды, взору открылись черные носки, после снятия которых его ступни будто обрели свободу. Далее Диметра расстегнула манжеты его рубашки, после и остальные пуговицы и едва касаясь подушечками пальцев провела по его животу, слева на котором виднелся диагональный шрам – след от уличных драк с ножами, видный еще на школьных фото. Она продолжила путь до возбуждения, гладкая грудь Олега остановила ее пальцы сосками и оставив его левом соске левую руку правой она дотронулась до своих возбужденных гениталий, массируя их, кладя руку, вибрируя ею до наступления абсолютной радости, абсолютного чувства полета свободы мысли и ощущения, до наступления счастья настолько сильного и бурно, что эта ночь, как немногие, запомнится ей на всю жизнь накрывшим голову, шею, плечи и растекшимся по всему остальному телу экстазом радости ласкать себя, поднимать себя до высот космоса и спускать до глубин океана. Олег открыл глаза и полу мутным взглядом посмотрел на Диметру, она при этом словно ударенная током убрала руку с его груди и резка откинулась на противоположную сторону ванны.

– Дорогая, ты чего? – удивился он. – А время сейчас сколько?

– 5:30, – посмотрела на часы она. – Нам на работу скоро...

– Вот я отрубился, а хотел поговорить... Почему ты так испугано выглядишь? – Олег посмотрел внимательным взглядом – А что вчера было? – Да мы так и проспали в ванне, – ответила она, стараясь скрыть эмоции. – Красивая ты, – старался проморгаться он, но расплывчатость зрения отпускала его постепенно.

Диметра покраснела и опустила глаза. Олег оперся на край ванны, встал и ступил на пол. – Я сейчас душ приму, потом ты и пойду, чайник поставлю. Бутерброды сделаешь? – голос Олега был протяжным и заспанным.

Диметра охотно кивнула головой, направляясь за ним. Он включил чайник, рассыпал растворимый кофе по чашкам, прокрутив мысли в голове о нехватки времени выпить «настоящий» кофе, который виртуозно варит Диметра, разлил по чашкам кипятков и сел на противоположную по отношению к ней сторону стола, оценив два куска хлеба, на которых лежала колбаса и поверх нее – сыр. Сидя по разные стороны стола Диметра имела возможность рассматривать Олега словно на ладони...

– Так вот о братстве, дорогая, – прожевал он. – Братство служит определенной идее и функционирует по схеме: либо сами члены, братья,

осознавая определенную идею, следуют ей. К примеру, эти молодежные организации: хиппи, панки, хакеры. – Олег доел бутерброд и сделал глоток кофе, поймав внимательные глаза Диметры. – Либо ситуация лидера, ведущего то или иное братство за собой.

– Да, только я не согласна с тем, что братство дееспособно при отсутствии лидера, идейного вдохновителя. – Диметра сделала глоток кофе. – Теоретически идейного вдохновителя может не быть в живых, но наличие носителя его идей позволяет братству не превращаться в хаотичный массив безыдейных людей. – Нет, Дорогая, согласишься все-таки, что братство живет идеей, а не лидером. – Олег допил кофе и посмотрел на Диметру полными любви глазами и немного смягчил тон. – Лидер может быть арестован, но это не значит, что арестовано братство – оно живет идеей; лидер может умереть, быть убит, но это не будет означать, что мертво братство – на его место придет другой и поведет за собой. Наконец, может быть уничтожено и братство, и лидер, но не умрет идея – она обретет новых носителей.

Диметра откинулась на стул и посмотрела на Олега:

– То есть ты ставишь идею выше ее носителей? – спросила она задумчиво. – Хочу мастурбировать...

– Естественно, зай, братство смертно, идея же бессмертна в своих последователях. Именно идея, идея чистая и не искаженная ни деньгами, ни загибающими жар. На работу пора, – рассмеялся он.

Они встали из за стола и Олег направился в спальню, открыл шкаф, быстро оделся, практически бегом вышел к входной двери, обул кроссовки, массивную черную куртку.

– Все, я побежал. После работы встречу, – скороговоркой проговорил он и ушел.

Диметра оделась и, последовав примеру Олега, убежала на работу.

Фасад здания консультационного центра, спрятанного в карман двора, желтизной стен сливался с осенним пейзажем. Часть мелкой плитки, огибающей контуры оконных рам, отлетела, образуя на фоне новых пластиковых стеклопакетов неестественный контраст заброшенности с любовью к переменам. Внутри вела металлическая дверь с отшелушившейся краской, слева от которой находилась синяя вывеска, золотыми буквами сообщившая Олегу о том, что Диметра работает именно здесь. Спокойно осмотревшись в застывшей позе военной осанки он полез в карман куртки, тут же закурил удивляясь как быстро пришла осень, атрибутивно возвещающая о себе порывами ветра, ритуально гонящего листья по асфальту, словно мысли в его голове. Наступив и тем самым затушив окурок он взглянул на часы, сообщившие что рабочий день

Диметры закончится через полчаса, быстрым шагом он направился к цветочному киоску, смотрел минут двадцать, пока его взгляд ни примагнитили красные, ее любимые, розы, от мнимого отсутствия которых он рисковал потерять самообладание. Выбрав самую красивую и пышную он вернулся к зданию центра практически вовремя – Диметра спускалась с порога и выглядела уставшей, смотрела вниз сосредоточенно. – Та-ак, психи опять довели мою девочку? – иронически спросил он, на что получил неожиданно серьезный ответ: – Они не психи, Дорогой, пока я в состоянии справится с их пограничными состояниями, при патологии – вот тогда уже направляются к психиатру. – Ага, я понял. Пришли поболтать дамочки, которым нечего делать дома. – Не угадал. Такими, вон, молодежь занимается. Ребята только с Вуза приходят, а поработать охоты хоть отбавляй. Просто разговорились о жизни с одной клиенткой... Она, кстати, как видит фото на моем столе – всегда спрашивает о тебе. – И о чем же вы говорили? – Олег протянул розу Диметре.

Она улыбнулась во все лицо и аккуратно держа цветок ответила более легкомысленным тоном: – Да так...

Поднялся ветер, троллейбуса не было минут тридцать, спина Любимого частично загораживала и частично не допускала до Диметры ветер. Оба не заметили, как начало темнеть, в момент раздумий вожденный общественный транспорт распахнул перед ними двери, пропуская ее вперед он зашел следом и направился к двойному сидению, место у окна которого предусмотрительно было занято Диметрой. Она сутулясь смотрела в окно, троллейбус тронулся и от последовавшей неожиданности ее будто ударило током, молнией экстаза, неожиданного экстаз, от которого перехватило дыхание – Олег незаметно провел руку за ее спину и обнял по-мужски сильно и по влюбленности бережно, привлекая ее к себе и приближаясь сам. Заведомо дальняя дорога укачивала и клонила в сон настолько, что перекрывала желание всеми фибрами, всеми клетками, всей аурой, всем пространством и временем ощущать тепло Олега, единственного человека с которым тепло; единственного, положив голову на плече которого можно чувствовать себя в безопасности и в доходящей до маниакальной уверенности – в зоне его тепла, его ауры, его магнетизма, его света, его энергетики ничего не случится, в этот старательно свитый кокон никто не проникнет.

– Просыпайся, моя Сладкая, следующая остановка – наша, теребил он руку Диметры, загадочно оказавшуюся в его руке.

Стемнело. Двор, пустой и тихий, радовал наличием освещения, падающего на упавшие листья, играючи поддающееся кроссовкам Олега.

– Смотри–ка, и струны целы. – Он поднял гитару, лежащую под скамейкой их дома, пристально рассмотрел и положил рядом. – Покурим? Она одобрительно Кивнула и села на скамейку напротив щелкнув зажигалкой. Он сделал несколько энергичных затяжек, раздавил окурок, взял найденную гитару и тут же стал играть. – Та–ра–ра–ра. Та–ра–ра–ра–ра–ра.

– Здорово, – искренне похвалила она. – Что–то вспомнилось вдруг, – задумчиво улыбнулся он. – Тогда мне даже хотелось высветлить волосы под цвет как у Курта...

– Пошли домой, зай? Холодно...

Олег одобрительно кивнул и оставив гитару на скамейке пошел вместе с Диметрой домой.

Любовь

ЛЮДИ МОГУТ ЖИТЬ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ, ПИТЬ ВМЕСТЕ, ЗАНИМАТЬСЯ СЕКСОМ, НО ТОЛЬКО СОВМЕСТНОЕ ЗАНЯТИЕ ИДИОТИЗМОМ УКАЗЫВАЕТ НА ДУШЕВНУЮ И ДУХОВНУЮ БЛИЗОСТЬ – прочел Олег на мониторе компьютера, за которым сидела Диметра, просматривая сайт. Он приблизился тихо, осторожно, подошел сзади...

– С добрым утром, Любимая! – нежно воскликнул он ощущая свежесть после душа и чувствуя ее от Диметры, удивляясь как она успела принять душ, а он не заметил.

– С добрым! – она повернулась к нему. – Видишь, что на сайте пишут? – Ну-ну! А завтра напишут, что-то вроде «Секс – это идиотизм». Религия – и то интереснее. – Религия? – Да, преимущественно вопросы веры. – Веры во что? В Бога? В себя? В палочку-выручалочку? – С утра не готов ответить на столь глубокий вопрос, – улыбнулся Олег.

Осенний день, еще один осенний день держался теплым и вовсе не гонял листья на асфальте, создавая идеальный штиль. Редкие отблески солнца то пробуждались, то находили приют в глубине его глаз, а порывы ветра, так смело и вольготно врывающиеся из открытой форточки изучали его майку колыхая, широкие трусы-боксеры с изображенной рукой с длинными пальцами и розово покрытыми лаком ногтями.

– Дорогая! – крикнул он из кухни. – Омлет готов! – Сейчас, я почту проверю! – А я свою с утречка проверял. Нас на десятилетие стихиздата приглашают! Диметра тут же примчалась на кухню и села на стул.

– Когда, – заинтересовалась она. – А Лена с Катей будут? – Конечно, – улыбнулся он. – Лена придет, и конечно не одна. Куда она без Катюхи?! А знаешь, кто еще будет? Ни за что не догадаешься! Диметра удивленно посмотрела на него с выражением лица детского любопытства. – Элеонора Евгеньевна. – Вау! – воскликнула она. – Сколько лет-то прошло. Помню ее разносы моих стихов. Литературный критик от Бога. Хорошо ее помню...

– Да, это точно. Так что собирайся, дорогая, пойдем.

Оба они направились в спальню. Диметра присела на кровать, а Олег направился к шкафу, открыл его, достал ослепительно белую рубашку, встряхнул, снял майку «алкоголичку» и это обнажило его потрясающее тело, наполненное энергетикой мужественности. Он одел рубашку, мастерски застегнул рукава. – Милая, а ты что не одеваешься? – он открыл

вторую дверцу шкафа и достал нежно-желтый топик. – Вот, одень это, а то будешь, как всегда, два часа копать, – улыбнулся он и положил его к сидящей рядом на кровати Диметре, сам направился обратно к шкафу, достал черный галстук, накинул его на шею, взял стул, развернул его сидением по направлению к Диметре, сел и, глядя на ее заоблачную задумчивость, взял ее собранные внизу живота руки в свои. – Ты что так задумчива, лапуль? – Порой проблемы клиентов овладевают сознанием полностью. – она подняла глаза на Олега. – Только подумай, сколько людей топчет землю, будучи сплюснутыми омерзительно тяжелым прессом отцов, матерей, дедов, бабок, учителей, преподавателей, коллег, случайных прохожих. – Да я думаю, – согласился он. – У отца годовщина завтра, мать к нам приедет. Смешно до коликов: когда он был жив, мать его пилила на тему того, что другие давно горы свернули, а он сорок лет отдал и до сих пор не заведующий отделением, а после его смерти все изменилось.

– Люди реже ценят имея и чаще плачут потерявши.

– Ты права. А вот насчет учителей я не согласен. Учительница музыки всегда говорила, что у меня абсолютный слух. А художественная самодеятельность. – Олег улыбнулся во все лицо. – Это отдельная песня. Во всех спектаклях я играл только мальчиков, родители были в шоке когда пришли, а потом я видел даже гордость от звучащих мнений, что я юное дарование.

– Забавно. – улыбнулась она. – Когда в детстве писала стихи, да и сейчас, то не нуждалась ни в чьей критике. – Самодостаточная ты моя, иди ко мне... Олег взял обоими руками свисающие кончики галстука, перекинул его на шею Диметре и притянул ее к себе, губы оказались так близко от мужественных губ Олега, отпустившего галстук и скользящего кончиками пальцев по плечам и рукам Диметры. Молниеносно его огрубевшие от гитарных струн подушечки пальцев оказались на лице, нежные движение по вискам. Диметра резко отдернулась со страхом в глазах, бегающими зрачками, ломаными движениями рук. – Милая, я давно хотел спросить. Олег отпустил ее руки, выпрямился, откинулся на стуле, развел ноги и сложил руки на груди говоря совершенно спокойно. – Тебя, случаем никто не изнасиловал? В детстве или, может, в юности? Ты не бойся, расскажи, я же свой парень! И, клянусь, найду их, на куски порву! – Стоп, дорогой! Стоп! Никогда не было такого! – взвизгнула она и положила руки на его колени. – У каждого человека существует иерархия приоритетов жизни и смерти...

– Приоритетов жизни и смерти? – удивленно поднял брови он. – Да,

приоритетов. То, после чего можно жить дальше, а после чего – нет. Насилие – жить с этим просто нельзя. К нам приходит невообразимое количество жертв, львиная доля из которых – дети до восемнадцати лет, Приоритеты... Если бы меня изнасиловали или я бы узнала о внезапно наступившем в стране голоде, то я бы непременно приняла смертельную дозу транквилизаторов! – Гы-ы-ы-ы-ы-ы, Олег расслабился. – Приняла бы смертельную дозу она... В блокадном Ленинграде люди поедали друг друга лишь бы выжить. Случись голоду – я бы любой ценой раздобыл тебе еды и поил бы тебя своей кровью до последней капли только бы ты жила.

– А я бы раскусила себе вену и поила тебя своей, до последней капли. Иначе как мы встретимся в следующей жизни?!

– Да о чем мы говорим вообще? Олег резко взял Диметру одной рукой за шею, дошел до затылка и еще более резко приблизил к себе. Ее губы инстинктивно приоткрылись, зубы разжались навстречу поцелую. Странная категория – инстинкт. Диметра была подвижна не только им, а опыт от просмотра мелодрам, порнофильмов. Его активный, натренированно мощный язык оказался внутри ее рта. Движения губ, языка, представления умелых жестов рук через закрытые глаза – все это перекрывал его вкус. Поцелуй – это проба запаха любимого на вкус, неповторимо эротичного запаха. Вкус Олега – это с первых нот возбуждающая смесь беоломорских папирос с не фильтрованным пивом.

– Неплохо для первого раза. – похвальный голос Олега вырвал Диметру из пелены собственных мыслей и смотрел на нее горящими глазами. – Лапа моя, иди ко мне. – Олег придвинулся к ней на стуле и обволакивающими движениями ввел руку в нее трусики, нежно касаясь гениталий Диметры, поглаживая и напористо трогая. Ощущения от его рук напоминали прикосновения электрического провода, ее било током рук Олега.

– Любимый мой, – прошептала она.

– Я хочу тебя. Хочу. Х-О-Ч-У, – мечтательно протянул он и заново коснулся ее губ, целуя напористо и страстно. – Мне страшно. – отодвинулась Диметра. – Я жен мужчина, понимаешь. Я хочу тебя – хочу секса с тобой. – Нет. – испугано отказала она.

– Заюша моя, ну что ты? Я конечно понимаю, что далеко не красавец, но организм просит ласки. – Нет. Напротив, ну необыкновенно красив. Я с детства в мечтах рисовала твой образ и мечтала быть рядом, быть достойной любви именно такого человека как ты. Я засыпала и просыпалась видя тебя перед глазами. Любимый мой. – Спасибо. – слегка покраснел он. – Вчера, представляешь, я думал, рухну со смеха со стула.

Старушка такая вся из себя ко мне в кабинет заходит и прям с порога прочти что: «Молодой человек, а доктор Ковалева скоро будет?». – Олег спародировал голос пожилой женщины. – Ну вот, а говоришь, не красавец. Но дело не в этом...

– Ну а в чем, детка? В чем? Почему ты этого не хочешь? – Понимаешь, милый, секс – это очень серьезно... Это тот порог не возвращения, пройдя который назад дороги попросту нет. Ты прав. Я боюсь! Боюсь будущего. Боюсь, непостоянства. Боюсь, рано или поздно веревочке придет конец, сказочка закончится и я останусь во мрак собственных воспоминаний. Я слишком долго, до тебя, находилась в плену собственных фантазий чтобы вернуться в этот мир снова. – Молодая ты еще, – заключил он – Отношения – это симбиоз двух людей, структура, проходящая вое преобразование, циклическое, от Я через МЫ до Я, произнося которое человек говорит осознавая себя лишь половиной ЦЕЛОГО и, поверь, я никогда тебя не брошу, никогда! Посуди сама, кому хочется стать инвалидом? Кому хочется собственноручно ампутировать себе руку или ногу?! Да-да, бросить – это все равно что оторвать себе половину конечностей! – Ты как всегда прав, а я как всегда со своей колокольни не знаю, что делать. – Типично русская проблема. Если бы мы вместо неразрешимых задач о том, кто виноват и что делать ответили бы однозначно на поставленные вопросы: в кого верить, на кого надеяться и кого любить, то в нашей стране наступила бы полная идиллия между властью и народом.

– Я верю в тебя. Я надеюсь на тебя. Я люблю тебя. – Не все так просто, красота моя. Помимо чувств важны, крайне важны еще прикосновения, ласки, да просто секс. – В первую очередь важны чувства. – Важно все! – рассмеялся он.

– Ну а у тебя как это было? Как было в первый раз? – наконец осмелилась спросить она. – У меня?.. – Лицо Олега внезапно приняло серьезный вид, а глаза он опустил и выдержал паузу, продолжив тоскливо грустным голосом. – Да по обдолбу все было. По утру проснувшись на полу мы и не помнили ничего. Майк был моим другом, настоящий талант, не то что я: он писал песни, а я их горлопанил под гитару на Арбате. – Вы были милой парой, да? – Нет. – отрезал он. – Майки утверждал, что мы после этой дури протрахались целые сутки, я-то не помнил ничего и по началу я хотел все скрыть от своей тогдашней девчонки, а она конечно все увидела, поняла, начала доебываться: с кем это и я. – Олег потянулся к стоящей на тумбочке банке пива, открыл, его температура была чуть ниже комнатной. – Да что мы тогда были? Мне 18 тогда было, Гальке 19. А насчет пары... Мы вместе пошли к Майку в ожидании его рассказа как мы

трахались, но опоздали. Уж не знаю какой дрянью он тогда закинулся: зрачки вытянутые как у кошки, изо рта пена. Даже до больницы не довезли, он практически у меня на руках ласты склеил.

– М–да... – грустно протянула Диметра.

– Да ну его на хрен, мое хиппанутое детство!

Она приблизилась к нему и очень аккуратно поцеловала в щечку, потом еще раз и еще, раз за разом вырывая его из тленности тяжелых воспоминаний.

– Погнали, дорогая? А то на стихиздат опоздаем! Олег встал и из-под не застегнутой белом рубашки виднелась вся божественность его тела: изгибы кожи, цвет, едва заметную грудь, торчащие соски. Олег застегнул пуговицы на манжетах, потом все остальные, не застегивая лишь три верхние, поправил рубашку поверх брюк, одел черный галстук, типично затянув его лишь на половину, одел солнцезащитные очки с большими стеклами в духе Элвиса Пресли и они оба вышли на улицу. Диметра щурилась навстречу яркому солнцу, подобно гигантскому спруту раскинувшему свои щупальца по родному двору и улицам. Троллейбус отмерял дорогу округлостью шин, Олег и Диметра сели рядом и он обнял ее, прижал к себя и в это время она преклонила голову на его плечо. – Теперь я поняла, что есть вера, – шептала она на ухо Олегу. Это наличие объекта веры, возможность всей душой крикнуть: я вею в тебя, любимый. Я верю в тебя.

Олег мечтательно улыбался ее словам и смотрел в окно, демонстрирующее безмолвно подвижную картину города.

Внутри все напоминало скорее вечеринку стенд-ап комедии: спереди была организована сцены, на которой стоял поэт и декламировал стихи; а позади нее были организованы столы, половина из которых была не занята, за второй же половиной сидели люди, увлеченные толи едой с выпивкой, то ли декламацией стихов.

– Олег, это ты? Как же ты возмужал! – раздался голос позади. Они обернулись. Перед ними стояла Элеонора Евгеньевна – пожилой филолог, в свое время преобразившийся в молодую девушку–литературного критика на просторах стихиздатовских чатов. Она подошла к Олегу и потрепала его за плечи. – Диметра, а ты–то какая молодец! Красавица! – А вы все такая же! Это Вы молодец, а не мы. – покраснела Диметра. – Да ну что ты? – Элеонора Евгеньевна улыбнулась и ее морщины приобрели иное очертание и казалось, ее полувыцветшее платье приобрело тот же блеск, как и улыбка. – Как вы, еще не поженились? – В смысле? Мы же были одной из первых пар...

– Глупышка, да я не про это! – Она наморщила лоб и спокойным вкрадчивым голосом продолжила. – Я про реальность. – Мы активно над этим думаем! – вставил Олег смешливым голосом и перевел взгляд на Диметру. – Пошли найдем столик, зай? – Порой поражаюсь, как вы друг другу подходите. А ты не думай, а делай, Олег, тебе ж так повезло! – Порой мысли имеют обыкновение доходить до действий. – Согласна. А ты все там же работаешь? – Конечно. А как иначе? Я как-то в учебный отпуск пошел, а мои чуть ли не до главврача дошли: где наш любимый доктор, без него хирургия опустела.

Стулья столиков были размещены таким образом, чтобы все сидящие либо напрямую либо с боку были обращены к сцене. Олег выбрал столик несколько отдаленный от сцены, ближе к стене и отодвинул Диметре стул. Она осмотрелась и не могла понять: ни кухни, ни подобия рядом не было, однако большинство людей сидели с пивом и что ели, горячее и холодное.

– Пойду, что-ни будь выпить найду. – Олег встал со стула, резкость его движений была потрясающей, трудно отвести взгляд. – Не скучай. – подмигнул он и расслабленной развалистой мужской походкой направился вдаль. Диметра потупила взор, опустила глаза, оперев голову правой рукой. Объективно осознаваемый мир в отсутствии Олега казался бесполезным атавизмом мира грез, мира фантазий. В ту минуту на Диметру нахлынули воспоминания, она закрыла глаза и перед ней предстала картина того мига, когда они остались наедине впервые. Когда впервые можно было тонуть в музыке его голоса и не мешал никто, даже она сама. Это миг смотреть на него в полном желании не быть ни кем, а только пылью в карманах его столетних потертых джинсов – быть с ним всегда и везде, быть соприкасающейся с его телом одеждой, быть проникающими в самые потаенные уголки его тела потоками ветра, находиться в комнате без окон и дверей и не быть ни кем и ни чем кроме этих стен, подобно смотрящему во все глаза человеку смотреть, глазеть, пялиться на него всеми своими порами, всей своей окрашенностью.

– Тук-тук, к вам можно, спящая красавица? – Олег поставил поднос. На нем находилось две бутылке пива, сушеные кальмары, салат Оливье, две порции, чипсы. – Спящих красавиц будят поцелуем. – рассмеялась Диметра, очнувшись от воспоминаний.

– Радость моя! – засиял улыбкой он. – Я думал, тут ресторанно выпендренная херня будет, а я тут пивка и чипсиков нарыл! Тебе вот легкое, а я по-мужски темное сегодня буду. – Олег протянул бутылку ей и поцеловал в щеку, крепко и страстно. Он сел, взял свою бутылку и двумя пальцами открыл крышку, на что пиво ответило соблазнительной пеной.

Он сделал несколько глотков, было видно его удовлетворенность в глазах.

– А ты что сидишь? Открывашку ищешь? Олег взял у Диметры бутылку и тем же движением ее открыл.

– Ха–ха! Пожалуй, я единственная в мире девушка, у которой есть живая открывашка! – А то!

Олег сделал еще несколько глотков и смотрел на нее.

– Добрый день, уважаемые дамы и их господа! Мы рады вас приветствовать на пятилетию сайта Стихиздат! За это время мы добились многого: наш сайт стал одним из известнейших в стране. Нашу рекламу на радио и телевидении знают наизусть, а число наших поэтов и их читателей перевалило за тридцать миллионов. И мы расширяемся! После внедрения на наш сайт услуги ЗАГС на сегодняшний день число наших виртуальных пар достигло ста тысяч! Диметра узнала в них создательниц сайта Стихиздат, а Олег рассматривал их и удивлялся как они изменились за год: Лена слегка поправилась и была одета в топ цвета фуксии юбку до колен, Катя стояла в платье. Все повторилось подобно некому запланированному сценарию, Лена и Катя слились в страстном поцелуе.

– Сегодняшний вечер, как и прошлый год, будет наполнен поэзией как и известных авторов, так и новых. – начала Лена и посмотрела направо. – Вижу, сегодня многие откликнулись на приглашения! Вот, с нами Роджер240. Приветствуем его! Из–за стола встал худощавый мужчина лет тридцати пяти–сорока на вид. – Спасибо! Я–то как раз отношусь к сообществу читателей, сам не пишу, но стихи обожаю, прочел большинство авторов сайта и даже не ожидал от случайного виртуального брака отношений в реале. Теперь у нас с Кэрри97 законный брак и она ждет второго ребенка. Спасибо, в общем, всем вам!!! – мужчина сел и опрокинул очередной стаканчик водочки, закусив лимоном.

– А так же сегодня почтила своим присутствием одна из первых пар нашего Загса. Эти люди одними из первых украсили наш сайт своими произведениями. Я конечно же говорю об Олеге и Диметре! Именно Олег, талантливый музыкант и автор песен, одаренный композитор и поэт, известный врач–хирург, первым открыл рубрику текстов песен. И Диметра, талантливая поэтесса, психолог, замечательный программист, которой мы обязаны столь быстрым движком Загса, переписанным ею всего за одну ночь! Олег встал. Его черный галстук был скошен слегка налево. Верхние пуговицы его рубашки не были застегнуты, первые три, и это обнажало его шею, белую и даже бледноватую от падающего света. Рубашка выглядела немного помятой, на размер больше, но облегала грудь, настолько идеальную что Олег никогда не заматывал ее бинтом и легко носил

облегающие майки. Когда он начал говорить, его взгляд стал глубоким и философски смотрящим сквозь пространство и время. Голос был хрипловатым, грубым и проникновенным: – Не скрываю, все то что я пишу в своих блогах – правда, дневник меня любимого. За жизнь у меня было много женщин, но любимой из них была только моя гитара. Однажды я нажрался и солнечным днем шатался по городу, моему взгляду предстало зрелище настолько чудесное, что я аж протрезвел! Девушка стояла и подпирая стену несла незнакомым людям такую околесицу, какую я во век не слышал. Я чувствовал себя маленьким мальчиком, впервые решившимся познакомиться с девочкой. – Олег сделал три глотка пива, высоко подняв бутылку, и вытер рукой пену с губ. – А рассмотрев ее поближе понял – я втюрился как мальчишка и нет разницы: на секунду это, на всю жизнь... А когда она ответила на мое предложение на сайте, я при этом был самым счастливым мужчиной в мире!!! – Олег сделал еще несколько глотков пива при этом Диметра заметила бугорок его брюк, подумав об эрекции, и встала. – Написанное в моих блогах так же правда! Работа–дом–бодун–работа и все с начала. Таковой была схема моей жизни до Олега. Тот день казался таким же серым и скучным, как и все предыдущие и я подумала: а не сон ли это? Не грезы ли это? Ко мне подошел познакомиться человек со взглядом гения и отчужденным лицом. Он произнес простую фразу, но это был голос искушенного гипнотизера. – А еще я ели стоял на ногах!!!!

– Это да. Он чуть не грохнулся тогда! А потом жизнь стала похожей на сказку. Олег сделал предложение и я раз двадцать перезагружала страницу, казалось, стерев пресловутую клавишу F5 до основания не веря в собственное счастье. Наш первый секс после свадьбы, точно перегрузивший сервер. Наша первая встреча в реале после свадьбы. Его первые розы. Его первые объятия. Наши первые посиделки в ванной... – по щекам Диметра скатились слезы счастья. – Тогда я не верила в собственное счастье. Не верила в то, что Олег живой, настоящий, а не плод моих фантазий. Теперь я нахожусь словно после курса антидепрессантов – яростно и бесконечно счастливой.

Диметра тогда и сама удивилась, не поняла реакции всех присутствующих: они встали и пронесся гул их аплодисментов. А Олег удивил невообразимо приятнее и больше. Он встал, отодвинул стул, подошел, обнял очень крепко, на что ответно срефлексировала она, и поцеловал. Дерзко, грубо, по–мужски он продолжал ее целовать и целовать, мир тогда будто померк своей ненужностью, аплодисменты давно стихли, а он продолжал и продолжал. Поцелуи были настолько страстны, что от нахлынувших эмоций было трудно сесть. После голоса звучали неким

фоном, слова было трудно различать. Они говорили о том, что мало кто видел более красивый поцелуй, Олег настоящий джентльмен, а потом слова и вовсе утратили язык, в фокусе ее внимания был только он. Только он. – Кажется, пиво упорно ищет письку. – Олег лениво поднялся из-за стола.

– Кажется, у меня тоже.

Незнакомые люди, декламирующие стихи на сцене, слушаю и кушаю люди за столами – все это было позади в поисках туалета.

– Туалет, ау! Ну кто так строит? – перефразировав возмущался Олег.

– Вот, какая-то безымянная дверь. – заметила Диметра.

– Главное, чтобы на ней висела буковка М.

– И Ж.

– Ага.

Олег первым открыл дверь, резко повернув ручку. За ней была просторная глубокая комната, в нее приглашала надпись, приведшая обоих в легкий шок. «Добро пожаловать в каземат» – приглашала она.

За дверью комната была освещена тусклым светом перегоревших через одну ламп. Посередине стоял таз из меди, тусклый, покрытый окисью. Возле стены был свален строительный мусор: куски плитуса, обоев и много чего еще было засыпано штукатуркой. К противоположной стене была прикреплена полка рыже деревянного цвета, на ней стояли фаллоимитаторы различной формы: от пупырчатого пяти сантиметров до тридцати сантиметров с кнопкой внизу. Одни из были телесного цвета и идентичными анатомически, другие напоминали картины абстракционистов, будучи сделанными прозрачно, зелеными, голубыми, искривленной формы, похожие на чудесных змей, конусные лампы. Ниже полка продолжалась пластиковыми крючками того же цвета. На них висели черные плети различной длины и кляп с красным шариком по середине и кожей по бокам. Диметра обернулась и увидела жмущегося Олега. Он, стоя возле таза, тот час спустил брюки, семейники и, выпятив живот, стал писать стоя, в таз. Диметра впервые видела столь интимную процедуру. Журчащий звук водопада льющейся мочи проник в уши подобно гениальной музыке, аммиачный запах превзошел все представления о парфюмерии. Диметра подошла к Олегу, встала на колени, наполнила его мочой ладони и умылась, после чего живительно соленая влага попала в рот и это было самой лучшей жидкостью из попавших в рот за всю ее жизнь. В ее мыслях циклично крутились фразы: «Любимый, ну еще. Еще чуть-чуть. Неужели его мочевого пузырь так мал по объемам?» – Много в жизни видел, но такое... – Лицо Олега, его глаза, выражали непонимание и крайне сильную степень удивления. – Так это же крещение, любимый.

– Крещение??? – переспросил он, одевая брюки.

– В каждой вере существует обряд, после которого участвующий в нем ребенок или взрослый может себя идентифицировать с тем или иным вероисповеданием, с той или иной верой, молиться тому или иному богу, не так ли?

– Угу, – кивнул он.

– Так вот. А еще существует крещение не только вере, а любви. Моча – самый важный продукт выделения любимого организма и умыться ею, вкушать – это великое счастье, крещение любимым человеком с целью идентификации себя с ним, с целью клятвы любви до последних дней. Я всю жизнь мечтала об этом! – Ебица сила. – он почесал затылок. – Чего только на свете не увидишь! А я и не знал, что такое бывает, я ж не продвинутый. – А еще, – продолжила она, – Многие люди собирают мочу в стеклянные банки и, когда наберется литров сорок, выливают ее в ванную и ложатся. Купаться в ней, умываться, вкушаться из чашки, поглощать ложечкой из кофейной чашечки, припивать из блюдца – вот истинное счастье!!!

– Пойдем, дорогая. – Олег протянул Диметре бумажный платочек. – Нам все-таки надо найти нормальный туалет, ну руки помыть и тому подобное.

Диметра подошла к полке и сняла кляп с крючка, пристально рассматривая его. Олег снял самую длинную плетъ и секнул себя по руке. – Ничего себе, жгучая. – похвально протянул Олег. – А мне вспомнилось ницшевское: «Идешь к бабенке – возьми с собой плетъ». – Умница моя! Иди сюда.

Олег обнажил ей спину и замахнулся плетью. – Ребята, вы в своем уме??? – раздался голос сзади.

Внутрь вошел маскулинный охранник в зеленой форме и бейджем на левом кармане. – Каземат еще не достроен и находится в нем смертельно опасно! У ну вон отсюда! – Да мы тут ничего и не хотели. – оправдывался Олег и быстро вышел, ткнув за собой за руку Диметру.

Оказалось, что туалет был за следующей дверью. Мочу Олега не хотелось смывать с рук, с лиц. Это сродни их первому поцелую, что запомнился ей на всю жизнь. Олег спешил и чмокнул ее в щеку, даже не придавая этому особого значения. Она не умывалась утром и смотрелась в зеркала, гордо демонстрируя ему щеку. В тот день хотелось ходить по улицам с гордо поднятой головой. Тогда-то и были познаны различия души и тела. Физиологически на щеке его губы практически ничего не оставили, однако это осталось в душе, на самом главном месте. Эти воспоминания

заставили ее умыться. Кто это? Кто это в зеркале? В этот момент она всматривалась в свое отражение, дотрагивалась до щек, губ, проводила пальцем по носу удивляясь полному несоответствию внешнего внутреннему. «Неужели это я? Неужели меня можно любить такой?», думала Диметра выходя за дверь туалета.

Олег стоял, опершись о стену, его руки были скрыты в карманах, а левая нога заведена за правую, «туфель на носке».

– Ну ты где была–то? Я заждался...

В скорее к остановке подъехал троллейбус, на удивление обоих, новейшей модели: без отвратительных ступеней, с мягкими сидениями синего цвета с подголовниками, большими стеклопакетами окнами. Диметра утонула, Олег сел на противоположное сидение, откинулся, положил голову на подголовник, повернул голову к окну и закрыл глаза. В этом они были похожи – шумные компании, места скопления больших количеств народа их утомляло, истощало. Троллейбус тронулся с места и, буквально, после следующей остановки его пальцы подрагивали сродни гениальному пианисту, наигрывавшему некую загадочную мелодию. Вскоре он вздрогнул сем телом, испугано открыл глаза, оторвал голову, осмотрелся. – Ты что? С тобой все в порядке? – Не волнуйся, милая, это всего лишь сны. То, блядь, патанатомия снится. То крокодилы нашей сраной коммуналки – проебаное детство!

– Успокойся, все это прошлое.

– Тебе легко сказать. Ну вот сама посуди, на хуй было отрывать меня от школы? Конечно, в нашей дыре ловить было нечего, а так потряслись 16 часов в плацкарте – и вот она, столица. Сто незнакомых лиц в секунду, ни друзей, ни близких.

– Любимый, закрой глаза и повтори в слух три раза: «Это в прошлом».

– Это в прошлом. Это в прошлом. Это в прошлом. – Ну как? – Спасибо. Любимая. – Олег принял задумчивый вид. – О чем думаешь, Милый? – Будешь смеяться. – Мне интересно. – Ты давно не квасила капусту!

– И правда... – она улыбнулась.

– У меня аж запах в носу. Прямо вижу ведро, а там капуста с ленточками морковки и вкраплениями клюковки. Эх, запустил бы сейчас руку туда...

– А я думаю совсем о другом, не о плотских удовольствиях. – Это камень в мой огород, я так понял?

– Да нет. А давай представим триединство, триаду, триптих? Вера–Надежда–Любовь – ведь одно не существует без другого. Пока ехали, меня

осенило: эту триаду можно графически изобразить, в виде ромба, а ромб – это, на самом деле, два обоюдонаправленных треугольника, где сверху любовь, слева вера и справа надежда.

– Допустим, что так.

– Вооооот. И направлены они пикой любви с верой и надеждой по краям на участников пары. Этим самым они могут однозначно ответить на вопросы о том, КОГО любить, на КОГО надеяться и в КОГО верить. И этот КТО собственно является молодым человеком девушки, девушкой молодого человека. – Ну ты даешь...

Олег перебрался к ней, приблизился, ее губы инстинктивно приоткрылись и он целовал. Целовал так, что земля уходила из-под ног, границы пространства и времени утрачивали контроль.

По приезде ощущения челюстей были словно после съедения килограмма орехов, ощущения не прекращавшихся всю дорогу поцелуев.

Сильный дождь сгустил внутреннюю радость. Дождь застал врасплох. Домой первым забежал он, разулся, мигом побежал в ванную, стянув с себя мокрую рубашку и помог снять одежду Диметре.

– Ты мокрый весь. – Диметра потрогала его волосы. – Я-то не помру, а вот ты простыть можешь. Залезай в ванну, родная моя!!!

Оба они стояли под душем, теплым, напор был далек от душа Шарко, ласкающий. Она прижалась к нему, утопая в нем, растворяясь, теряясь без остатка. Его мокрая шея, полная стекающих капель, была словно замком для ключей – губ Диметры. Оторвавшись от нее ключом стал язык Олега, губы Диметры – замком. Он целовал ее и одновременно обеими руками сжимал ее соски, двумя пальцами. Дальше время текло по иному руслу, никто и не помнил, как оказался в кровати. Олег, будучи обнаженным, достал strapon, мастерски быстро одел и вернулся в кровать, луг за спину лежащей на правом боку Диметры, завел руку за ее левое бедро и начал аккуратно поглаживать ее гениталии, и без того имевшие твердость и пульсацию. Правой рукой он стряхнул крышку с тюбика со смазкой с анестетиком, прижался к ней и целовал ее плечи, шею, уши. Глаза Диметры были закрыты, а сознание парило словно наполненное гелием. Она чувствовала его руку, разрабатывающее анус и смазывающие. Олег взял пенис телесного цвета и аккуратно вошел в нее, тем временем продолжая массировать ее гениталии. В какой-то момент он остановился. – Иначе все произойдет слишком быстро, – возбужденно прошептал он.

Диметра опрокинулась на спину и видела, как Олег распаковывает стерильные белые резиновые перчатки и одевал их методично натягивая на пальцы, сдувая тальк. Без слов он императивно прикоснулся к ее плечу,

снова поворачивая ее на бок. Он смазал большой палей правой руки, а левая его рука вернулась к ней. Он аккуратно ввел указательный палец в анус Диметры на две фаланги и еще более аккуратно проворачивал по часовой стрелке. Движения Олега ускорились, чувствовали сокращения ее мышц, и тут блаженство накрыло тело, мозг, сознание, разум, пространство, время, потолок, стены, окна, двери. Это был еще один день из жизни, который достоин быть вспомненным. Остывая она лежала на спине, постепенно приходя в сознание.

– Ну как?

– Это было необыкновенно. Лишиться анальной невинности. Я словно родилась заново.

– А то! – рухнул на подушку смеясь он.

– А ты?

– А я–то что? Как и любой человек, я получил истинное удовольствие от того, что тебе было хорошо со мной.

Она вернулась в душ смыть следы любви, вытерлась полотенцем розового цвета.

Из комнаты доносился телефонный разговор.

– Хорошо, мы где–то в 11–12 проснемся, а ты после часа приезжай...
...Ну я же сказала, мам, после часа! Что, я или Димка просыпаться должны что ли? – Олег бросил трубку.

Диметру окатило холодным потом, по глазам покатились слезы.

– Ты что?!

– А ты что? От женского лица говорил... – слезы усилились и ее голос дрожал

– Вы что, сговорились что ли? Одна мне мозги по телефону компостирует, так ты ее тут истерики закатываешь! – Но как ты мог так себя вести??? – вытирала слезы она. – Дура!!! – хлопнул дверью он, наскоро оделся и вышел из дома.

Слезы текли сами собой, дрожь в теле не прекращалась, сопلي смешивались со слюной. В какой–то момент словно реле сработало. Она успокоилась, подошла к раковине, включила воду, высморкалась, умылась, посмотрелась в зеркало, сжала руки в кулаки и со всех сил стала бить себя по ногам выше колен барабанной дробью, потом она била себя в живот, по голове. Хотелось разорвать себя в клочья. Она вышла из ванной, вернулась в спальню и подошла к манящему бесконечностью окну. На полу стул, а на стуле висела его рубашка. Она сняла ее, сжала в руках и утонула в ней лицом. Она хранила запах Олега. Запах, который не спутать ни с чьим другим, ЕГО ЗАПАХ. Она прижала рубашку еще сильнее и соприкоснулась

с ней языком. Рукава, манжеты – как приятно их облизывать, скомкано вводить в рот, смачивать собственной слюной и высасывать ее после из ткани. Соленый вкус его желтого пота смешивался со слюной и, жаль, концентрация была слабой. Это блаженство можно было сравнить, как если бы проснуться утром с его носками у себя во рту, которые он снял вчера.

Дверь открылась громко, он вошел резко, покачнувшись, снял обувь и направился в ванну. Из его носа, губ текла кровь, в которой было все его лицо, шея, половина рубашки. Диметра оцепенела, от ужаса и боли не было сил даже заплакать.

– Да уроды какие-то прикурить попросили, а за доброту душевную мне газовым баллончиком в рожу.

Диметра подошла к нему, стерла с его подбородка массивно расположившуюся кровь.

– Прости меня. – Она обняла его дрожащими руками. Все ее тело напоминало встревоженное желе. – Дай, обработаю. – Это ты меня прости. Уж кто-кто, а я не имею права делать тебе больно. – Олег снял с лица ее руки. – Ну кто у нас дохтур? Я сам! Факт то, что тремя битыми мордами в городе стало больше! – усмехнулся он, гордо хвастаясь, и вытер ватой нос, окунулся в струю холодной воды. Из разбитой губы продолжала капать кровь. Он взял ватный диск и приложил плотно, вышел из ванны и заправился к входной двери.

– Смотри, что я тебе принес! – он потянулся за лежащим на полу красным аптечным пакетиком.

– Да какая разница?! Ты-то в порядке? – Все нормально. До свадьбы заживет. – он обнял Диметру за плечи. – Смотри-смотри. Думал, эти ублюдки разбили.

Он достал из пакетика упаковку ампул с препаратом, название которого ей было хорошо известно и пробовала она его раз в жизни, очень трудно достать.

– Любимый, это же настоящий...

– Да! Да!! Да!!! Он самый! Я тут к реаниматологам заскочил, списали шесть ампул. И вот, держи волшебные капли.

– Прости меня, Я не хотела, как-то само вырвалось.

– Ладно тебе. Все нормально. Пойдем на кровать.

Олег снял брюки, остался в одних семейниках и пошел в спальню за ней.

– Давай, забирайся.

Диметра села, подобрав ноги. Олег сел по-турецки напротив нее.

Давай руку. Сейчас расслабимся.

Она протянула ему руку и он затянул тугой жгут, стукнул несколько раз по ели заметным венам, иглой от шприца проколол пузырек капель, пропилил по кругу и открыл ампулу, всосал ее содержимое в шприц, поднял его иглой вверх, щелкнул, спустил воздух. – Ну что за вены у тебя?! – с трудом попал в вену он и медленно начал вводить препарат. – Запрокидывай голову. Сейчас эффект усилим.

Диметра послушно сделала это, закрывая глаза. Горечь капель проникла внутрь носа. Олег влил в левую ноздрю Диметру половину пузырька, аккуратно вытащил иглу из вены и приложил заранее заготовленную вату. Она открыла глаза и видела, как-то же самое он делает себе. Она приблизила посмотреть свою руку и она оставляла длинный след в воздухе, множилась в глазах. Картина мира напоминала клип на песню Sing it back с альбома I'm Not A Doctor, где Ройсин Мерфи пела в зеркально стеклянном платье. Все вокруг множилось калейдоскопическими и стробоскопическими образами. Это было последним, что помнила Диметра перед тем, как рухнуть на подушку.

Надежда

Пустынный пляж простирался на сотни километров или даже дальше – полоска песка терялась за горизонтом и если посмотреть налево, и если направо. Легкий бриз, доносящийся с нежно-голубой воды бережно окутывал лицо и вдыхать его было подобным нахождению в сияющем райском саду, где гуру, – пышные деревья в цвету, – указывали дорогу. Прибой то и дело полировал песок, он был без примесей ила, ракушек, океанского мусора и прочих сегментов. Песок был горячим, но не обжигал ступней, на него даже можно было лечь, обнаружив себя абсолютно обнаженной. О, это тепло, как гармонично ласкает спину. На песке начали выстилаться курсивом мелкие буквы, тонко слившиеся в текст. Она прочла:

«Лишь розе пурпурной сквозь нарочные стены пройти».

На небе не было ни единого облачка, да и сам цвет небо был чистым, бледно-голубым, почти что бесцветным. Можно было раскинуть руки ладонями вверх, потом сложить их на своей пышной груди и, повернув голову, изучать оставленную рукой рельефную борозду на песке. Огромные пальмы продолжали песчаный пляж: на одних из них не было плодов, другие же, напротив, были усыпаны диковинными фруктами, на классификацию которых не хватало словарного запаса. Некоторые, напротив, были «земными». Ни на секунду не покидало абсолютно точное, константное ощущение Его. Олег был землей и небом, он был облаками и ветром, он был над головой, впереди и позади. Огромные кокосы то и дело хотели упасть со своих пальм, что, собственно, один из них и сделал. Раздался глухой хлопок, и волна полупрозрачного кокосового молока накрыла Диметру на уровне ног и живота. Она села на песок и стряхивала с себя божественно пахнущую липкую жидкость, нащупав внизу живота собственное влагище. Удивившись, она встала и начала изучать рукой свой клитор, малые и большие половые губы.

– О! Нормальные люди уже мастурбируют! – шутливо воскликнул Олег, держащий в руках два запотевших от холода коктейля.

– Любимый, ты только посмотри!

– Да это что! Ты глянь, что у меня есть!

Олег поставил на коктейли и снял с себя шорты с гавайским рисунком. За ними скрывался эрегированный пенис 17–18 сантиметров в длину на вид.

– Потрогай, зай, как у меня пульсирует! – тоном победителя

воскликнул он.

Диметра взяла его пенис в руку, он действительно пульсировал и она видела его напрягшиеся яички. Олег указательным пальцем проложил дорожку через ее пупок к гениталиям.

– А гляди, что у меня! – Диметра сжала в руках свой пышный бюст.

– Да ты вся липкая, кокосовая моя.

Он подошел к океану, густому и благоуханному, набрал пригоршню воды и вылил на нее, потом еще и еще. Вода было удивительно теплой и только тут стало заметно, что она переливалась всеми цветами радуги, находясь на ней и стекая. Олег вылил еще, а она не дала ему больше уйти к океану, обняла, прижалась к нему и почувствовала, как он прижимает ее к себе, смыкая руки на ее талии. Она утонула в нем, носом, рядом с ухом. Какой блаженное эйфорическое счастье, здесь больше нет никого, ни одно живой души и можно вечно стоять, прижавшись к Олегу, молча стоять годами, веками, тысячелетиями, миллионами, миллиардами, триллионами лет, числами с бесконечным количеством нулей стоять молча, вращая друг в друга...

– Я буду с тобой бесчисленное количество летоисчислений.

– Я буду с тобой бесчисленное количество летоисчислений.

– Моя жизнь для тебя.

– Моя жизнь для тебя.

Открыв глаза Диметра обнаружила сухость во рту и еще сохранившуюся ватность тела после вчерашнего приема препаратов. Оказалось, за ночь она перетянула на себя почти все одеяло, а Олег спать полураздетым. Он лежал на боку и взгляда от него отвести было просто невозможно! Диметра лежала и считала видимые под кожей ребра, четкий позвоночник. Она аккуратно встала, чтобы его не разбудить, собрала упаковки и пузырьки от «волшебных капель», ампулы, шприцы, положила все это в пакет и, завязав, выбросила в мусорное ведро. Закрыв кухонную дверь она принялась доставать кофейные чашки, заранее помолотый кофе. Сполоснув под проточной водой джезvu она налила необходимое количество минеральной воды, молотого кофе, морской соли и поставила на плиту. Горечь от препаратов еще мешала аппетиту, но, тем не менее, она нарезала несколько колясочек колбасы. Вскоре кофе подал характерный шум и едва достигнув краев джезвы был снят Диметрой с огня и разлит по чашкам не до верха. Дальше она достала из морозилки пломбир и положила по кусочку, после чего добавив по щепотке корицы. Колумбийская арабика прекрасно сочеталась с корицей.

Дверь кухни открыл Олег, одетый медицинскую футболку

«больничного» зеленого цвета и те же брюки. Олег частенько любил дома ходить в той одежде, которую ему в изобилии выдают на работе в поликлинике и это при том, что она ему абсолютно не шла. Вот полувыцветшая клетчатая рубашка на распашку, широкие заношенные штаны или протертые джинсы – вот это был Олег до мозга и костей.

– Доброе утро, радость моя!

– Доброе, любимый.

Олег подошел сзади, прижал Диметру и поцеловал в шею ниже уха.

– Ммм, – он вдохнул аромат кофе. – Какая молодец, уже и кофейку сварила!

– Да мне тут такой сон приснился, закачаться можно!

– Представляю–представляю.

– Будто мы с тобой на необитаемом острове придаемся райским утехам и у меня настоящее... – Диметра смущенно, покраснев, опустила глаза. А еще я тут шприцы и пузырьки убрала – вдруг твоя мама подумает, что мы тут герычем имплантируемся.

– Молодец, зай, а по пиздец, вони потом не оберешься, «никогда не думала, что вы этим будете заниматься», – передразнил мать Олег. Он съел кусочек колбасы и срочно запил водой. – У тебя как, тошнота еще сохраняется?

– Нет, только горечь во рту, а так все ок.

– А у меня тошнота еще, ладно, пройдет сейчас, – сделал глоток воды он.

– Попей кофейку и, будем надеяться, все пройдет.

– Угу, – она сделала несколько глотков. – Ммм, напиток богов, любимая. Да ты сама богиня, раз сей напиток твоих рук.

– Да ничего особенного, милый.

– Много–много, зай. А вот скажи, что, по–твоему, надежда?

– Надежда? – Диметра задумчиво посмотрела в окно. – Ожидание цели, я бы сказала.

– Ожидание?! – удивился он.

– Да. Ты когда–нибудь замечал следующую закономерность?.. Когда сидишь и ждешь некое важное событие, встречу или еще что, всегда замечаешь насколько при этом медленно течет время: каждый раз смотришь на часы, а стрелка, будто намертво застыла на одном и том же времени.

– Ну и?

– Надежда – то же самое субъективное замедление времени перед достижением той или иной цели. Ведь почему время течет так медленно?

Оно словно дает подумать, все лишний раз взвесить перед важным событием, важной поездкой и в итоге принять единственно верное решение. Механизм надежды идентичен. В процессе надежды надеясь человек постоянно взвешивает все «за» и «против», корректирует и в итоге либо достигает объект надежды (при условии соблюдения всех корректив), либо нет.

– Ну ты теоретик, дорогая, – удивленно смеясь заметил он.

– Да ну, родной. Даже если отрастить себе мозг во лбу семь пядей, все равно тайны бытия постижимы только их автору...

– Не забывай, заюш, мы созданы как раз по образу и подобию пресловутого автора, следовательно, абсолютно все истины доступны к пониманию и нам. Заключила Диметра, достав из холодильника три яйца, взяв пиалу. Она вылила яйца и немного взбила их вилкой, взяла сковороду, налив на нее масло. Электрическая конфорка начала разогреваться.

– Помоешь? – протянула она помидор Олегу.

Он помыл, порезал и передал доску ей. Она бросила их в раскаленное масло. Диметра добавила приправу в яйца, окончательно взбила и вылила в сковороду, повернув на медленный огонь.

– Только давай классику, Димуль, без сыра и майонеза.

– Ок, любимый.

Через некоторое время аппетитно выглядящий и вкусно пахнущий омлет с помидорами стоял на столе.

– Ммм, зайнышка моя, как вкусно! – Воскликнув, Олег отколол вилкой еще кусочек.

– А мне кажется, пересолила, – пожала плечами она, посмотрев на него.

– Да не парься, лап, все вкусно! – Олег прожевал и неожиданно задумался, ушел в себя, взглядом в стену. – Зоя, а ты не думаешь, что надежда не коррекция цели, а есть ее окончательное формирование?

– Это как?

– Например, человек планирует в какое кафе пойти, надеясь собственно на вкусный приемлемый ужин. В процессе этого анализирует множество съестных заведений, надеясь найти вкусное и приемлемое (по цене, качеству, т.д.) или («старые добрые») заведения, знакомые давно, среди них так же. И в итоге НАДЕЖДА на чудный вечер полностью корректирует выбор.

Раздался звонок входной двери, Олег резко встал со стула и направился к ней. Посмотрев в глазок, поворотами ключа открыл дверь. Вошла его мать. Это была пожилая седовласая с тонким лицом женщина в

сарафане синего цвета с изображенными огромными белыми цветами.

– Здравствуйте, Оля, Дима, – тихим старческим голосом поздоровалась она.

– Маааааам, – стыдяще протянул он.

– Ой, – осеклась она. – Олег, Диметра...

– Здравствуйте, Лариса Николаевна, – узнала в ней мать Олега Диметра.

В ее руке были два пакета, взяв их, она направилась на кухню, рассматривая обои. Тут же она поставила пакеты на пол и принялась читать. Дело в том, что практически все обои, двери, оконные рамы, батареи, трубы были исписаны стихами. Хотя их и было легко отличить (у Диметры это были строгие четверостишья, а у Олега тексты песен), они все равно ставили дату в конце каждого стиха и буквы «О» или «Д». Ни на одной стене практически и не было «живого» места.

– Когда–нибудь вашу квартиру превратят в музей, – тихо, размеренно и восхищенно проговорила мать Олега.

Олег засмеялся, Диметра покраснела.

– Проходи на кухню, мам, – уже более доброжелательным тоном предложил он.

Она пошла мыть руки, а Олег взял сумки и перенес их на кухню.

– Я тут водочки привезла, блинчиков, – доставала она содержимое пакетов на стол.

Диметра достала Мартини Бьянко из холодильника.

Далее все пили, не стукаясь и все происходило в мрачно–серых тонах.

– Пусть земля ему будет пухом, – проговорили практически все трое в один голос перед следующей рюмкой.

Мать Олега все время вспоминала каким хорошим был его отец. Олег иногда соглашался, но чаще припоминал негативные моменты как она бесилась, видя его пьяным. Потом они выпили еще по рюмке и она начала собираться домой. Олега всегда удивлял интерес матери к их писанине на стене. Да–да, Олег и Диметра никогда не считали свои стихи, писанные на обоях, чем–то важным и талантливым, «каракули», «бред» – обычно так они их характеризовали, отчасти конечно справедливо. Почерк Олега был ровным и округлым, что–то можно было прочесть, а на Диметру он говорил «как курица левой лапой». Диметра не обижалась т.к. сама–то она свои стихи могла прочесть.

– Интересные у тебя стихи, Дима, – бегло сказала Лариса Николаевна и, попрощавшись, открыла дверь.

– До свидания, – ошарашено попрощалась Диметра с сильным удивлением тому, как она разобрала почерк.

Олег повернул оба ключа на два оборота, старательно заперев дверь. Подошел в ней, обнял, сомкнув руки на ее талии, их губы приоткрылись для поцелуя. Олег с пламенными от страсти глазами прижал ее к себе и их губы слились в поцелуе, сначала медленном, потом диком и страстном. Казалось, они в порыве страсти разорвут друг друга! Громкий звонок сотового прервал их. Олег ответил. Оказалось, звонила мать, сообщив что нормально доехала домой. Она осталась в спальне, а он направился на кухню, вернувшись с банкой пива и стаканчиков Мартини Диметре.

– Спасибо, зай.

– Да не за что, кис. – Олег открыл банку пива, издавшую характерный звук, сделал глоток.

– А я все-таки считаю, надежда имеет исключительно коррекционные цели.

– Главное – это вообще надеяться.

– Согласна. Множество людей надеется на чудо, на Второе Пришествие.

– А это вообще типичная русская черта – черта Иванушки Дурачка на печи. Лежит себе эта ленивая скотина и ждет, пока ему подадут да горшок поднесут. Вся Россия – одна большая скотина на печи.

– Лицо страны – ее правители, зай. В чем же виноваты россияне, если у власти кучка уродских скотов?

– Страна у нас скотская, отсюда все проблемы, – Олег сделал очередной глоток пива. – А надеяться собственно не на что, капитал копить глупо.

– Да нам на жизнь-то ведь хватает, – аккуратно возразила она.

– Не сказал бы! Я хочу достойной семейной жизни с тобой, свадьбу, настоящую. Думаешь, мне приятно быть Жопой по паспорту? Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж за такого, каким я себя хочу видеть – настоящим, а не это уродство, этот скафандр на себе, который вижу в зеркале каждый день!

– А обо мне ты подумал? Неужели ты думаешь, что не хочу свадьбы, не хочу быть для тебя самой красивой невестой в мире? Думаешь, мне доставляет удовольствие быть Мудаком по паспорту? Думаешь, только тебе омерзительно собственное существование? – по щекам Диметры покатались слезы и она продолжила урывчатым рыдающим тоном:

– Ты думаешь, мне нравится собственно тело? Да я без омерзения к себе в зеркало не смотрю, ибо мне противно то, что я там вижу. Это не моя

жизнь! Это не мое тело!

Олег сел рядом к ней, вытер слезы и обнял, а она положила голову на его плечо.

– Ты, дорогая, забываешь один факт. Я старше тебя на восемь лет. Ты будешь молодой, а я – никому не нужной развалиной. Пойми, не надо строить планов, надежд, ты же первая меня бросишь.

Диметра вдруг резко вскочила и посмотрела на Олега настолько пронзительным полным слез взглядом, что у него пробежал мороз по коже и похолодела в душе.

– Да как у тебя язык повернулся такое сказать? – полным обиды голосом бросила она, убежав на кухню, по ходу вытирая слезы.

О сложила руки на столе, положила на них голову и слезы потекли сами собой, немые, внешне выдавало только потрясывание тела. Сложно сказать, сколько она так просидела и проплакала. В один прекрасный момент Олег тихонько подошел к ней, потеревил по загривку, чмокнул в макушку и прошептал в ухо:

– Прости, родная, как-то само собой вырвалось.

Диметра подняла лицо с затекшей он одного и того же положения шеей и лицом, полным соплей и слез. Она достала бумажную салфетку, высморкалась, вытерла второй лицо и теперь Олегу открылись ее красные воспаленные заплаканные глаза.

– Прости. Прости. Прости. – Олег стал на колени и обнял сидящую на стуле Диметру, утонул носом в ее колени. При этом обоих буквально трясло от любви к друг другу, переизбытка чувств.

– Ну как, успокоилась, солнышко?

Диметра энергично кивнула.

– А у меня для тебя сюрприз. – заговорческим тоном сказал он, взяв ее за руку. – Вставай, закрой глаза.

Диметра покорно пошла за ним.

– Только не открывай глаза, не открывай...

Диметра покорно слушалась Олега, так и не понимая в какую часть квартиры он ее ведет. Скрипнула дверь.

– Теперь можешь открыть!

Перед глазами Диметры предстала ванная, все дно которой было заполнено мочой. Ее обворожительно притягательно светло-соломенный цвет, благоухающий аммиачный аромат так и тянул моментально полностью раздеться и лечь, натираться ею.

– Олеженька, ты гений! – Диметра страстно обняла его, сомкнула руки на его шее и поцеловала.

– Да я тут тиазидных диуретиков нажрался, теперь каждую минуту отлить хочется. Раздевайся скорей!

Диметра моментально сняла облегающий топик и кружевные трусики, Олег снял свою «больничную робу», темно-синие семенники и вслед за Диметрой зашел в ванную. Диметра села, а он стоял и толстой ароматной струей попадал Диметре на живот, грудь, лицо, волосы. Она ловила струю и умывалась ею. Опорожнив мочевой пузырь он сел напротив нее.

– Роднунь, а мне можно эту таблетку? – хитро посмотрела на него она.

– А ты уверена?

– Ага!

Олег снова извергся плотной струей, на что она подставила рот. Эта восхитительная соленая, соломенная влага все орошала и орошала ее рот, подобно волнам исполинского водопада из скандинавских легенд. Диметра на всю длину высунула язык, как только могла и коснулась им соленого лобка Олега. О, какой неземной вкус! Эти божественные волосы не хочется выпускать изо рта ни на миг. Его ноги были разведены по бортам ванной. По внутренней части его левого бедра язык Диметры проследовал без остановок до его колена и, дальше, к икрам, обросшим волосами сантиметра три на вид. О, как приятно было поливать его ноги мочой и слизывать ее, оставляя сухим каждый волосок...

Олег потянулся к раковине и достал полупустой стрип с мелкими таблетками.

– Прими две, учитывая твой вес.

Она выдавила две, по совету Олега, таблетки, положила их в рот, зачерпнула из ванной пригоршню мочи и запила ею таблетки.

– Держи пиво, – протянул Олег, сделав несколько глотков из своей банки.

Диметра открыла и выпила банку практически залпом.

– Давай поженимся прямо здесь?

– Это как?! – глаза Диметры расширились от удивления.

– Просто скажи, когда невтерпех будет, ок? – Олег достал небольшой глиняный сосуд, похожий на пиалу, из которой индейцами было принято пить чай матэ.

– Да я уже ели терплю.

– Давай, пописай немножко сюда, – подставил сосуд он, а взгляд без остановок проследовал до его колена, икр, покрытых волосами в размере сантиметра два на вид.

Когда она уже была наполнена на треть, Олег поднес ее к своей струе и наполнил практически до краев.

– Повторяй за мной, любимая.
– Давай.
– Клянусь в любви и верности этому человеку.
– Клянусь в любви и верности этому человеку.
– Клянусь в нищете и достатке, хвори и здравии быть с ним и не позволить ни какой, белой ли или черной силе разлучить нас.

– Клянусь в нищете и достатке, хвори и здравии быть с ним и не позволить ни какой, белой ли или черной силе разлучить нас.

– Теперь выпей ровно двенадцать глотков. – передал глиняный сосуд он Диметре.

Сделав ровно двенадцать глотков на передала ему Тот повторил процедуру, придвинулся к Диметре, что и головы оказались в положении лоб ко лбу. Олег вил остатки мочи на голову свою и Диметры.

– Поздравляю, теперь мы муж и жена, родная моя! Иди ко мне...

Диметра приблизилась к нему, аккуратно обняла мокрыми руками за голову и поцеловала.

– Олег, а как ты меня любишь?

– Сильно–сильно, крепко–крепко, дорогая. Так сразу и не скажешь... – в замешательстве он сделал несколько глотков пива. – Понимаешь, я люблю тебя и только такую.. А ты?

– Я всю жизнь ждала такого человека как ты и люблю тебя только таким... – Диметра легла на него на уровне шеи так, что он видел ее голову. В этот момент произошло нечто неожиданное: время мочеиспускания Олега совпало с Диметрой, в этот момент ванная сказочно орошалась ароматными струями. Диметра набирала их в ладони и натиралась ими: ноги, живот, грудь, плечи, выливая на лицо. Яркий свет ванной падал на стены, раковину, влюбленные тела, отражаясь в их глазах, на черные как смоль и очень короткие волосы Олега, на русые ниже плеч волосы Диметры. Моча в ванной была словно фильтром, светофильтром, одеваемым на объектив фотоаппарата, не пропускающий красный, желтый, зеленый свет; по тому самому принципу моча процеживала белый (дневной) свет энергосберегающей лампы и до ее, находящихся на дне, он доходил соломенно–светлым. Почему нет очков с герметичными наполняемыми линзами? Их бы можно открыть как маленькие иллюминаторы, наполнить обе линзы мочой любимого, закрыть, загерметизировать и ходить так, взирая на мир сквозь мочевую призму. О, как меньше бы уродов попадалось на глаза! О, сколькими чудеснейше желтыми облаками и кусочками неба можно было бы наслаждаться! А вода! Любая, даже это газированное пойло, лживо именуемое минеральной

водой, через очки воспринималось бы в качестве мочи Олега.

– Я весь взмок от мыслей, родная... – пересел на противоположную сторону ванной Олег.

Диметра снова опорожнила мочевой пузырь себе на ладони и вылила прямо на гениталии Олега. Он сделал то же самой, мокрыми от своей мочи руками он начал нежно массировать гениталии Диметры одной рукой, второй мокрой рукой он поглаживал ее грудь. Она нежно сжала сосок Олега, после чего он довольно зажмурил глаза. Они одновременно усилили темп своих рук. И если и есть идеальная музыка, то она не положена на ноты, нигде не исполнена публично – это оргазм Олега, грубый, взхлеб, прерывистый. Оргазм Диметры был более ровным, она крепко закрыла глаза.... Очнувшись, она увидела Олега допивающим пиво.

– Пойдем, воздухом подышим, солнышко?

– Прямо сейчас?

– Ага. Ты просто не представляешь моего прилива энергии, меня б прям на ринг сейчас!

Они встали в полный рост, он включил воду и настроил ее до приемлемой температуры, намылил губку мылом и начал старательно натирать Диметру, ее плечи, грудь, спину, ноги и передал губку Диметре. Она более бережно натирала его мылом, хитро подставляя пальцы, чтобы дотрагиваться до его шеи, абсолютно ровной, плоской груди, стройного живота, кажущегося ему худым, обросшие волосами ноги, красивейшие пальцы ног. Диметра включила струю душа, пена канула в небытие.

– Зажмурься, любимая. – Олег нанес шампунь на ее голову и размылил по всем ее пышным волосам. Он пропускал их между пальцами, тщательно промывая каждый ее волосок, уши. Он направил ей на голову сильную струю душа и пена так же канула куда-то в тартарары. Мокрые они тонкими линиями очерчивали ее плечи. Диметра взяла лейку душа и намочила волосы Олегу, набрала немного шампуня в ладонь и размылила по его волосам, сама в душе повизгивая от радости как красиво, коротко, по-мужски его постригли. Шампунь сразу же отозвался истинно мужским ароматом. Волос на его голове было настолько мало, что часть шампуня стекла по ушам. Остатки она размылила и промыла его голову. После Олег открыл глаза и очень добро, заливисто засмеялся. Диметра подняла от удивления брови.

– Смешная ты мокрая. Волосики сразу такие тоненькие, жиденькие, будто и нет твоих знаменитых кудряшек.

Диметра рассмеялась в ответ.

Олег взял банное полотенце и начал вытирать ее бережно, аккуратно,

только волосы – быстро и интенсивно. После этого картины взъерошенной Диметры выглядела еще смешнее. Олег вытерся, а она пошла в спальню, подошла к зеркалу, тщательнее вытерла волосы, причесалась, одела оливкового цвета майку, белые стринги и серые облегающие брюки, нанесла на лицо увлажняющий крем, содержащий кислород в своем баллончике, защищающий крем на кисти рук, излишки растерев по остальным открытым участкам рук. Он наконец-то впитался и Диметра открыла бесцветный лак, аккуратно нанося на каждый ноготь.

В спальню зашел Олег, одетый в черные «костюмные» брюки, расстегнутый пиджак от этих брюк, под ним белая рубашка, заправленная под брюки, пуговицы которой были застегнуты больше половины, только две-три на шее были расстегнуты, а так же манжеты.

– Ну что, кис, пойдем проветримся? Я, кстати, прямо так завтра на работу пойти хочу!

– Сейчас, зай, лак высохнет.

– Ааа, он закатил глаза.

– Ну миленький, это быстро, – успокаивала она. – Кстати, а какие сейчас на тебе семейники?

– Темно-синие, помнишь, на днюху мне покупала?

– А, эти. Молодец, – улыбнулась она.

– Идет? – все тело Олега было возбуждено, в тонусе, взъерошено. – Ну как, тебе нравится? – спросил он поправляя пиджака.

– Неа. Диметра подошла к Олегу и выпустила рубашку полностью наружу брюк.

– Ах ты, хулиганка! – он зажал ее в своих объятьях и страстно целовал без мыслей и идей в голове.

Со злости на последнюю сигарету он смял и со все силы бросил пачку на пол, оставшуюся сигарету заложил за левое ухо и они наконец-таки вышли на улицу. Осенний ветер напоминал о скором наступлении зимы. И снова будет холод. И снова нужно будет прятать душу под тяжелые одеяния. Они шли вдоль аллеи медленными шагами, на лице Олега блуждала довольная улыбка, а Диметра шла «вся в себе». Она остановилась, он продолжал медленно идти.

– Олег, стой!

– Что? – обернулся он.

– Я согласна с тобой. Надежда – есть окончательное формирование цели, а не ожидание.

– О, Боже! – закатил глаза Олег. – Ты посмотри какие деревья красивые, почувствуй как воздух чист, отбрось ты это все!

– Не могу, родной, не могу, мысли вечно бурлят и варятся. Я ничего не могу поделать с этим фонтаном!

– Иди ко мне, – обнял Олег ее. – Отвлекись, жизни надо радоваться, когда позволяет время. Завтра, вон, опять на работу. Лови эти крохотные моменты. – Шептал вкрадчиво и протяжно он. – Я знаю, у тебя была трудная юность, тебя никто не понимал в школе, ты не могла решиться быть СОБОЙ в институте, но пойми... Ни у одной тебя такие проблемы. – Олег крепко прижал ее к себе. – Классе в третьем я зашел в туалет к старшкам, ты бы знала как меня там измучили, а я встал и ржал в их тупые рожи.

– А потом?

– От меня шарахались даже маститые отморозки нашего района, боялись менты и нарки. Вот такое детство, лапуль. Это потом набрались ребята, сколотили рок-группу. А дальше медуха. За внешний вид меня и оттуда выпереть хотели.

– У каждого своя боль...

Невзначай он повалил Диметру на траву, рухнул сам и раскинул руки и ноги.

– Вот поэтому я радуюсь каждому дню и хочу не просто жить, а дарить эту радость тебя, всю, без остатка. – Смеялся вздохнул он. – Юмор и самоирония – вот две неотъемлемые детали вечного двигателя жизни!

– В определенные моменты реакция на юмор утрачивается, все перестает радовать, только гнетущее чувство одиночества, пустоты заполняет душу.

– Слушай, ну нельзя же так! Тебе нужно развеяться, причем срочно!

– Это не поможет, – фатальным тоном заключила Диметра.

– На той неделе у меня квартирник намечается, приходи, любимая, послушаешь мои новые песни.

– Ну вот еще, торчать среди незнакомых людей.

– Да там девчонки все наши будут, можешь их у меня в списке друзей или на форуме посмотреть. Приходи, лапуль, будет весело.

– Обещаешь?

– Клянусь.

– Ну, тогда приду. – Диметра заулыбалась.

Олег и Диметра катались, кувыркались по свежей сочной траве, которую пока что не тронула осень. Диметра одернула, а Олег возразил:

– Не надо, мне нравится твой пухленький животик!

В конце концов голова Диметры оказалась на коленях Олега.

– Веки вечные так бы пролежала... – мечтательно протянула она.

– А я хочу пива! Айда домой!

Встав и отряхнувшись они крепко взялись за руки и направляемые луной – вечным фонарем вселенной – медленно шли домой.

Вера

Гитара в черном чехле на ремне держалась за спиной, укрытой черной кожаной курткой, скрывающей под собой клетчатую рубашку, клетки которой на которой были крупными и нескольких цветов темно-коричневыми, фиолетовыми, светло-серыми. Джинсы, в свою очередь, скрывали темно-синие семейники и оканчивались белыми кедами с черными полосками. Смотрящий в даль гипотетически приближающегося автобуса он часто переводил взгляд на нее и изучал. Ярко красная куртка Диметры была расстегнута (хотя осень и была поздней, впереди ожидала зима) и ей было не холодно. Ярко-розовый топ, без какого либо рисунка заканчивался облегающими брюками песочного цвета. В отличие от остальных ожидавших на остановке Олег не суетился, прищуриваясь во время каждой затяжки и держа папиросу большим и указательным пальцами он молча ждал. Ветер относил часть дыма в сторону, остальной превращал потенциальных пассажиров в пассивных курильщиков; сильные же его порывы срывали с асфальта упавшие листья и тревожили волосы Диметры, в тот момент развивавшиеся по ветру. Она слегка подняла голову, и ее взгляд упал на голые ветви деревьев, процеживающих тусклых свет полудня.

«И почему у Него почти все вещи по размеру?», – подумала Диметра.

Эта мысль снова и снова возвращалась в ее голову. Есть всего одна рубашка, которую ей можно одеть на себя, она на несколько размеров больше, чем размер Олега, как и пара имеющихся дома джинсов и разношенных кроссовок. Какое это блаженство – прижимать его вещи к себе, нюхать и улавливать запах, ЕГО ЗАПАХ, который, подобно шагам собственного одиночества, не спутаешь ни с чем. Перед Диметрой предстали воспоминания о его рубашке, которую она накидывала на обнаженную спину и плечи, и долго облизывала каждую пуговицу, медленно переходя к манжетам и рукавам. А когда он задерживался или дежурил по вечерам, Диметра включала медленную музыку, доставала из шкафа еще длинный серый плащ и, не снимая с вешалки, танцевала с ним, прижимаясь и грея его. Олег не просто человек, а венец творения. На работе часто становилось грустно, то ли от недостатков души, то ли от рассказов клиентов и не надо писать или звонить, отрывая человека от дела. Достаточно было просто посмотреть на его стоящее на столе фото, восхититься его великолепием и жить дальше. Диметра всегда удивлялась

одному факту. Олегу никогда не было жалко для нее времени. Олегу никогда не было жалко для нее внимания. Олегу никогда не было жалко для нее слов. Он приходил и окутывал Диметру с головы до пят душевной теплотой, заботой и ни с чем не сравнимым чувством защищенности.

Очнувшись от мыслей, она обнаружила себя в движущемся автобусе. То была давка. Олег стоял боком, держался за ремни, сделанные из-за высоты поручней. Диметра держалась за него. Дом находился на расстоянии четырех остановок. Олег первым стал пробираться к выходу, Диметра строго за ним.

– Вот ебаный транспорт!

– Ну не ругайся! – успокаивала Диметра. – Мы же доехали.

– Да ебись раком такая поездка! Я бы пешком быстрее дошел!

– Ну, зайчик, успокойся. Все в порядке.

Вскоре ее взору предстала пятиэтажка с практически отвалившейся плиткой желтого цвета, когда-то покрывавшей стены.

– Вот, солнце, это центр современной авторской песни, – засмеялся он.

– Да уж, центр так центр, – иронично ответила она и улыбнулась.

Возле подъезда прямо на асфальте сидел парень лет восемнадцати в толстовке и джинсах, наигрывая на расстроенной гитаре некую грустную лирическую мелодию.

– Парень, тебя как зовут? – подошел к нему Олег.

– В миру Люба, а так Энгель. – сумбурно басистым голосом ответил этот человек с гитарой. – Я, как и все, получил Ваше сообщение в сообществе, решил придти послушать.

– Ну так заходи, чего ждешь?

– Вас-то, как раз и жду. А вы, должно быть, Диметра?

– Да, она самая, – внимательно посмотрела на Энгеля она.

– В живую гораздо лучше выглядите, чем на фото.

– Спасибо. – Диметра покраснела.

Квартира, дверь которой никогда не запиралась на ключ, находилась на втором этаже. Половина дерматина с двери было содрано, ручка была высокой и металлической, изъеденной ржавчиной. Внутри первым вошел Олег. Часть обоев были заклеены плакатами, один наслаивался на другой и надписей было не разобрать. Оставшаяся часть обоев была исписана различными фразами, смайликами и четверостишьями то стихов известных песен, то не знакомых. Прямо в коридоре большие буквы гласили «Welcome, товарищ».

– О, какие люди! Проходите! – приветливо пригласила девушка с русыми волосами до плеч и выцветшей майке. – А мы тут варим яйца,

бухаем и ждем вас.

- А мы взяли и пришли, – засмеялся Олег.
- Молодец, свою привел!
- А то!
- Маша я, – хлопнула по плечу она Диметра.
- А я Диметра.
- Так это уж все поняли.

Большая и единственная комната мало чем отличалась от прихожей: полностью отсутствовала какая-либо мебель, шестеро совершенно разных девушек сидели на полу: кто-то читал, кто-то ел яйцо, политое майонезом. Когда Олег сел на дряхлый стул, развел ноги, слегка поднял голову, взял в руки гитару; все вдруг оторвались от своих дел, удобно уселись на пол и их внимательные глаза были направлены на него. Он начал с грустной глубокомысленной медленной песни, потом ритм пошел по нарастающей и от отдельных его песен вызывался смех. Диметра и остальные слушательницы просто хохотали от его текстов, манеры исполнения, артистической мимики и жестов при этом. Другие же песни, наоборот, вызывали слезы от своей драматичности. В конце все встали и, благодаря, аплодировали ему. После этого традиция – нирваноская песня Man who sold the world в исполнении Олега. Это было устоявшейся традицией на всех его выступлениях. Далее народ стал медленно расходиться, на волне чего Олег и Диметра так же вышли на улицу.

- Ну как, зай, понравилось? – серьезным тоном спросил Олег.
- Да, даже очень, – восхищенно ответила Диметра. – Я же впервые на подобных мероприятиях и, знаешь, я в восторге!
- Не такое уж мероприятие, – он обнял Диметру, она его. – Вот настоящий концерт в клубе – вот это драйв, а тут просто квартирник обычный.
- Все равно было супер!

Они медленно пошли по улице. Стоял тихий осенний вечер, день близился к закату и небо, соответственно, было окрашено в истеричные тона заходящего солнца.

– Смотри, милый, суши-бар! – Диметра указала на симпатичное здание с огромными стеклами, за которыми была видна треть пустующих столиков и сидящие на остальных аппетитно поедали суши. – Давай зайдем, м?

- Да лучше дома поесть.
- Ну зай, – мурлыкнула она тоном просящей конфетку девочки.
- Ну ладно, пошли. Признаться, я голоден.

Внутри негромко играла медленная релаксирующая музыка с выраженными басами, ломаным битом и полным отсутствием вокала, создавая ощущения покоя и умиротворенности.

– Заказывать будете?

– Да, конечно! – она немного подумала. – Четыре Филадельфии, четыре Дракона, две порции роллов Калифорния и две порции фирменных, – быстро проговорила она.

– Напитки, алкоголь?

– Да. Четыре бутылки вот этого пива, – ткнула пальцем в меню она. – И четыре вот этого.

В это время Олег занял столик, положив гитару на один из четырех стульев. Он выбрал тот, то у окна и сел боком к нему, Диметра по другую сторону стола напротив него.

– А ты уверена, что мы все это съедим? – улыбнулся Олег.

– Конечно! Я не так уж и много заказала!

– Да я слышал.

Вскоре официантка принесла все заказанное, другая принесла пиво. Первым делом он открыл бутылку, резко, смотря прямо на горлышко бутылки. В этот момент его глаза горели особенным блеском желания выпить.

– Ну чё, за нас? – приподнял бутылку он.

– Угу, за нас, за счастье, что ты есть, – стукнулась бутылкой с ним она и сделала несколько глотков пива – потрясающего напитка богов. – Знаешь, это необыкновенное счастье – быть с тобой, общаться, жить под одной крышей и я абсолютно уверена: встретить тебя, познакомиться, начать общаться – это истинное чудо.

– А я до сих пор не понимаю, что такая приличная девушка как ты делала среди бомжей. – Он вспомнил день знакомства.

– Там же пиво на двадцатку дешевле всегда было, – объясняла она. – И бомжей там было мало, они просто просили сколько смогу дать и, пока пила пиво, рассказывали истории своей жизни. И приличных людей было много. Столько историй...

– Да, что-то, а слушатель из тебя хороший, – похвалил он откусил от аппетитного ролла.

Диметра любила Филадельфию – все рыбное ей нравилось, а в сочетании с рисом в и тоге вкус суши был неземным.

– Помнится, вы, сударь, были в самом непотребном виде из всех, – съязвила она и сделала очередной глоток.

– Ну, напился, шел домой. Я ж в сознании все-таки был и не ожидал

столь судьбоносного знакомства.

– И я, – воскликнула она. – Никогда не ожидала. Стоишь так, пьешь пиво – и вдруг идет навстречу настоящий идеал, мой Принц на белом коне.

– Я не идеал, милая, а обычный человек, которого ты любишь.

– Нет, для меня ты идеал.

– Потому, что любишь! – спорил он.

– Да ты не представляешь, какое это счастье – ты! Я и подумать тогда не могла, провожая тебя пьяного до квартиры, что она станет моим домом и мы будем жить под одной крышей. Мир не без чудес. Ты же живешь всего на расстоянии одной станции метро и таких чудес можно назвать сотню.

– Это у всех так. Думаешь, я шел и мечтал обрести свое счастье? Да я был тогда зол на весь мир и готов все разнести к чертям собачьим! – он внимательно посмотрел на Диметру. – Никогда не говорил об этом... Но я и не надеялся увидеть тебя на следующее утро. Я еще никого ТАК не любил!

– Я переживала, как ты там.

– Ага, и принесла похмелиться.

– А ты срезал всю герань и подарил мне.

– Было дело, – подтвердил он. – А ты сказала, что в доме не хватает кактуса.

Музыка продолжала играть, Олег допивал вторую бутылку пива. Его привычкой было крепко держать бутылку за горлышко, но не за место этикетки. Заметив задумчивость Диметры, он спросил:

– О чем задумалась, солнышко?

– Милый, а охарактеризуй одним словом любовь.

В этот миг улыбчивое лицо Олега стало вдруг очень серьезным. Он допил бутылку практически залпом, молча поставил ее на стол, открыл следующую и очень внимательно посмотрел на нее. В этот момент его глаза были наполнены чувствами, в их серо-зеленой глубине читались бесконечные чувства взрослого человека, настоящей личности и истинного таланта. В моменты раздумий, когда мышцы его лица расслаблены и отступает от него кровь, Олег обретает пик собственной красоты, любоваться им можно не отрываясь вечно, бесконечно. В эти моменты он становился будто старше, будто носителем вековых мудростей, философом всех времен.

– Взаимоотдача, – тихо и протяжно, почти по слогам, ответил он.

– Взаимоотдача? – не поняв смысла переспросила она.

– Угу, именно это. – Он доел последний ролл и сделал несколько глотков. – Смотри, мы можем выделить два периода отношений: влюбленность и любовь. В момент влюбленности человеку приятно

получать. Это, так называемый, конфетно–букетный период. Когда от получения чего–либо испытывают наслаждение. А далее либо формируется любовь, либо нет. Это период истинного наслаждения от отдачи себя, всего чего угодно, душевного, физического тепла любимому человеку.

– А мне всегда казалось, что любовь – это некая необъяснимая истерика во всем теле, наплыв чувств и эмоций, возможность дарить и быть одаренной.

– Нет, дарить – это влюбленность (она фокальна, парциальна), а быть одаренной – любовь. Именно в максимальной самоотдаче, бесконечном и вечном разлитии друг в друге она и заключается. Это единственное чувство, не имеющее ни пола, ни возраста, ни национальностей, ни религий. И с объектом любви то же самое – об истинных чувствах возможно говорить только, когда не важен ни пол, ни возраст, ни национальность, ни религия партнера, а ты путаешь. Путать влюбленность с любовью – это все равно что считать стаю и стадо синонимами.

– Тут–то проще. В стае – ум. Это вожак и собравшиеся единомышленники. В стаде – сила. Это безликое уродство может стереть с лица земли бездумно что угодно и кого угодно.

– Вот именно. А ты никогда не думала, откуда берется стадо? Из детства, из детских садов и школ, где все «головы» стада нивелируют под абсолютную похожесть, роботоподобность и, представь, такие дети вырастают у этих роботов, зомби! И училка еще посмеет высказать «какие родители, такие и дети».

– Полностью с тобой согласна! А ты подумай о половом воспитании или об этом новомодном морально–нравственном.

– Вообще, если в стране что–то происходит, то кому–то, значит, надо просто отмыть деньги. И спасение утопающих в итоге становится делом самих утопающих.

– Безрадостная картина. Учить следует тому, что мир – это любовь и она безгранична в своих возможностях. Только через познание мира как части любимого человека придет единение с создателем не мирское, а космоцентричное. И тут я бы сказала, вот чем любовь отличается от влюбленности. Любя осознаешь единение любимого с миром и больше не надо ему названивать, ждать пресловутые букеты и конфеты, а осознавать одно – любимый повсюду: в каждом вдохе, в каждом дереве, в каждом человеке и животном, и находясь с кем либо находишься с любимым. Это и есть любовь. Это и есть космос. Это трансформация базиса веры в космозис. Грехи – ложь. Содом и Гоморра – ложь. Истина, Мораль, Право, Грехи, Праведные дела только в голове.

– Браво, зая моя! – Меня после такого количества пива просто развезло.

– Ты–то больше моего выпил!

– Я выпил все! И доел!

– Вот, еще одно суши осталось, будешь?

– Неа, доедай, и погнали домой.

– Заниматься взаимоотдачей? – хихикнула Диметра.

– Да, циклом взаимоотдачи.

– А вот до этого не допетрила. Конечно, любовь – вечный двигатель, вечный цикл взаимоотдачи, отдачи себя без остатка.

– Угу, – кивнул он. – Слушай, а в чем ты все–таки видишь отличие влюбленности от любви?

– В аналогии с Селестинскими пророчествами Джеймса Рэдфилда, – хитро выкрутилась она. – Влюбленность – это познать девять пророчеств, любовь – познать десятое, выйти на качественно иной энергетический уровень, попасть в иное измерение, где нет ни пола, ни возраста, ни пространства, ни времени.

Сытый Олег с трудом поднялся из–за стола, едва не забыв гитару. Диметра, слегка качаясь, вышла за ним.

– А тут прохладно или мы так пригрелись? – она прижалась к нему.

– Да нормально, пошли пивка домой возьмем?

– Пошли.

Губы Диметры стремительно приблизились к его горячим губам и привкус поцелуя сулил пивной запах. Казалось, весь вкус Олега состоит из пива.

В торговом центре Олег держал прочный пакет, а Диметра складывала в него бутылки пива, ровно двадцать.

– Дотащишь?

– А то! Чтоб я и не дотащил?! Да я трезв как памятник Пушкину!

– Это видно! – иронизировала она.

– У меня сейчас одно желание: по бутылочке, потом завалиться и отрубиться.

– И у меня. Сейчас бы рухнуть на кровать.

Квартира гостеприимно окутала домашним теплом. Часть пива Олег убрал в холодильник, несколько бутылок оставил на столе.

– Давай, Любимый, выпьем за наши отношения? Я с тобой как в сказку попала! Любить – еще более потрясающе, чем быть любимой!

– Давай, жена!

По всему ее телу пробежали мурашки удовольствия, затерявшись в

голове, когда он назвал ее женой. Ей было трудно не впасть в эйфорию. Поток мыслей сменился с хаотичного на упорядоченный, Диметра внимательным взором зеленых глаз смотрела в окно, долго и внимательно.

– Озарение? – с полуслова понял он и допил бутылку пива.

– Пола нет. Нет вообще. Полов не существует, – вдруг сказала она, продолжив начатый в баре разговор.

– Объясни. – Олег достал из пачки папиросу, щелкнул зажигалкой, затянулся крепким дымом, хитро прищурился и загадочно улыбнулся. – Очень интересно.

– Пол – это выдумка сексистов с целью разрушительной установки на секс ради продолжения рода.

– Это только в контексте не имеющих никаких границ и измерений любви, но чисто анатомически мы четко можем говорить о половых признаках.

– Тогда пола никак не два, и не три, а, как минимум, четыре. Но это моя выдумка. Нет у человека пола, Милый, нет.

– Давай лучше еще по пивку? А то в такие дебри с тобой заберемся – беседа на всю ночь.

– Давай. – Диметра открыла очередную бутылку. – Другое дело, что пол приятно осознавать. Ты вот и не знаешь какое мне удовольствие доставляет слушать, когда называешь меня любимой, женой...

– Знаю–знаю!

Рай – это бесконечно длящаяся осень. Ни холодная, ни теплая, ни мрачная, ни веселая, а за гранью всех понятий. Простая гостеприимная осень. Вскоре любимое время года Диметры прошло и город окутали покрывала огромных хлопьев снега, превращающихся в исполинских размеров сугробы. Она не любила зиму. Это ношение тяжелой одежды, ботинок, что только на вид были меньше Олеговых, но по тяжести одинаковы. Это кутание в куртки. Еще меньше радовало очередность весны – самого ненавистного, по ее мнению, времени года. Как бы сказал Олег, осень – период обострения всех хронических заболеваний, активизируются маньяки и потенциальные психопаты. Светом в конце тоннеля было лишь празднование Нового года, связанных с ним воспоминаний детства, обращение в приятную беготню по магазинам то в выборе подарка Ему, то в поисках необходимых к столу продуктов, а так же Диметру радовала перспектива уйти на полдня раньше с работы (начальство всегда 31-го отпускало раньше и записей клиентов на этот день не велось). Она размышляла: украсить ли кабинет и если украсить, то как мишура, новогодние шарики повлияют на качество консультаций и повлияют ли

вообще. Дома елку решено было не ставить, Олег обещал принести несколько веток ели, которые можно поставить в воду, но не больше, ведь потом они полгода собирали упавшие иголки. Деревья за окном были точно как в сказке: их ветви полностью покрыты снегом, даже самые мелкие, а на стволе, на каждом, был уникальный снежный рисунок, подобный рисунку льда на окнах, причудливо отзеркаливающему окружающие крыши домов, ветви деревьев. Таковым было раннее утро 31-го декабря с легким намеком на рассвет за окно, наблюдаемым сложившей на груди руки и стоящей у окна Диметрой. Олег тихонько подошел и обнял ее за талию, сомкнув руки на ее животе. Сначала раз, потом два, потом бесчисленным количеством поцелуев он покрыл ее шею, зарывшись в ней губами.

– С Наступающим, Лапуль, – прошептал он.

– Угу. И тебя, зай, – прошептала так же тихо она. – Смотри, какое красивое утро.

– Будто нарисовано великим гениальным художником. – Олег прижал ее к себе и будто выглядывал из левой стороны ее головы. Он применил немножко сил и очень нежно раскачивал ее короткой амплитудой: кач влево, кач вправо, накрывая волной спокойствия. Спокойствие было для нее крайне важным и неотъемлемым. Когда она шла и вдруг накрывал панический немотивированный страх такой силы, что нельзя сделать и шага или при выходе из дома обливало холодным потом ужаса, что не переступить за порог, будь то день или ночь, Диметра при этом научилась обходиться без вечно рассыпающихся из сумочки десятков наименований таблеток – она делала глубокий вдох и представляла, будто Олег рядом, обнимет, возьмет за ручку и отведет домой или проводит на работу.

– Счастье. Какое счастье, шептала она. – Жить в гнездышке, где не потревожат лишние люди, бестолковые звуки. Просто повернуть ключ и отключить все телефоны, наслаждаясь тобой, Олежек. Ох, если бы ты знал, насколько не хочу сейчас на работу!

Олег в ответ нежным шепотом отчеканил наизусть где-то прочитанное:

– Работай, как будто тебе не надо денег; люби, как будто тебе никто никогда не причинял боль; танцуй, как будто никто не смотрит; пой, как будто никто не слышит; живи, как будто на земле рай.

– Рай находится в твоих объятьях. – Диметра развернулась в разомкнутых руках Олега к нему лицом, положила руки на плечи, мужские, сильные, приблизилась и проникла в его губы неясного вкуса. Счастье – тонуть в его страсти.

– Сладкая моя, – прижал он крепко-крепко к себе Диметру перед тем,

как оба сели на диван.

– Представляешь, множество авторов считает, что любовь не может быть любовью двух людей, а должна быть направлена на всех, иметь общественный смысл А остальное считается эгоизмом.

– Ха-ха-ха, – демонстративно изрек Олег. – А они там еще не пишут, что об этом надо кричать всем?

– И об этом тоже.

– В помойку выкинь! Да они понимают, о чем пишут? Пытаясь поделиться своей радостью, в ответ, как минимум, обзовут извращенцами или этими специальными словечками. Вот людей люблю, а общество, ебись оно раком, ненавижу! Ненавижу это стадо!

– А я ловлю себя на мысли, что мне плевать на все это, главное – есть ты и наш островок счастья.

– Это твоя заслуга, лапуль.

– Нет, наше счастье построил ты.

– Неа, – продолжал качать в своих объятьях Диметру Олег. – Все дело в том, что ты не просто женщина, жена... Ты настоящий друг, собеседница, с тобой интересно говорить, познавая единомыслие в одной, расхождения во взглядах – в другом.

– Как ни странно, и ты для меня не просто мужчина. Ты и любящий муж, и умеющий защитить старший брат, и умеющий дать совет отец. Знаешь, когда впервые пришла к тебе и предо мной открылась дверь, думала, сейчас выскочит твоя девушка, вышвырнет меня, ведь и подумать было нельзя, что такой необыкновенно красивый человек одинок так же как я.

– Взаимно, – нежно протянул он. – Там, на улице, когда подошел к тебе, думал сейчас твой бойфренд из-за угла выскочит да пиздюлей надает.

– А на самом деле я просто стояла и запивала пивом одиночество.

– Радость моя, – глубоко нежно в полголоса говорил он. – Понимаю тебя, особенно сейчас, когда ты без отца осталась. Даже мне было тяжело; представляю, насколько трудно было тебе.

– Да, очень.. Пыталась отвлечься, но это пройдет еще не скоро.

– Слушай, а поедem летом ко мне на дачу?

– Эх.. Ты же знаешь мой страх незнакомых мест. Я и на свою-то дачу не езжу лет пять.

– Со мной боятся нечего, милая, – уверил Олег. – Посмотришь, в какой дыре я провел все детство. Там тихо, деревня и за спиной кажущаяся бескрайней тайга. Отдохнули бы ото всего, а я бы начал снова тренироваться. Повесил бы пятилитровую бутылку воды и набивал кулаки,

пока она разлетится во все стороны.

– Черт! Смотри, сколько времени!

– Бля–я, даже похоячить не успеем!

Олег довольно быстро оделся и, поцеловав Диметру, выскочил пулей на работу.

Оставшись дома одна (она выходила на час позже) Диметра предалась размышлениям. Олег все утро провел, обнимая ее, и ушел голодным.

Все произошло, как и планировалось. Уже в полдень она была свободна, абсолютно свободна, впереди неделя новогодних праздников – наконец–то отдых ото всего. Она договорилась никого не приглашать, в чем Олег полностью был солидарен с ней. Время, которое можно подарить друг другу – это и есть время, а то, что вне друг друга – его пустая и бессмысленная трата.

Хирургический кабинет был в различных тонах наступающего праздника: по стенам висела мишура, к потолку были прикреплены елочные шарики, на столе стояла маленькая елка серебряного цвета, так же украшенная мишурой и маленькими шариками. Взгляд ловила мигающая по контуру окна гирлянда. Олег и две девушки, которых Диметра не знала, сидели в окружении стоящего на столе огромного сметанного торта и двух бутылок шампанского.

– О–о–о, кто пришел! – радостно воскликнул Олег, вскочил, подбежал к ней и обнял, страстно и крепко, потом обернулся и представил:

– Знакомьтесь – вот моя РАДОСТЬ. – Потом он обернулся к ней и указал взглядом на девушек в белых халатах примерно таких, в котором стоял и он сам. – А это Лена и Надя – наша процедурка. Смотри, какой нам одна больная тортик притащила, шампанским – так это просто завалили.

– Привет! – практически в один голос поздоровались девушки.

– Привет–привет, – ответила Диметра.

– Подожди, сейчас халатик тебе найдем – будешь у нас медсестричкой.

– Олег направился к шкафу. – А то дежурный администратор доебется: кто ты, зачем тут.

Он нашел подходящий халат, после чего Диметра села за стол. В это время Олег уже раздобыл одноразовую тарелку, отрезал ей кусочек торта, включил чайник и налил шампанского в «советский» граненый стакан. Пил кто из чего: из белого пластикового стаканчика, из длинного тонкого стакана для пива, Олег – так вообще из чайной кружки.

– С наступающим! – Стекланный звон дополнил его возглас!

Доев торт и разлив на четверых оставшееся в бутылке шампанское, он предложил:

– А теперь давайте выпьем за Диметру – человека, которого я люблю настолько безгранично, насколько безгранична вселенная!

– Да, давайте выпьем за вашу пару! – добавила одна из медсестер. – Просто смотришь на вас и радуешься.

– А для меня радость – быть женщиной, достойной своего мужчины! – добавила Диметра, ощущая ударившее в голову шампанское.

Вечер медленно приблизился к завершению рабочего дня, на улице было темно и прохладно. Проехавший синий трактор формировал сугробы по обе стороны дороги, обнажая крутящейся щеткой подснежный лед, отражающий желтый фонарный свет, контуры деревьев и тени, которых не обогнать.

– Любимый, а представь гармоничное общество, – загадочно начала Диметра. – Ведь что такое гармония? Это ничем не омраченная любовь. Любовь, в которой нет подводных камней, задних мыслей.

– Ага, а на заборе хуем «Мел» написано, – пессимистично прокомментировал Олег.

– Что-о? – Диметра удивленно подняла брови.

– Да это байка такая, зай. Диалог сидящих в асе:

«Представь себе мир наоборот.

– Это как?!!

– Ну, например, все дышат углекислым газом, а выдыхают кислород; рыбы летают, а собаки плавают; днем спят, а ночью работают!..

– Ага, а на заборе хуем написано слово «Мел»!». – Олег широко улыбнулся.

Диметра хихикнула.

– Знаешь, в чем дело? Не всем доступна, ни у всех есть время, желание и возможность любить.

– А мне кажется, у всех. Ведь любовь – это ванная, в которой можно запереться; это та гора, с которой не нужно спускаться; это тот вагон, из которого не надо выходить; это тот обрыв, с которого, раскинув руки, прыгаешь и встаешь на илистом дне в полный рост; это тот луг, по которому хочется бежать вечно!

– Нет. Понимание истинной любви – удел единиц.

– Нет, просто у многих это спрятано под грузом всего наносного, гадкого. – Диметра поскользнулась и, быстро среагировав, уцепилась за прочного как Колизей Олега.

– Зая, аккуратней! Давай, держись крепче за меня. – За углом их взорам открылся круглосуточный супермаркет.

Внутри все пространство было заполнено людьми, занятыми

предновогодней суетой. Олег взял четыре бутылки шампанского и, поместив их в тележку, направился к кассе, злясь про себя на очередь. Вскоре подошла и Диметра.

– Вот, нарезочки Докторской, Телячьей к столу взяла, маринованных огурчиков.

– Молодец.

Когда после кассы Диметра уложила все в пакеты и взяла тяжелый с шампанским, Олег возразил:

– Ты что такую тяжесть поднимаешь?! А ну мне дай!

– Знаешь, привычка... Я ж всю жизнь одна прожила и постоянно таскала тяжелые сумки с едой, пивом и всякой всячиной в надежде, что появится человек, который хоть немножко поможет. Всю жизнь некому было ни помочь, ни защитить.

– Ты мало рассказываешь о своей юности, вообще о жизни, – взял тяжелый пакет он. – А насчет защиты... Я ведь тоже не Брюс Ли. В любой экстремальной ситуации важно оставаться ЧЕЛОВЕКОМ, человеком просветленным, тогда тебя никто никогда нигде и пальцем не тронет.

– А что рассказывать? Вспоминать весь ужас одиночества мне тошно.

– Милая моя!

– Вот бы ты был всю жизнь рядом...

– Ха! – Олег улыбнулся во все лицо. – Если бы ты видела, каким я раздолбаем рос, то ты бы точно не захотела со мной жить.

– А я молчаливым замкнутым ребенком росла, – вспомнила, выходя на улицу Диметра.

– А мы в школе однажды связали десять петард вместе и подорвали так туалет! Дыма было. Эх!!!

– Хулига–а–ан, – восторженно протянула Диметра.

– У тебя это как комплимент прозвучало.

– Да. Понимаешь, ты разбитной, подросток по жизни и это удивительно.

Первым в свое теплое чрево дом принял Олега, за ним вошла Диметра и заперла дверь.

– Брр–р!!! Как же я замерзла!

– Милая моя, ну где ты замерзла? – спросил он, поставив сумки и тискав ее в своих жарких объятьях.

– Да везде! Сейчас мне поможет только горячий душ!

На кухне Олег стоял и разбирал сумки, методично раскладывая продукты по полкам холодильника.

– Так пошли!

Олег быстро разделся, повесив на стул рубашку, майку и семейники.

– М–да, не жарко у нас. – Стоял абсолютно обнаженным он.

– Угу, – покраснела она, разглядывая Олега и раздеваясь до гола.

Живительно горячая струя воды коснулась груди Диметры, растекаясь по покрытому мурашками телу. Он установил лейку, обнял ее, и ниспадающая сверху влага орошала обоих, растрепывая ее волосы, мягко отдающиеся струям. Горячее как солнце, мокрое как дождь тело Олега вызывало дрожь окутывающего возбуждения и ей было не удержаться от познания языком грубых контуров его плеч, странно соленых, надежно твердых. Его руки спустились по спине до чувствительных ягодиц Диметры, от чего у нее перехватило дыхание. Олег взял ее руки, пропустил между ее пальцев свои, напряг до сладкой боли и коснулся губами ее шеи. Диметра всегда мула о его мыслях. Во всех эротических совместностях в ее голове возникало множество фантазий, эротических образов, ярких и неопишуемых. Н что в это время представлял Олег? Что творилось в его голове? На это у нее нет ответов, только упругое возбуждение. Олег спустился губами ниже, к ее груди и вскоре упруго торчащий сосок оказался во власти его настойчивых губ. Вдруг он оторвался от ее тела, отступил на некоторое расстояние, взял гель для душа, налил на руку, стал медленно размазывать густую субстанцию геля по ее груди, животу, дотягиваясь до спины в момент рождения пены. Диметра взяла у него гель, так же налила на руку и распространила по его телу, так же наблюдая рождение пены. Взяв за плечи, она повернула Олега на 180 градусов. Взору Диметры предстало все великолепие его спины, берущее начало от шеи, по–мужски закругленного стрижкой затылка. Почувствовав окончание дела, он включил воду, что смывала медленно и верно с них гель. Чистые тела были готовы к процедуре шампуня. Лейка душа выскользнула из рук, Олег присел за ней, в этот момент его спина порнографически откровенно обнажила очертания позвоночника и ребер так, что их можно было сосчитать. Диметра налила в руку немного шампуня и пальцами развела по мокрым немногочисленно коротким волосам стоящего в полный рост Олега, а он прямо из бутылки вылил довольно много на ее голову, чтобы пред высшим удовольствием предстать абсолютно чистыми.

– Смотри, не отрывай от меня глаз, – погрозил и показал на нее пальцем Олег, взрывая словесную тишину, и медленно сполз по стене, сев в ванную.

Диметра последовала за ним, сев на противоположной стороне. Током, молнией, вселенским ударом разило ее каждый раз, когда прикасалась к своим гениталиям, не отрывая глаз смотря на делающего то же самое

Олега. Смотреть на него и остановиться – вещи не совместимые... И поэтому сотни миллиардов градаций экстаза накрыли ее с головой, с душой и телом. Позволив себе отвести от Олега взгляд, она вернулась в обыденный, не затуманенный вожделением, мир. Она смотрела на запрокинувшего голову и часто порывисто дышащего. Она слушала его оргазм, всецело отдаваясь радости за него, получающего немного иное, но столь же неземное лакомство. Он смотрел на нее – и во взгляде сливалась воедино вся его сила, вся его мужественность, вся его страсть. Ей хотелось дотронуться до его клавиш, чтобы божественная музыка звучала и звучала вечно.

– Ах ты! Опять кончила раньше меня! – очнулся Олег.
– По-другому и быть не могло, мы же на чистую голову с тобой..
– Естественно. Секс я предпочитаю только на чистую.
– А закинувшись в нос я могла бы мастурбировать, но не кончать сколько захочу.

– А тантристы так на чистую голову делают! Я другого не пойму.
– Чего?
– Почему у нас уссаться сколько выпивки, а мы до сих пор на трезвячке держимся???

– А ты отольёшь на меня стоя?
– А как же!!!
– До нового года часа три, а у нас ни одного салата не готово.
– А подставку для курицы в духовке нашла?
– Угу.

Диметра, достав овощи, поставила варится яйца, картофель в мундире.

– Морковку, лук почистишь?
– А как же, зай!

Олег присел на корточки над мусорным ведром вооружившись острым ножом.

– Слушай, Ди, а какая у тебя картина мира? – неожиданно спросил он, дочищая вторую луковицу.

– Чувственная, – не колеблясь ответила она.
– Расскажи.

– Ой, Милый, дело вот в чем. – Она положила шесть яиц в ели теплую воду кастрюли. – Любовь везде. Любовь – это мир, мир – это любовь и его познание проходит сквозь призму познанного любимого человека, вследствие чего душа очищается, происходит очищение ощущениями познания, сензокатарсис. То есть картина мира – увиденное сквозь Любимого.

– А любовь, как ты думаешь, очищение?
– Да. Безусловно. Любовь – наивысшее просветление, очищение духа и телесной оболочки.

– А после?

– А после вселенское познание. Познавшим весь минимум в максимуме доступно познать весь максимум в минимуме.

– Большого в малом, в малом – большого, – дополнил Олег и передал ей очищенные овощи.

– Угу.

Спустя некоторое время Диметра проткнула ножом одну из картофелин:

– Смотри–ка, а картошка сварилась уже. Открывай пока горошек, а я все почищу и порежу.

Диметра взяла большую миску, порезала отварное куриное филе, картофель, половину соленого огурца, два яйца, немного репчатого лука, посолила, добавила горошек и хорошо перемешала большой ложкой, после чего положила часть в небольшой салатник, заправила майонезом и отдала Олегу отнести в комнату.

– Если креветки останутся, то давай яйца нафаршируем? – предложил он.

– Сейчас посмотрим, зай.

Диметра открыла банку очищенных креветок в рассоле, порезала в небольшую миску два яйца, добавила кукурузу, потерла чуть–чуть свежего огурца и положила три ложки креветок и повторила то, что и с Оливье.

– Вот, как ты и хотел, остались! – очистила и порезала вдоль четыре яйца она.

Потом выложила остальные креветки из рассола, смешала с резаными мелко желтками яиц, майонезом и заполнила получившимся половинки белков, полив каждый сверху еще немного майонезом и положила по несколько листочков петрушки сверху.

– Блин, глядя на все это я жутко проголодался! – сообщил Олег, открывая лоточки с нарезкой колбасы, бекона.

– Да я тоже! Пора курицу ставить!

Диметра одела курицу на подставку, натерев ее приправой. Она поставила ее в нагретую духовку и соответствующе установила таймер.

– Ну что, пойдем пока по холодненькому ударим, зайка?

– Пошли!

Шампанское охлаждалось на балконе на момент встречи нового года. Пока Диметра зажигала стоящие на столе свечи, Олег открыл напиток

богов – Мартины Бьянко – и налил Диметре, сидящей по другую сторону стола напротив него, две трети стакана, после чего налил себе.

– Ну, с наступающим!!! – стукнулись они.

Приятная теплота слабого алкоголя разлилась по желудку.

– Ты просто мастер салатов, – прожевав похвалил он.

– В их приготовлении – то ничего сложного и нет, – покраснела Диметра.

– В них нет – есть в хозяйке.

– Олежек, ну прекрати. Ты меня смущаешь!

– Давай теперь выпьем за нас! За то, чтобы одиннадцатый год наших отношений был ярче прошедших десяти. – Олег поднял стакан.

На часах было без одной минуты двенадцать, телевизор показывал куранты, отсчитывающие последние секунды уходящего года. В этот момент оба они загадывали желание, твердили его неустанно мысленно. Олег был наготове открыть холодное шампанское и когда часы на его руках, ее и телевизионные возвестили о начале нового года.

– С новым годом!!! – прокричали они друг другу почти в один голос, стучаясь переполненными бокалами. Хрустальный звон разносился по комнате.

Последующее запомнилось смутно. Среди трех пустых бутылок из под шампанского Олег вырулил к дивану, рухнул к сидящей рядом Диметре.

– Спасибо, Любимая, за все. Я так наелся. Курица была просто обалденно сочная, с хрустящей кожей!

– Не за что, зай, – таким нетрезвым тоном ответила она. – Видишь, рассвет уж близко. Доведешь меня до нашей спальни?

– А как же!

Качаясь, Олег обнял ее и оба пошли в спальню. Первым рухнул он. Рука Диметры с трудом попала на выключатель, вскоре свет озарил всю комнату, она сняла с себя всю одежду, после чего попыталась проделать то же самое с Олегом. Расстегнуть и снять рубашку было легко как носки, а вот семейники отдались с трудом. Несмотря на кружение тела, уходящий пол из под ног, она развесила на стул его одежду и аккуратно, чтобы не пасть придерживаясь за стену, пошла выключать свет. В это время Олег с закрытыми глазами искал ее рукой в постели. Рассветный мёд плавным воском втекал в окна, разливаясь светом по всей комнате, мягким, ласкающим, имеющим свой запах – запах рассвета, подобно зернам знания разбросанный по воздуху. Столь же аккуратно Диметра проделала путь обратно, легла, но спать не хотелось – рассвет будто гипнотизировал за ним наблюдать. Она легла на бок и смотрела в окно. Олег придвинулся и обнял

ее. Спиной чувствовать тепло его тело, вдыхать его запах, вслушиваться в его дыхание – величайшее счастье на земле. Ей представился американский значок recycle, где любовь и есть рецикл – бесконечный круговорот передачи энергии друг другу. Диметра закрыла глаза.

Не верь

– Меня трясет и не могу сдвинуться с места, – скороговоркой проговорила Диметра ответившему на телефонный звонок Олегу.

– Ты только не волнуйся, – релаксирующе прозвучал его голос почти перед завершением звонка. – Я приеду за тобой.

Она стояла у бетонных ступеней, скованная беспричинным страхом настолько, что невозможно было сдвинуться с места. Прохладный весенний воздух проскальзывал по лицу, теряясь где-то у бетонно серых стен. Вскоре, на фоне непроглядной темноты, появилась энергетично мощная фигура Олега.

– Ну что ты? – Он подошел к ней и ощупал руки, ноги как родители ощупывают детей, после чего обнял, ощутив резкую дрожь ее тела. – Зай, с тобой все в порядке?

– Нет, – ели ответила она.

– Ладно, пойдем потихоньку, – успокаивал он. – Ну вот, пошли, мы уже не далеко от дома.

На протяжении всей дороги он не отпускал ее руки и дома, зашедши первым и раздевшись, он снял и с нее верхнюю одежду, после чего не выпускал ее из своих объятий часами. Чувствуя ее более-менее успокоенность он зачесал руками ей волосы назад и, направляясь к ящикам письменного стола, заключил:

– Ну вот, Милая, тебе уже лучше. Садись на диванчик.

Она, покорно повинувшись, села, кивнув головой.

– Смотри, что у нас есть! – Он достал с желтой этикеткой пузырек с каплями и сел рядом с ней.

Положив ногу на ногу на боковину дивана она легла на его колени, улыбнувшись в ответ открыла зубами пузырек каплей и медленно инстиллировала их себе в нос: сначала в правую ноздрю, потом в левую. Разлившаяся по дыхательным путям и попавшая в рот горечь вещества дала незамедлительную реакцию. Ее напряженное тело сразу же обмякло, наполненные страхом мысли приобрели характер бессвязности при приливе, хотя это слово не очень уместно. Приливами она страдала: без причин ее в любое время прошибало потом, бледнело лицо и холодели руки. Часто после прилива мог наступить ни чем не мотивированный страх. А что, что происходило сейчас, было сродни волне, добро и заботливо укрывающей ее от всего ужаса реальности.

Теплыми и сильными пальцами Олег утонул в ее волосах. Он видел снижающуюся дрожь ее тела, становящиеся размером с копеечную монету зрачки и теряющий точку взор.

– Ц–ц–ц. Тихо, моя Радость, – гладил он ее по голове. Моя ты Милая, все пройдет. Все будет хорошо.

– Курица не мокрая? – Спросила она, сев чтобы не уснуть и протянув ему капли.

– Да я смотрю, тебя уже вставило, – засмеялся он. – Нет уж, спасибо. Я лучше пивка – не хочу в каждом незнакомом лице видеть твое.

На самом деле она спрашивала о том, не кончилось ли курево. При опьянении каплями речь становилась со стороны бредовой при том, что опьяненный человек чувствует, что спросил правильно и если собеседник в той же стадии, то беседа становится полной веселья и радости, выглядящая со стороны как полностью бессмысленный разговор двух шизофреников. Олег имел в виду побочный эффект, который может держаться после приема капель две–три недели. Внезапно возникающие зрительные галлюцинации имели эффект шибки узнавания лиц – Олег или Диметра в моменты разлук часто видели в лицах прохожих друг друга или даже давно умерших людей, а слуховые галлюцинации имели еще боле курьезный характер. Например, однажды Диметра спускалась по эскалатору в метро и, слыша в динамиках объявление: «Состоится турнир по настольному теннису», слышалось: «Состоится турнир по настольному пенису». Так же на штендерах виделись вовсе другие слова.

Отодвинувшись от него, она проложила дорожку поцелуев по его теплой шее, плавно приближаясь к мочке его уха.

– Извини, зай, я не хочу сейчас. Знаешь, намотался так за день, сил нет.

– Ну вот, – немного отошла от опьянения она. – А расскажешь что–нибудь?

– Расскажу. Он наблюдал за спускающей трусики Диметрой. – Садись поудобней.

Угу, – села она рядом, обняла и прижалась к его сильному любящему телу, левую руку положив на свои гениталии.

– Когда я был еще очень–очень молод и жил далеко отсюда с матерью и братом, – тоном чтеца начал он, – Тогда и не знал точных терминов и того, что я не один такие же люди, как я, не просто есть, а их очень много. Стесняясь собственных желаний я одевал перед зеркалом рубашку брата, как можно быстрее старясь с себя снять весь купленный мне матерью ужас.

– А потом? – медленно ласкала она себя.

– А потом в его широких штанах и кедах выбегал погоняться с мальчишками, побаловаться футболом. Это только потом, на первом курсе, появились деньги, не большие, но их можно было накопить и шататься по магазинам, зависать в примерочных и одевать толстовки, мерить строгие костюмы. Знаешь, как было страшно? Долго выбирал себе семейники и, подойдя к кассе, боялся не знаю чего. В итоге продавщица сказала «Спасибо за покупку, молодой человек» и упаковала мне их.

Диметра слушала, временами проваливаясь в сон и боясь забыть слова Олега. Она это называла эффектом забытого вечера, повторявшимся раз за разом при приеме капель. Заключался он в следующем. Если глубокой ночью принять капли, мастурбируя дома или катясь по метро на улице, то перед последним провалом (характеризующим наступление глубокого сна) последние два–три часа не запечатлевались в памяти. Проснувшись, она могла долго искать очки и находить их в странных местах, не помня куда их положила. Она долго могла искать вещи и, так же, находить их в неожиданных местах. При этом минуты перед сном не запоминались – как белый лист.

Неожиданно для Олега она открыла глаза, вернувшись из мира сна и продолжала слушать его голос, потеряв нить рассказа:

– В школьные годы я легко знакомился с новенькими, приходящими в наш класс. Все обычно спрашивали, мальчик я или девочка. Смешно было.

Диметра снова улетела в сон. В этот момент Олег аккуратно снял ее замершую на гениталиях руку и, отнеся ее в сторону, положил свою. Он начал с плавных поглаживаний ее эрогенной зоны, а после – к более настойчивым. Он резко и в то же время бережно ласкал ее. Помимо прочих препарат имел эффект потери ощущения конечностей. Не чувствуя ни рук, ни ног она вернулась в мир снова, открыв глаза и постепенно обретая чувствительность рук Диметра сначала продумала что ласкает себя сама, но позже увидела вовсе не свои руки, а настойчивые, сильные, чьи пальцы с ломаными и стриженными до мяса ногтями прикасались к ней. Повернув голову она увидела самое важное – его направленные в никуда огромные зрачки и ласкающую себя руку. И это было экстатично–психотропным единением души, духа, уводящим от вечно травмирующей и постоянно надоедающей своим однообразием реальности в поразительно удивительный мир необычайной красоты, добра, взаимных чувств, обоюдного экстаза, совместного полета души, возвышающего над собственным телом, миром, пространством, временем, расстояниями и границами между реальностью и иллюзией, полом и ориентацией, домом в городе и вселенной, ксенофобией и пониманием, фоном и цветом,

контуром и фигурой, плотью и кожей. Только в этом полете приходит истинное понимание смысла сладкой горечи – поцелуя с ним вкуса капель и их больничного запаха.

– Видишь, я тоже решил полетать с тобой...

Дальше его голос терял смысл равно так, как границы комнаты теряли очертания, контроль пространственно–временных границ. Капли обладали еще одним важным свойством, действующим как на нее, так и на Олега. Если заснуть, приняв на обе ноздри целый пузырек (сон, как правило, накатывал всегда), то по пробуждении практически не возможно восстановить в памяти час–два перед сном – эти моменты абсолютно не запечатлеваются в памяти. Поутру можно обнаружить себе и свои вещи где угодно. Так случилось и тогда. Она проснулась на плече Олега, чувствуя что он тоже не спит.

– Я, прикинь, какой сон видел, – начал Олег, прорывая тишину и смотря на Диметру. – Будто я в космосе и могу без скафандра дышать и повсюду бесконечность.

– По–твоему космос бесконечен? – зевая, спросила она.

– Да. Дальше космоса только создатель.

– Создатель – метакосмическая величина – тот, кто выше космоса, – но нас учат с детства, что космос бесконечен.

– Ты думаешь, по–другому? – Он смахнул прядь волос с ее лба.

– Да. – Она поймала его руку и проделала дорожку поцелуев от его запястья до локтя.

– Прекрати, зай, я то я возбужусь сейчас.

– И что? Утренний секс самый лучший, энергия на весь день.

– Ах ты, хулиганка! Значит, энергия на весь день, да? – Он играючи сдернул с нее одеяло, навис над ней, чуть спустился и поцеловал, чувствуя как на его спине смыкаются руки Диметры.

Они с легкостью перевернулись на бок, не отрывая губ друг от друга. Олег лег на спину.

– И где мои очки? – осмотрелась она.

– Да вон, на тумбочке лежат.

– Ооо, спасибо. – Она их одела, после чего контуры обрели четкость, а черты его лица – разборчивость.

– Коридор, – отрешенно сказала она, положив голову на низ его живота.

– Что–о? – Усмехнувшись, удивленно спросил он.

– Мало кто понимает цепочку познания космоса и метакосмоса. Через любовь к человеку мы познаем окружающий мир. Через окружающий мир

мы познаем любовь к создателю. Через любовь к создателю мы познаем сущность бытия, – смотрела в потолок она. – Если бы меня попросили изобразить создателя, то я бы нарисовала коридор зеркал, похожий на гадальный, где лежащая на боку восьмерка – портрет создателя, а бесконечность – его имя.

– Угу, – согласился он. – А главное – ни во что не верить, кроме вложенных создателем истин.

Олег сел, потянувшись за стоящим на тумбочке стаканом воды.

– Истины – это и есть создатель. Ведь так? – Она поудобнее устроила голову на его коленях.

– Да. Именно так.

– А идеальная истина – любимый.

– Или любимая.

– Зай, слушай, а давай еще по капелькам, м?

– Ну я от тебя балдею! – Воскликнул он, глядя ее по голове. – Вчера два пузырька угрохала, а утром еще просит.

– Всего чуть-чуть.

– Ты пойми, – грубо и настойчиво начал он. – Мне не жалко капель – тебя жалко, твоё здоровье. И вообще, это забава для подростков. Давай лучше пойдем прогуляемся, купим пива по дороге, будем пить, обсуждать извечные проблемы мироздания, шатаюсь по парку моего детства?

– Давай, – охотно согласилась она, кивнув. – Только я думала, клей – это забава для подростков.

– И клей тоже. Нас один раз родители застукали, когда мы с другом в подъезде клеём дышали. Крика было ты не представляешь столько. Сейчас покурим и пойдем.

– Ты клей нюхал?!

– Ну да. Давай тут, прямо в спальне покурим.

– Давай, – достала она тонкую сигарету с ментолом из пачки и, щелкнув зажигалкой, затянулась дымом. – Ловлю себя на мысли о том, как хорошо что мы живём одни без родителей. Это такое счастье – спокойная жизнь.

– Да уж. Моя мать точно бы разоралась, видя нас, курящих в спальне. – Он потянулся к лежащей на тумбочке зажигалке и за открытой дверцей увидел лежащие на полочке ампулы. – Во! Хочешь, Дим, почувствовать себя лучше?

– В смысле? – удивилась она.

– Я введу тебе вот это, – показал он ей ампулу с маслянистой жидкостью внутри.

– Что это? Я улечу?
– Нет. Ты молодая еще, ни разу по–настоящему не летала.
– Ой–ой, от кого я слышу!
– А что?! Я почти что до сорока лет дожил – столько всего попробовал!

Он взял две ампулы из одной пачки, вторую из другой, положил их в низкий стеклянный стакан и пошел на кухню. Из–за любопытства Диметра за ним.

– Подогреть надо, зай. Раствор–то масляный, иначе расходиться в тканях плохо будет, – держал под струей горячей воды он стакан.

– Мне чем дальше, тем интереснее.

– Ну вот, готово, – вернулся в спальню он, распаковал одноразовый шприц, открывая, отломил ампулу и заполнил ее содержимым шприц: сначала одной, потом второй, наполнился двух кубовый шприц.

– Снимай трусики, Милая.

Олег обработал спиртом ее правую ягодицу, мастерски ввел иглу и густая жидкость растворенного в оливковом масле для инъекций эфира плавно и медленно проникала в ее ткани.

– А это для меня. – Он проделал то же самое, но с другой ампулой и столь же мастерски сделал укол себе. – А теперь пошли гулять! – внезапно огрубевшим голосом воскликнул он.

– А я–то думала, это полет.

– Это другое! Сама заметишь: сиськи становятся больше, а голос – выше. Мимо моей старой работы пойдем – может получится что.

Он одел широкие джинсы, большие черные кроссовки, накинул кожаную куртку и ждал ее, наносящую на губы бесцветный блеск. Весенний воздух улицы ударил в нос прохладной свежестью пасмурного дня. Шли они молча, взявшись за руки. Круглосуточный магазин не радовал разнообразием: трое пьяных возле на лавке горлопанили едва разборчивые песни, дверь отторгала запахом разлившегося вина из разбитой бутылки. Олег вошел первым, попросил две бутылки пива и, к удивлению Диметры, две чекушки.

– А водку зачем?

– Увидишь, – хитро ответил он, блеснув глазами.

Лента асфальта по бокам была украшена деревьями с голыми ветками.

– Вон, видишь корпуса больницы? – Он указал на здания с лева. – Я тут в хирургии раньше работал.

За забором все напоминало хитросплетение лабиринта корпусов, в котором разобраться было трудно.

– Здорова, Михалыч! – поздоровался и протянул руку он стоящему возле двери мирно курящему медбрата в зеленой медицинской одежде.

– Привет! – пожал ему руку тот. – Ты тут мимо проходил или по делу?

– Конечно мимо! – Он протянул ему две стограммовых бутылочки с водкой.

– Да вы как нельзя кстати! Представляешь, у нас же тут не выпьешь теперь!

– Что так?

– Да главная намешала спирт с хлоргексидином. А моя последнее из карманов вытащила. Пиздец вообще! – Он выпил одну практически залпом, не запьянев. – Ну ладно, парочку ампул я вам спишу. На большее не рассчитывайте.

– Да нам и этих волшебных ампул хватит хватит!

– А Вы, дама, ничего, – бросил он на Диметру вождеденный взгляд.

– Моя – гордо обнял ее Олег.

Спустя некоторое время он, шатаясь, вернулся и дал ему две ампулы. Попрощавшись он и она медленно пошли вдоль аллеи по направлению к прудам, находящимся внутри огромного благоустроенного парка. Внутри, за огромной черной оградой парк начинался с детской площадки и тройки скамеек, на одну из которых они сели.

– Смотри-ка, свежий и пятипроцентный раствор, – смотрел на свет ампулу он.

– Настоящий полет?

– А то!

– Я всегда думала: и почему мы вынуждены искать окольные пути вместо того, чтобы просто купить в аптеке необходимый препарат? – Она положила голову на его плечо.

– Потому, что это мы такие, – медленно и тихо начал он. – А ты подростков представь. Общество настолько омерзительно, что направлено исключительно на порабощение человека, исключительно на стирание его личности, способностей к творчество. Общество топчет, ломает, душит, бьет, кусает и подростку не остается ничего кроме изменения состояния своего сознания. – Он пронзительным взглядом смотрел на неподвижные воды пруда. – И теперь представь: ни кем не понятые личности в бесполезной жизни будут снова и снова злоупотреблять препаратами если их легализуют.

– Ах, вот оно как.

– Угу. Но конечно есть одно НО, как я думаю. Вот имеет человек душевные проблемы, так ему обязаны дать доступ абсолютно ко всем

препаратам списка А.

– Правильно, согласилась она. – Список А – это ведь прямое нарушение прав человека на свободу выбора!

– Это из-за наркоманов. Я вот готов поспорить: кинь я наш препаратик в воду – ты бы даже и не расстроилась.

– Конечно! Ведь есть ты и это самое важное. Вопрос отсутствия веры. Любимый – это истина в последней инстанции и доверять больше не следует никому.

– Молодец! Ну что, давай выпьем? – Он достал из пакета пиво и дал ей.

– За нас!

– Хорошо-то как, – сделал глоток он. – Всю жизнь так бы просидел.

– И я... Здесь... С тобой...

Холодно что-то. Давай пересядем? – предложил он, садясь на спинку скамейки и ставя ноги на само сидение. – Так теплее.

– Давай, – повторила за ним она. – Тоже замерзла. И домой хочется.

– А пошли! – Он спрыгнул и подал ей руку.

Пасмурный день не проявлял ни солнца, ни ветра, а они шли навстречу полету, таящемуся в кармане Олега.

Не бойся

Кодовый замок в двери не работал, в прочем как всегда. Никто из жильцов дома и не помнил, когда он был в рабочем стоянии. Подъезд с выбитой лампочкой был полон пустых бутылок, разбитых на острые осколки и целых, стоящих с остатками не выпитого содержимого. Возле стены стояла треснутая тарелка с кем-то налитым молоком, которым мирно лакомилась рыжая бродячая кошка. По-геройски резко пнув одну из бутылок он тем самым расчистил путь к лестнице, ведущей на второй этаж и площадку, в свою очередь ведущую на этаж выше, и так по пункта назначения – четвертого этажа. Облупившаяся зеленая краска на стенах лестничных клеток обнажала бетонный материал стен по цвету такой же серый как и полы в местах выбившейся от старости плитки, мелкой и желтой. Нетленные произведения юных художников – нечитаемые надписи баллончиком краски – под гордым названием «Граффити» встречали гостей, оставляли равнодушными жителей среднего возраста и приводили в бешенство выдавших виды довольно-таки пожилых, живущих в том доме очень-очень давно. Межэтажные окна едва пропускали дневной свет, сквозь толщу годовой пыли день казался матовым, непроглядно мутным.

С долей незаурядного упорства он повернул ключ, отомкнув держащуюся на ржавых петлях дверь, обитую коричневым дерматином, и, сильно дернув, открыл ее, вошел первым. После него зашла она, закрыла за собой дверь и повернула ключ на два оборота. Зашла, оставив за порогом тяжесть минувшего дня, усталость, давящий ритм большого города и соседей, на искреннее приветствие отвечающих озлоблено и смотрящих на Олега и Диметру как на внезапно вторгшихся на землю инопланетян; смотрящих на ее яркий маникюр и зачастую розового цвет блузки, на его типично мужские манеры. Здесь, где редкие машины прерывали тишину, можно было отдыхать и чувствовать себя «в своей тарелке» особенно по будням, когда жизнь стремительно перетекала ближе к центру города, оставляя район почти что безлюдным. Если выйти рано утром, то подъезды и близлежащая территория выделялась нагромождением пустых алкогольных бутылок и банок, пустыми коробками и пузырьками из под аптечных препаратов, способных резко и незабываемо менять состояние сознания абсолютно легально. Ранним утром возле круглосуточной аптеки всегда дежурили несколько примелькавшихся лиц с красными от лопнувших сосудов глазами и трясущимися как у паркинсоников руками.

Поразительным Диметру всегда полное отсутствие у них какой либо ксенофобии. В аптеку, в которой из под полы без рецептов опускались сильнодействующие антидепрессанты, транквилизаторы, обезболивающие для раковых больных и средства для диссоциативной анестезии можно было придти и не сняв макияжа, и оставив яркий лак на ногтях, и даже помаду на губах, которая так нравилась Олегу – ни какой ксенофобии не было и в помине. Максимум, что было – это трясущийся подросток, жалобно просящий немного мелочи на очередную ампулу. И при этом всегда происходило самое смешное.. У Диметры всегда спрашивали про назначение врача, когда она покупала противозачаточные таблетки – единственный легальный источник женских гормонов. Ей трудно было сохранять серьезное выражение лица – внутри нее все хохотало безудержно, когда она брала сдачу и синюю коробочку таблеток, содержащую синтетические этинилэстрадиол и дезогестрел. Действие эстрогена и прогестерона она чувствовала самое разнообразное: от поднятия настроения до беспричинной слезливости, а жизнь без гормонов приводила к глубоким депрессиям. Поэтому она принимала их сразу, едва успев отойти от аптеки. Олег же, напротив, всегда сохранял выдержку, принимая или вкалывая шприцом гормоны только дома, строго раз в две недели. При всей его железной выдержке он был склонен к поступкам, своей гениальностью способным потрясти даже самое изощренное воображение. Он мог, раскинув руки и ноги, лечь на проезжую часть и, отражая в глазах всю бесконечность неба, крикнуть не жалея голоса о том, что дарит Диметре весь мир. Эхо при этом разлеталось по всем улицам.

Олег открыл дверь тумбочки, в которой лежало множество ампул и таблеток и прокомментировал, убирая пару ампул из кармана далеко к стенке:

- Два дерева глюков в лесу гормонов.
- Прячешь? – Подошла к нему Диметра и спросила.
- Угу. – Крепко обнял он. – Ты не распространяйся никому, а то синеполосое такси приедет да в отель с небом в клеточку увезет. Доказывай потом, что мы не торчки и не обдолбыши, а просто от жизни отдыхаем так.

Отдых от жизни, заключающийся в приеме различных аптечных веществ, изменяющих состояние сознания, был одним из излюбленных ими способов времяпрепровождения, при котором они достигали полного взаимопонимания. Это было одной из точек соприкосновения. Любил ли Олег Диметру? Ни он, ни она никогда не задавались таким вопросом. Он позволял ей жить себя дома, разрешал ей гладить свои рубашки и управлять бытом в большей степени из-за взаимопонимания – он вел точно

такой же образ жизни, что и она: экспериментировал с препаратами, искал и находил способы легальной покупки гормонов, искал взаимопонимания. Прожив типичное, полное непонимания детство, он проделал нелегкий жизненный путь, в конце концов приведший к обретению собственной квартиры, где бог и царь он сам. И этим же он невольно осуществил мечту своей обожаемой Диметры, мечту жить отдельно от родителей и их странных друзей, считавших ее то неадекватным подростком, то психически больным человеком, то членом некой секты. Жизнь с любимым была апогеем счастья, личной свободы, ведь ей довольно часто дома устраивали скандалы словно Диметра еще подросток и это продолжалась, когда ей уже было лет двадцать – ругань за расширенные зрачки и веселость. Их понимание друг друга было настолько глубоким, что порой не требовалось слов. Олег почти всегда замечал ее страхи и тревоги.

– А за это забрать могут? – Посмотрела в его глаза она.

– Да. За хранение этого медицинского препарата дома уголовная ответственность наступает.

– Как странно, – удивилась Диметра. – Это же не наркотик, а лекарственный препарат.

– Что поделаться, такие у нас законы.

– Глупость!

– Согласен. – Олег подошел к компьютеру, включил и сел в офисное кресло, в ожидании загрузки поворачиваясь то влево, то вправо. – Я почти разгребу: твою, мою.

– Давай. А я посуду пойду помою.

Вода, скопившиеся в раковине, тарелки, вилки, кружки – все это не мешало мыслительным процессам. Мытье посуды было для нее одним из тех скучных дел, которые доведены до автоматизма: руки, казалось бы, что-то делают отдельно от мозга, а мозг в это время глубоко в мыслях, тревожащих своей таинственностью. Мысли о фиксированности будущего. Имеет ли право на жизнь утверждение о том, что будущее – это процесс вовсе не динамический и вовсе не процесс, а сотканное создателем полотно?

Олег, вытянув ноги и положив одну на другую, лежал на диване и смотрел на потолок таким живым взглядом, как будто на той ровной поверхности проецировался интересный фильм. Диметра, будучи нестабильной эмоционально и подверженной перепадам настроения сродни качелям, перепадающим то в радость, то в уныние; она всегда поражалась внутренней настройке Олега на радость – позитивной картине мира. Он мог сидеть тихи, молча и не улыбаться, но его огоньки в глазах

говорили за него. Этот хулиганский блеск рискованного человека нельзя было спутать ни с чем. Увидев Диметру он мгновенно вскочил с дивана и пригласительно сел, провожая ее взглядом.

– А нас с тобой на поэтический вечер приглашают: на твою почту целых два приглашения кинули, на мою – одно. – Он поднес сигарету ко рту, затянулся и передал Диметре.

– Я не пойду. – Она села рядом с ним и, взяв сигарету из его рук, тоже затянулась. – Стихов я своих наизусть не помню, да и люди там не знакомые. – Он докурил переданную Диметрой сигарету – на была последней в доме.

– Так вот и познакомимся. Я там от силы двоих там знаю.

– Сам бы сходил – тебя там хоть знают немного.

– Я без тебя не пойду, – сказал как отрезал он.

– Ну зай, – наморщила лоб она. – В скоплении людей я себя не комфортно чувствую, сам же знаешь.

– Людей там не так много будет, зато среди творческих людей побудем.

– Лучше б полетать.

– А это не сегодня. Я тут водочки сто пятьдесят хряпнул, пока ты посуду мыла. Хорошо так. А дурь с алкоголем лучше не мешать.

– Что правда, то правда.

– И тем более с твоим давлением. Этот препарат ведь процентов на сорок повышает АД.

– Волшебные капли тоже.

– Не настолько.

– Капли – это ладно, а дурь из тумбочки тебе сегодня не дам. Это мне, гипотонику, даже после бухла можно, а тебе – нет.

– Ну вот...

– Подожди. – Он задумчиво посмотрел на нее и почесал затылок. – Был у меня один препаратик. Найду – пирушку в ванной устроим. Сиди тут.

Мир странно пустел, когда он уходил даже на расстояние прихожей: стены казались серыми и безрадостными, на потолке маячили грустные тени одиночества.

– Ты чего пригорюнилась? – Он потеревил ее за волосы и протянул сироп от кашля в алой коробочке. – На, подсласти жизнь.

– Ооо, – протянула она радостно, узнав в этом препарате вызывающий эйфорию сироп от кашля. – Ты и не говорил, что у тебя это есть.

– Да у меня тут аттракцион радости! – Воскликнул он и поставил на пол большой белый пакет, где находилось около десяти флаконов сиропа и

загадочный тюбик. – Смотри, что я тебе еще принес.

– Это что, зай?

– Гормоны, которые не надо колоть, – начал он. – Трансдермальные технологии, просто втираешь гель.

– Даа?

– Да. Сейчас покажу. Разденься по пояс.

Немного стесняясь Диметра сняла с себя майку, обнажив перед ним грудь и пухлый живот.

– Бляяя! Да не стесняйся ты – я же твой парень!

– Можно сказать, даже муж.

– Не даже, а муж!

Он достал из зеленой упаковки металлический тюбик и белый пластмассовый аппликатор к нему, на который он, чтобы отмерить дозировку, нанес прозрачный на вид гель, после чего начал аккуратно втирать его в правое предплечье Диметры. Густой прозрачный гель быстро впитывался и издавал резкий запах спирта. Дальше он отмерил аппликатором еще раз, нанес на левое предплечье, живот, в котором тонули его пальцы.

– И противозачатки глотать не надо, – заметил Олег.

– Да в аптеку вообще идти тошно. Как то за противозачаточными таблетками зашла, а там такой провизор, раза в два толще меня, спрашивает противным голосом: «А у Вас по назначению врача?».

– Ну, это ее работа – спрашивать противным голосом. Гель легче купить. Д и вообще, Дим, вам – бабам – везет: и гели трансдермальные, и пластыри, а у нас только уколы.

– И пластыри есть?

– Конечно! Сейчас даже стационаровская дурь в виде пластырей выходит: клеишь хоть на жопу и часа два балдеешь.

– Вот мне всегда было интересно. – начала она. – Почему в упаковке противозачаток, не такой уж и большой, всегда есть тонкая картонка с синей розочкой, в которую входит пластинка таблеток?

– Наверное, чтобы мальчикам было легче прятать гормоны от родителей. Не знаю, – пожал плечами Олег.

– Милый, а когда ты впервые себе укол решил сделать?

– Укол? – уточнил он, начиная рассказ. – Смешная это история. Бухал с одной мыслью: дожить до двадцати, а там хоть трава не расти. А тогда, прикинь, мне тридцать стукнуло, разосрался со всеми, даже со своей тогдашней. Я примерно понимал его действие, чтобы не передознуться, но, признаться честно, тогда мне было без разницы – ничего не страшно.

- А мне всегда страшно делать что-то впервые, – прервала она Олега.
- Такова природа страха: сначала новизна пугает, потом мы входим во вкус и не боимся ничего. – Он открыл пятилитровую бутылку питьевой воды, поднес ко рту и стал пить, очень много.
- Разве человек может не испытывать страха?
- Может, – уверенно ответил Олег. – Ведь что такое страх перед лицом Вечности? Ничто! Ну так вот.. На чем я остановился?
- На том, что тебе было ничего не страшно.
- Да. Тогда я вколол себе и улетел. То, что я видел – это, пожалуй, было самым интересным зрелищем... – Он встал и направился к стоящему у стены столу, порылся в ящике. – Вот! Нашел!
- Олег, вернувшись в комнату, протянул Диметре ампулу со словами:
- Смотри, что у меня есть!
- «Лазикс», – прочла она вслух название.
- Он самый.
- Одно из названий фуросемида, – заметила она.
- Ууу, с тобой не интересно, – улыбнулся он. – Я сюрприз хотел сделать, а ты уже все наперед знаешь. Давай, я тебя напою, а? Из незамерзайки.
- Ну, вот так вот. – Он подошла к нему, и Олег стал поить ее, держа тяжелую бутылку, из которой она старалась выпить как можно больше.
- Да ну тебя! Покажи попу!
- Знаешь, страшно всегда пробовать что-то новое.
- Бояться – это расписаться в собственной беспомощности! – резко воскликнул Олег и набрал содержимое ампулы в шприц. – Расслабься и не дергайся, – приказал он Диметре.
- Вскоре она почувствовала проникающую иглу. Нельзя сказать, что его руки были легкими. Сделав за свою длинную жизнь много уколов, Олег так и не набил руку, точнее, это просматривалось во всех его жестах – некая неподдельная грубость.
- Подержишь ватку пару минут, чтоб инфекция не попала, а дальше можно ждать эффекта, – Рассказал Олег, сняв с себя семейники и уколов себя тем же самым Лазиксом.
- Звук струящейся мочи – это самая гениальная в мире музыка. Ни один из великих композиторов так и не смог в своих произведениях превзойти этого запредельного божественного звучания, – с отсутствующим взглядом медленно произнесла Диметра.
- Ну ты и мастер изречений! – похвалил Олег. – Глядя на тебя сам сейчас изреку что-нибудь.

Он одел трусы, прикрепив их резинкой вату со спиртом на месте укола, после чего поставил стул посреди комнаты, взял пакет апельсинового сока, открыл, выпил прямо из пакета залпом где-то треть и протянул Диметре.

– На, держи! Наша задача – выпить столько, сколько влезет. – Сообщая об этом он медленно встал на стул, выпрямился, пригладил волосы. Глядя на него даже и не верилось, что Олег когда-то растил волосы, пытался их, от природы смоляные, осветлить под Курта Кобейна и во дворе горлопанил «The man who sold the world».

– Удовлетворение тела и духа – вещи неразделимые, – начал Олег. – Познание истинной природы вещей, истинного содержания мыслей и истинной значимости чувств заключается в орошении своей собственной влагой тела любимой.

Олег стоял и говорил с гордо поднятой головой и смотрел так, как будто его слушают миллионы. В этот момент он был похож на пастыря, вещающего свою проповедь множеству алчущих верующих; на диктатора, произносящего пламенную речь перед собравшимся на митинг населением своей страны; на артиста-гипнотизера, проводящего свой сеанс перед публикой; и делом Диметры при этом было: мирно устроится на полу перед ним, упоенно слушать и пить сок.

– Ну как? – Поинтересовался он спрыгнув со стула.

– Вот ты и есть мастер изречений.

– Спасибо, зайчика моя. – Он подошел к ней, крепко прижал к себе и прошептал на ухо:

– Ну что, погнали в ванную?

– Да!

– А то я уже ели терплю. Это тебе везет – анатомически мочевого пузыря у тебя больше моего, а я не могу уже. – Он быстро снял с себя все и предстал абсолютно обнаженным, пытаясь понять изучающий взгляд Диметры. – Растолстел, да? Раскормила тут. До тебя я сорок восемь кило весил, теперь вот вешу пятьдесят!

– Мне бы твой вес, – шутливо сказала она, совершенно обнаженная забравшись в ванную.

– А мне бы твой, – серьезно ответил он, сев напротив нее и положив между собой и ею пакет, из которого достал и распаковал сироп от кашля, бросив обратно коробку, ложечку и инструкцию.

Диметра, сделав то же самое, открутила крышку.

– За веселые картинки! – Он произнес тост и залпом выпил весь пузырек.

Эффект сиропа, густого и сладкого, наступал через десять-пятнадцать

минут, а до этого он терпеть дальше был не в состоянии. Он встал, Диметра инстинктивно вытянула ноги по длине ванной до него, а Олег присел над ней, держась руками за сухие края ванной. После этого почти что прозрачная струя, то раздваивающаяся, то снова сливающаяся воедино. Приподнявшись Диметра подставила ладошки под струю его мочи. Стараясь не пролить и капли она наносила ее себе на лицо, шею, пробовала на вкус языком и увлекалась всегда так, что и не замечала как струйка кончалась и он возвращался в прежнюю позу.

– А ты чего сидишь? – Олег удивился и засмеялся. – Писай!!! Тебе уж давно наверное хочется. Не стесняйся. Писай, только не на меня конечно.

Сложно было охарактеризовать выражение его счастливого лица в тот момент. Дело в том, что первым действием сиропа была глубокая эйфория, которая до наступления тошноты и общей слабости могла продолжаться от трех до пяти часов. Диметра, откинувшись, немного развела ноги по краям ванной и дала своей моче наконец-таки свободу. Ее струя медленно распространялась по дну ванной, огибая расслабленные ноги Олег и теряясь где-то там, в пучине водосточных труб. Вдруг, абсолютно неожиданно перед глазами Диметры пронеслись или волны моря, или же это были бесконечные облаков стаи, смешавшиеся с океанской рябью.

– Моя жизнь для тебя! – Сделала она очередной глоток.

– А моя жизнь – для тебя! – Он воскликнул вторя ей и допил очередной пузырек. В сочетании с временами пропадающим ощущением собственного тела вереница картин напоминала бесконечный полет, полет над океаном и одновременно внутри него. Картина, как всегда внезапно, прервалась и она увидела как Олег встал, постелил под свои ноги душевой коврик на присосках, чтобы не поскользнуться на скользкой от мочи ванной, а после начал рыться в пустых коробок от сиропа в поисках целой. Вещество, содержащееся в нем, имело свойство выпускать наружу самые потаенные и скрытые фантазии и желания. Диметра аккуратно приблизилась к его ногам, начала рассматривать пальцы его ног, ногти на которых были то коротко сострижены, то сломаны и в итоге вызывали единственно правильную реакцию – реакцию облизать. И она начала медленно проводить языком по его ноге.

– Димаааааа, – протянул он. – Щекотно же! Подожди, я сяду.

Он сел на край ванной, поставив расслабленно ноги на коврик и отыскав наконец-то еще один пузырек. Диметра устроилась таким образом, чтобы положить голову практически под его ноги таким образом, чтобы их было удобно облизывать, сантиметр за сантиметром, палец за пальцем. Обхватив его правую ногу она поднесла ко ее и взяла в рот его большой

палец, имеющий соленый привкус мочи и необыкновенно резкий запах, смешивающийся с ментоловым из-за случайно пролитого в ванной сиропа. Под действием мочегонного препарата писая лежа она почувствовала блаженство накатывающего возбуждения, пульсацию своих гениталий. Заметив это Олег поставил ногу рядом с ее горлом, что вызвало легкое чувство удушья, от чего возбуждение нарастало с еще большей силой. Удушье от тяжести ноги было не сравнить с тем, если бы Олег придушивал Диму руками или удавкой из магазина «Интим». Как известно, кожа ступней очень чувствительна и чтобы досконально познать ее вкус надо плотнее прижимать язык, чтобы не было щекотно. О, этот вкус. Этот незабываемый вкус... Ради этих мгновений стоило жить!

Самое интересное, что сироп от кашля впоследствии оставлял только зловещий призрак тошноты и привкус во рту, не отпускающий порой несколько дней. В остальном внешне было не заметно следов его приема в отличие от их любимых капель: ни глупого выражения лица, ни расширенных зрачков с бессмысленно стеклянными глазами – ничего, только временами преходящее слабоумие. Много существовало мерил для отмерки нормальной жизни среди серых будней. Это рабочие дни, серости которых каждый вечер вознаграждалась обществом друг друга; это выходные, когда Олег и Диметра могли полностью потратить время друг на друга; это конечно же отпуска – время, за поворотом ключа изнутри начиналась жизнь, выпадавшая из памяти иногда неделями, жизнь без низменных потребностей в еде и общении – жизнь, несколькими днями протекавшая в расширенном состоянии сознания. И не было больше пытавшихся забраться в душу уродов, жутких корректоров, критикующих за не мытую посуду и не убранную комнату.

Беспричинный смех Диметры заставил Олега открыть глаза, вырваться из пелены видений.

– Во тебя штырит–то, а!

– А то, милый! Не представляешь, как мне хорошо сейчас! Что ты видел?

– Я... Словно сквозь решетки тюрьмы вечности проходил. А ты?

– Вспомнила давний разговор в сексе по телефону.

– Ах, вот куда денежки уходят! Муж работает, а жена тут сексом по телефону занимается! Ты б хоть рассказала как по телефону драть. Мне интересно.

– Нет, мастурбировать надо либо на живого человека, либо на интернетовские фото тех людей, с кем общаешься, а телефонный секс – это так, развлечение, когда скучно.

– Ну и как это происходит? – неподдельно заинтересовался он/

– Ну как, – начала свой длинный рассказ Диметра. – Любое развлечение начинается с рецепта. Происходит это так.. Надо объехать несколько аптек, чтоб в кармане набралась приличная дозировка, положить побольше денег на счет телефона и, запив коньяком двадцать таблеток, позвонить. Знаешь, милый, они там мыслят исключительно меню порно-сайтов: азиатки, групповуха, инцест, латекс... Когда начинает штырить, тема разговора возникает сама собой. Я обычно выбирала либо групповуху, либо инцест, ну и наши любимые мокрые темы. Голоса почему-то только женские, как правило они представляются экзотическими именами и сразу спрашивают о чем бы мне хотелось поговорить. Самое смешное, когда я начинала интересоваться вопросом того, как пописать и заставить человека делать это. К моему удивлению оказалось, что в телефонном сексе в этом ничего не понимают. Мне посоветовали даже не Лазикс, а мочегонный чай подмешать или обманом заставить выпить. Вот такое сомнительное развлечение.

– Ебицца сила! Ну ты даешь! – Олег расхохотался, запрокинув голову назад так, что ударился затылком о стену. – Бляяаяя, – сквозь смех продолжил он.

– А что такого? Тем более это было задолго до знакомства с тобой.

– Ладно, моя, давай под душ, – встал он и сказал это тоном говорящего с ребенком родителя, после чего включил воду, постепенно уводящую в канализацию смесь сиропа, воды и мочи.

– Поставь чайку, а я пойду приглашения распечатаю, – тем же родительским тоном говорил он, вытирая махровым полотенцем ей волосы.

– Зай, ну я не хочу идти!

– А разве мне можно отказать? – улыбнулся в ответ он хитро. – И потом.. Нам-то читать вовсе не обязательно, посидим, развеемся.

Отказать ему действительно было нельзя. Убедительный голос и чувства к нему просто не давали этой возможности.

Она заварила его любимый зеленый чай с жасмином и в комнате застала Олега в его извечном занятии, от которого трудно оторваться. Любимым времяпрепровождением Олега было сидеть в приложениях на своей интернетовской страничке в одной из социосетей.. В эти своеобразные игры он мог уходить с головой. Их смыслом были различные фермы, где можно было выращивать таких зверей как коровы, куры, гуси и их яйца можно было продавать, воровать у друзей по игре и то же самое с огородами, на которых созревали

– Приглашения распечатал, – сообщил он и продолжил смешно

посмотрев на нее исподлобья. – Должно быть много интересных людей. А самое главное – охуительное разнообразие выпивки..

– А мы на чистую голову пойдём или?.. – Оперлась она попой о компьютерный столик, сомкнула ладони, пропустив пальцы между друг друга и на уровне ниже живота выламывала их так, что хрустели суставы.

– Ну тебя! Одна штырня на уме, – шутливо ответил Олег, засмеявшись в конце фразы.

– Ты не ответил на вопрос!

– По дороге видно будет. – Он коснулся кончиками двух пальцев – указательным и средним – ее оголенных ног, продолжил ответ проделывая дорожку пальцами до колен и выше, раскачиваясь влево и вправо на кресле и продолжая говорить в такт движениям пальцев. – Может, по паре кубиков в кофе, может по десятку капель волшебных в нос.

Олег встал. Диметре было невозможно удержаться, лишиться слабостей, перебороть вожделение – то, чему учит психотерапия. Она оголила его живот и рисовала мокрые концентрические круги языком.

– Стоooooooooooooooooooooooooоп, – простонал он – Побереги энергию на вечер, одевайся.

Диметра покорно одел светлую майку, светлые облегающие брюки и шлепки на босую ногу, Олег, никогда не задумываясь о внешнем виде, одел черную рубашку и не застегивал рукава, потертые джинсы и кеды. Впереди была уйма времени. Город в городе, точнее, под городом – метро – встретил с распростертыми объятьями воздушных завес, волны теплого воздуха промчались по лицам, немного усилий – и тяжелые двери позади. Рельсы, вибрации платформы от ударов по их стыкам, один из наиболее психотропнейших звуков города – гул тормозящего поезда – плавно вплетались в паутина последующих воспоминаний.

– А поехали в другую сторону? – Неожиданно предложил он.

Не дожидаясь ответа Олег взял ее за руку и повел в вагон. Следующая станция была конечной. Выход в город навеивал грусть, тоску по былым временам. Юго-запад был импровизированным Арбатом, Гоголями местного пошиба: на площадке возле метро то и дело находились музыканты начиная от поющих о тягостях Чеченских войн одетых в камуфляж людей до рок-музыкантов. Всех их роднила шляпа для собирания денег. Каждый кавказец считал своим долгом подойти и предложить порцию астрала: от легкой растительной дури и до тяжелых внутривенков. Обитала раньше и детвора, любившая разрисовывать мелками различных цветов всю свободную часть до нельзя надоевшего асфальта. Недалеко от выхода метро внимание Олега и Диметры сразу же

привлек (как в старые добрые времена!) музыкант абсолютно хипповского вида уверенно издавал гитарные рифы, перемешивающиеся с настойчивым электронным битом, ударов сто пятьдесят в минуту, льющимся из тех колонок, что и гитара, а возле гитариста на вид маячил молодой панк со внушительным ирокезом на голове и шляпой до денег. Пройти равнодушно мимо смеси рока и электроники было невозможно, Олег тут же кинул немалого номинала купюру и, слушая, направился к палатке с водой. Купив бутылку с противного ядерного желтого цвета содержимым, открыл и посмотрел хитро на Диметру.

– Ну и гадость! – брезгливо выпалила она.

– Не бойсь, сейчас из говна конфетка будет, – заговорчески сообщил он, запустив руку в карман.

Спустя несколько секунд стеклянного перезвона Олег выудил из кармана маленькую ампулу, вмещающую один кубик волшебного вещества. Острый осколок порезал ему палец – это было легко устранимо слюной. Вылив содержимое в газировку и перемешав он первый глоток дал ей, пояснив с улыбкой лучезарной во все лицо:

– Коктейль будущего!

Диметра неуверенно сделала несколько глотков.

– Хватит, а то обнулит по дороге!

– Ага, и литературный вечер плавно перетечет в междусобойчик барбитурщиц.

– И барбитурщиков, – добавил смеясь Олег, подмигнул и практически осушил бутылку.

Следующие час–два прошли в накрывшем с головы до ног вязком мареве, воздух становился горячим и гелеобразным, жгло кончики пальцев, очертания объектов менялись на глазах, одни и те же надписи каждый раз читались по–разному. На афише Диметра прочла «Крокус Сити Холл», отвела взгляд, когда вернула обратно – там уже было написано «Конкурс Энди Уорхолла». Олег протянул Диметре руку, сжал крепко и повел в метро. Метро – удивительный мир сливающихся красок, где можно, остановив взгляд на одном из пассажиров, терять связь с реальностью, наблюдать, как массы незнакомых лиц становится нечто общим, сливается воедино. Несколько кругов по кольцевой – и эффект начинал отпускать, оставляя телу только гнетущее чувство жажды, сухости во всем теле.

– Ты как??? – Спросил Олег, крикнув в ухо.

– Почти что нормально.

– А вот и наша станция.

– Да, выходим.

Показав приглашения на входе он и она прошли внутрь. Сумеречные внутренности клуба состояли из немногочисленных приглашенных, часть из которых беседовали, часть были погружены в раздумья и дебри собственных сотовых телефонов. Пройдя внутрь Олег взял Диметру за руку и уводил все глубже и глубже внутрь. О, сколько счастья в этом касании, казалось бы ни чего особенного, а на самом деле этот момент был очередным энергетическим обменом.

– Здравствуйте, – незнакомый голос раздался за их спиной.

Обернувшись Диметра узнала обладателя не знакомого голоса – это был один из литературных критиков, в пух и прах разносящий и творчество Олега, и ее творчество.

– Здравствуйте, – расслаблено ответил Олег.

– А вы, если не секрет, под какими никами на сервере публикуетесь? – Поинтересовался критик пожилого возраста на вид.

Со стороны чудаковато наблюдалось манипулирование человека преклонного возраста современными терминами.

– Воланд, – гордо выпрямившись произнес он свой булгаковский ник.
– это моя жена Диметра.

– Или просто Ли, – добавила она.

– Ооо, – протянул тот. – Да передо мной самые мрачные авторы сайта! А мы с ребятами все гадали: виртуальная ли вы пара или в жизни так же.

– Мы находимся в двух измерениях одновременно, – начал рассказывать Олег, направляясь к бару и, опередив заказавшего виски критика, произнес:

– Два Махито.

Вскоре приятная смесь мяты и рома оросила горло Диметры, внимательно слушающей Олега.

– Это у многих с портала интернет, напускная виртуальность, а мы с женой родом из 684.

– Да уж, – добавила она, сделав очередной глоток.

– Ах, 684. Так вы наверное были участниками Парнаса, Литературы? – поддерживал разговор критик.

– И это было, – с грустью в глазах ответил Олег, засучил рукава черной рубашки, которые он никогда не застегивал, что обнажило шрамы на запястьях, потянул еще чуть коктейля из соломинки. – Неплохие у Вас знания чатовской истории. А помните наш Нейтрино?

– Ну как же не помнить, у вас там похлеще Литературы было.

– Это стоило на ДР Пушкина сознать чат, потом ради элиты каждый год разукрашивать ватман в клубе, чтобы спустя каких-то десять лет все

закончилось одной большой помойкой. – заключила Диметра допив содержимое бокала, где от коктейля остался только лед.

– Все имеет начало и конец, – задумался Олег.

За длительными рассуждениями про одну из первых развлекательных смс-услуг в сотовой сети протекал вечер, на некоторое время музыка стихала и один автор на сцене сменял другого, отчетливо, чеканя фразу за фразой читая стихи и прозу Пожилой литературный критик на редкость хорошо знал чатовскую историю, на данное время изжившую себя: от многогранности творческих мест остались одни воспоминания, все 684 погрязло в порно и рекламе, от былого блеска не осталось ничего.

– Верно подмечено, – согласился критик.

– Сплошное блядство, – добавил Олег.

– Да не то слово!– Увидев знакомых критик медленно качаясь направился к ним.

Вслед за ним Олег легко встал с высокого барного стула, после чего рукава вновь вернулись к его запястьям.:

– Пошли, волшебную комнату поищем, а то ссать охота – сил нет, – предложил он.

Кивнув Диметра пошла за ним, ощущая легкую расслабленность от гуляющего по крови рома, перекрывающего и действие препаратов, и гормонов, постепенно выводя из организма и то, и другое, и даже больше – алкоголь можно считать своеобразным антидотом и к волшебным каплям (алкогольное опьянение способно мгновенно перекрывать химическое), и к гормонам (за каких-то часов 10 алкоголь вымывает больше количество принятых гормонов, даже голос возвращая на прежний тембр).

Время текло по иному и после клуба часы показывали половину четвертого утра, что было удивительным временем пустых улиц, сравнительной тишины. Сев на остановке Олег закурил, внимательно посмотрел на Диметру.

– Моя ты милая, – сладким возбужденным тоном протянул Олег.

– А ты – мой, – чувствуя легкое возбуждения ответила она.

Затянувшись очередной раз, не сильно, впустив в себя мало-мало дыма он откинул голову на стекло остановки и всмотрелся в искаженное фонарями небо. О, сколько звезд скрывает весь этот бесполезный свет и сколько птиц – жертв бесполезного электричества – сбилось с тысячелетиями освещенных звездами путей, погибло, цепью событий будто отражаясь в его полных тоски глазах.

– Вылижи мне кеды.

– Прямо здесь?

– А что, тебя напрягает плавно приближающееся к пяти часам утра время?

– Вовсе нет, – и Диметра присела перед ним на корточки.

– Ты плохая девочка! – воскликнул он. – Ты не заправила постель, не вынесла мусор. Папочка тобой очень не доволен. Сейчас ты будешь наказана – лижи!

От его тела исходил жар, прикоснуться языком к его кедам практически доводило до иступления, трудно тогда было не кончить... Сантиметр за сантиметром он вылизывала, старательно и быстро, временами замедляя ритм и в столь не сравнимой ни с чем атмосфере абсолютного взаимопонимания прошел еще один час, ознаменовавший возобновление работы метро. Утро, там, на Юго-Западе стоял все тот же музыкант и они сначала не поняли, что это была мелодия, лишь спустя несколько минут Диметра догадалась первой – это был Born Slippy, пожалуй, впервые кем играемый на электрогитаре.

– Какая музыка, да? – Спросил Олег, став рядом с ней возле подземного перехода и закурив. Он не любил электронной музыки, отдавая предпочтение и исполняя преимущественно рок он считал электронику нечто не живым, искусственным, даже не музыкой вовсе, однако уважал творчество Underworld: его умопомрачительные тексты и гипнотический вокал Карла Хайда вряд ли кого мог оставить равнодушными, а Диметра впервые услышал в году девяносто пятом их Born Slippy до сих пор оставалась поклонницей, раз за разом чувствуя мурашки по спине от слушания в плеере и не мудрено, что при очередном аккорде слова вспомнились сами собой и она начала сначала шептать, а потом и петь.

Зная множество англоязычных текстов трудно себе представить нечто более гениальное, нечто более законченное логически. Проходившая мимо девушка бросила несколько монеток музыканту, после чего насыпала примерно столько же и ей, на что Диметра возмутилась.

– Нет, спасибо, мы с мужем достаточно зарабатываем, – и вернула мелочь ей.

Скрывшись в густо взросшем деревьями дворе он и она закапали остаток волшебных капель. Олег взял ее за руку и под действием препарата, нет-нет, было вовсе не страшно потеряться, пойти по совершенно не той дороге, нет. Самый давящий страх потери в жизни – это страх потерять себя.

Не проси

Яркий свет проникал сквозь шторы, озаряя комнату, от потолка до самых потаенных участков комнаты. Причудливый рисунок штор своей тюлевой гибкостью проецировался на противоположную окну стену, константно и неподвижно рождая витиеватый рисунок.

– Вставай, а то проспичь все самое интересное! – Бодрый голос Олега, одетого в желтую майку и широкие, монотонно синие трусы, прозвучал подобно глотку свежего воздуха, грубый, хриповатый, невозмутимый – это лучшее, что можно услышать утром.

– А сколько времени? – вяло спросила Диметра, натягивая на себя одеяло.

– Половина первого, дорогая.

– Да? Вот это а я поспала.

Да я сам только час назад встал, сварил нам кофе, сделал бутерброды с паштетом и сыром.

– Как здорово, – протяжно восхитилась Диметра, стащила с себя одеяло и, будучи в одних лишь белых облегающих трусах, встала и направилась на кухню.

– Ладненько, Ди, ты позавтракай пока, а я в аптеку, – сообщил Олег, одевая цветастые бермуды.

Диметра, отреагировав на это, смотрела полным неведанной грусти тяжелом взглядом.

– Ты что? – неожиданно возмутился он и не дожидаясь ответа Диметры продолжил засыпать вопросами. – Думаешь, я ничего не замечаю, да? Ты каждый раз смотришь мне вслед так, будто видимся последний раз, будто навсегда уйду. Что с тобой, а?!

– Любимый мой, если бы ты знал, постиг длину этих секунд, этих мучительно долгих секунд, протяжным эхом распада души на мельчайшие атомы рвущих душу, рвущих твоим отсутствием душу...

– Ну–ну–ну, – приблизился он к Диметре, чувственно, как умеет только Олег, прижав ее к себе и ощущая слезы. – Я же в аптеку, зай. Ну хочешь, не пойду, тогда коротать нам время без волшебных капелек.

– Нет, – продолжала рыдать она. – Ты вовсе не за в аптеку..

– Тихо, солнышко, тихо. Я скоро вернусь. Карманы, полные перспективы разноцветных картинок к твоим ногам опустошу. Все для тебя. Самое дорогое, ведущее от дна клоаки адовой до небес седьмого

эшелона – все тебе до последнего кубика.

– Но уходя не оставляешь напоследок и тени, – возразила она, оценивая образовавшееся после разомкнутых объятий расстояние.

– Уходя я оставляю большее – себя. – Олег вышел, закрыв на ключ за собой входную дверь.

Нахлынувшей тишины непроницаемый полог вакуумно упаковал неподвижно сидящую за столом Диметру, с кружкой полуостывшего кофе прогуливавшуюся по квартире, полностью погруженную в мысли, мысли о его правоте. Он и правда оставлял себя, оставлял независимо от того, отлучался ли в находящуюся через дорогу аптеку или уходил на работу. Олег обладал поразительнейшим свойством оставаться надолго после, оставаться на уровне ощущения изучающего взгляда на себе, когда его на самом деле нет; ощущения тепла тела, когда его на самом деле нет; ощущения будто он ни на миг не упускал из вида, не разжимал объятий, будучи впереди и позади, над головой и под ногами, по бокам, он был всегда, он был везде.

Звон ключей вскрыл упаковку, тем самым вырвав Диметру из нескончаемого потока мыслей и напомнив о сжатой в руке кружке.

– А вот и я, – озорным голосом сообщил Олег, тотчас спуская бермуды по тонким как змеи ногам. – Ну и жарница там, взмок весь. Ты поела?

Отблески пота подобно золотой оправе кольца с бриллиантом обрамляли контуры его скелета: давая основу ветвям ребер давая основу ветвям ребер ствол позвоночника величаво произрастал под кожей, кости таза, корневища ног.

– Нет, ждала тебя.

– Ты моя сладкая виноградинка. – Олег, оставшись в трусах, подошел сзади и чмокнул в затылок.

– Ах ты, сочный персик!

– Спелая помидорка.

– Свежий огурчик!

– Я–то свежий, а как телефонные девки?

– При чем здесь они? – не поняла она.

– А при том, что прежде чем предъявлять претензии посмотри сначала на себя, – довольно жестко ответил Олег.

– А что смотреть?! Уходишь и не знаю куда.

– А ты звонишь всяким проституткам.

– Это развлечение, я же говорила.

– А, теперь это так называется? Ты хоть поподробнее рассказала, о чем вы там говорите, может мне тоже интересно будет, – его жесткий

издевательский тон только набирал обороты, на что Диметра ответила уравновешенным голосом:

– Сто раз уже рассказывала. Главное, принять препарат, потом набрать первый всплывший в голове номер и...

– И ответит девка с экзотическим, как ты говорила, именем?

– Да. Первое – это определиться до разговора с тем, какого пола человеком себя ит.

– Ну и кто ты там, Дима? Очаровательная девушка? Потный самец?

– Всегда называюсь Сережей. За несколько звонков там легко примелькаться, начинают узнавать, поражает другое – профессионализм. Позвонила как-то, ответила назвавшая себя Камиллой девушка, а я спросила, можно ли Зосю? На это она ответила, что Зося разговаривает с другим человеком, сделала вид, будто та сидит рядом, добавив: «да это Сережка звонит» будто она меня помнит. Вот это ход, да?

– Да ну.. А меня поражает совсем другое. Мы пара, у нас не может быть закрытых тем для разговоров, а ты болтаешь с абсолютно посторонними людьми. О чем? Может, тебя на девок тянет? Могу напаялить на себя что-нибудь женское, мне не сложно. Или какие у вас темы? Садо-мазо? Инцест? Фистинг?

– Обычно мы говорим на «мокрые» и, как уже рассказывала, инцестуозные. Иногда представляюсь фотографом, часами снимающим слившихся в поцелуе девушек. Порой обламывают, начинает подвергать тестированию, задавая наводящие вопросы о семье, отношениях.

– Брось ты это. Уж кто-кто, а я именно тот человек, с кем можно говорить обо всем. Кем мне для тебя побыть? Моделью? Братиком? Сестренкой?

– Братом, – ответила Диметра приблизившись к нему.

Ментолово-никотиновый привкус его губ заводил, бросая в жар, некоординированные движения языка позволяли слиться в одно целое: он в ней, она в нем – слияние добра и зла, белого и черного поцелуем напоминало древний символ. Она и не заметила, как стала

– Как ты меня хочешь... – Олег не сводил глаз с ее возбуждения и прикоснулся.

Нет, он повел ее классически, сжал ее руку в своей и повел ее классически, сжал ее руку в своей и повел, сжимая пузырек в другой. Отблески света в ванной отражались на ее зеркально гладкой эмали, холод который на первый взгляд столь не дружелюбно принимал в свое чистое белое лоно и вскоре оно сравнялось с теплотой тела Диметры, ровно и гостеприимно. Олег занял по противоположную сторону ванной, снова

подтвердив свой удивительнейший дар угадывать абсолютно все, даже самые потаенные, самые скрытые, самые сокровенные желания Диметры.

– Пописай мне в рот, любимая, – страстно и вожденно попросил он.

Нет, не–е–ет, он не мог быть настолько телепатом, не мог настолько знать ее, чувствовать. В какой–то момент Диметра подумала: а не послышалось ли ей это – то, чего она так долго ждала, не решаясь попросить.

– Что?

– Да–да, Дима, ты не ослышалась, встань и отлей мне в рот, после чего я тебе.

Встав и задержав дыхания для того, чтобы пропало возбуждение, Диметра приблизилась к нему.

Она сделала тогда четыре глубоких вдоха для более длительной задержки дыхания и когда сил больше не осталось, помутнело в глазах, побежали белые вспышки, она, наконец, выдохнула. С выдохом возбуждение полностью пропало. Инстинктивно открытый рот Олега всей своей начавшей высыхать слизистой оболочкой, сохнувшим языком – всем своим нутром ждал благостной влаги диуреза. Сначала Диметра сдерживала себя, выдавая лишь небольшие струйки, маленькими порциями, а спустя минуту писала в рот Олега постоянной струей. О, как же ей хотелось в тот момент находиться вне тела, стоять сбоку, смотреть, наблюдать как он учащенным глотательным рефлексом пьет ее, как моча перед глотанием пузырится, слегка пенясь в его благодарном рту, как моча, увлажняя его рот, язык, небо, десна, продолжая путь в пищевод, пищевод уставшего от жажды путника, вдруг набредшего на потаенный оазис в безжизненной пустыне обыденности бытия.

– Это было великолепно, Диметрочка, – поблагодарил он, проглотив все до последней капли и облизав губы. – Сейчас пойду запью Фурасемид кофе, а ты готовься, пофантазируй. Пусть гипоксия пройдет, дух возбуждения вернется в тело.

– Спасибо, любимый! Это было поистине неожиданным, потрясающим сюрпризом. Ты позволил сделать это... Спасибо. – Диметра обняла его, еще влажного от мочи. – Дух меня и правда, покинул.

– Дух есть полипняк образов, – процитировал он вдруг Ипполита Тэна. – Всего лишь, я бы сказал, гроздь переменчивых образов.

– Для духа никакой объект, никакой предмет не противостоит, и нет вопроса о критерии, всегда обусловленного внеположностью, – бердяевским утверждением ответила она.

– Так и есть. В представляющем собой рандомную структуру духе ни

один элемент своеобразного, специфического паззла не противостоит друг другу, дух вариабелен по строению, но константен по направленности.

Закончив эту фразу Олег постелил на пол белое вафельное полотенце для рук, встал мокрыми от мочи ногами (о, как же хотелось Диметре в от момент прикоснуться к полотенцу лицом после), открыл дверь ванной, удалился за кружкой кофе с диуретиком, на некоторое время оставив Диметру одну. Она сидела в ванной, обхватив колени и спрятав в них лицо, закрыла глаза и представляла настойчиво тонкую струю Олега, медленно возбуждаясь.

– А вот и я!!! – сообщил Олег, сев напротив нее в ожидании действия препарата. – Так что ты говорила о духе? Мы можем хоть всю ночь трепаться, завтра ж выходные.

– Вот длились бы они вечно. Я бы хранила домашний очаг, а ты бы создавал безопасность.

– Сегодня, наоборот, хранить домашний очаг мне пришлось.

– В смысле?

– Да маман твоя звонила, хотела к нам приехать. Сказал, мы к моей предке поехали, вернемся в воскресенье ночью только. Хорошо, они ненавидят друг друга и не общаются, проверять не будут.

– Вот это да! Ты устранишь все, что может помешать побыть вместе, а ведь это должна делать я.

– Дело вовсе не в тебе, Дима. На то есть более глубокие причины.

– Какие, Олег? В итоге заварить за собой дверь?

– Думаешь, я позволю этой гребаной жизни превратить меня в никому не нужного дряхлого сморщенного старика? Нет! Почувствовав прелюдию к угасанию, я обойду все аптеки, выкину телефоны и модем, зайду, запру за собой дверь и смою в унитаз ключи. На какое-то время мы умрем для всех, нас будут искать родные, друзья, с работы, а мы просто замуруем в нашей квартире и проживем недельку-другую так, как хотим, как этого заслужили. Между немощной жизнью и навязанной смертью от старости я выбираю передоз. А ты? Ты пойдешь со мной?

– Да. Буду твоей спутницей куда бы ты не отправился, даже за грань жизни. А там, после тьмы и света, за последней дверью, наконец-то сольемся духом: ты станешь мной, а я – тобой, в итоге чего создастся единое целое, квинтэссенция нас.

– Угу. Бердяев, Тэн, Спиноза, Мень, другие мировые гиганты мысли – все они писали об одном и том же: о том, что, не смотря на фатум тело тленно, дух же неополим. Как же я с ними солидарен, а почитай какой бред собачий происходит в современной философии, сейчас.

– Читала–читала.

Бред да и только. Ой... – Поняв позу на более углубленную посадку он обнаружил, что сел на что-то, приподнялся и достал желтый пузырек. – Ха! Забыл совсем. Смотри, что у меня есть. Пятьсот рублей почти что содрали, сволочи блядские, провизоры позорные.

— Я и за косарь бы взяла.

– Инфляция. Раньше ведь сорокет стоили. Держи, ты первая.

– Сколько пены, – возмутилась она, прокрутив колпачок против часовой стрелки для образования в пузырьке отверстия и надавив для спуска пены с имеющего обыкновение менять структуру в тепле однопроцентного раствора.

Выдавлив в одну ноздрю половину содержимого Диметра отдала пузырек Олегу, который выкапал так же в одну ноздрю, по традиции в правую, остальное, все до последней капли.

– Охуеет, – протянул Олег. – Как накрыло...

– Как прекрасно, – восхитилась сидящая на противоположной стороне ванной Диметра и провела по коленям обожаемого Олега пальцами. – Ты действительно возьмешь меня в последнее путешествие? Не закроешь за собой дверь, оставив одинокой собакой лежать и скулить на коврике?

– Я же сказал – значит возьму, – утвердительно ответил он. Не веришь?

– Знаешь, какого героя мне напоминаешь? Ихтиандра, которого чрезмерно долго продержали в воде, в запертой решеткой бочке. Подумать только... Что все эти люди с тобой сделали, души природно чистое озеро комбинатами ненависти и неверия загрязнили, – начал Олег, укрытый медовым пледом действия препарата. – Ты, как впрочем, и я, попадала в истории; вот при этом никогда не задумывалась, по какой причине выходишь сухой из воды? Держу пари, что нет. А я задумывался. Раз за разом

Размыкая бесконечность кругов ада, земного ада, я терялся в догадках, не понимал зачем меня эти пресловутые Высшие Силы на земле оставляют. Брошенный очередной прошмандовкой я шел, теряя счет железным банкам выпитых на ходу коктейлей, шел и даже не понял поначалу: парень ли ты, девушка. Никогда не видел человека молодого с ТАКИМ взглядом, мертвым как у девяностолетнего старика, живого трупа. И осознал тогда предназначение, предназначение вдохнуть в тебя жизнь, пройти с тобой до конца, провести за все двери, шагнуть с тобой за порог, заперев и выбросив ключи от последней.

– Это был ни чем не примечательный вечер. Никому не нужная я после работы садилась в метро, каждый день приезжая на одно и то же место – площадку с палатками и бомжами возле станции Юго–Западная, приезжала пить и слушать. И вдруг не поверила своим глазам, перед ними предстало воплощение удивительнейшего чуда. Всю сознательную жизнь рисовала твой образ. Тело хотело тебя всю жизнь, дух же искал?

– Ну а все–таки, что же, по–твоему, дух, душа?

– Творчество и только творчество.

– То есть душа есть ее мирские деяния?

– Без проекции нет проектора, иначе как узнать о наличии проектора, не наблюдая прямой результат его работы – проекцию. Творчество есть прямая проекция души, геометрический вальс стробоскопической лампы. – Диметра почувствовала руку, долгожданное прикосновение к своим гениталиям.

– Умные вещи говоришь. Никогда не подозревал творчество продолжением души. По–твоему получается, у не творческих людей нет души?

– Когда творческие задачи не ставятся, тогда обозначается духовный упадок, иссякание и угашение духа, – снова бердяевской строчкой ответила Диметра.

– Пойду еще кофе притащу.

– Вернешься?

– Нет, выебу чашку вместо тебя, – рассмеялся в ответ он. – Не знал, что дурь способна приводить к приступам ревности! Диметра, не строй из себя белую и пушистую, а у самой наверняка рыльце в пушку. Ревнуют–то ведь только способные на измену люди. У тебя есть тайная, скрытая от меня жизнь? Сейчас ты мне все расскажешь, хорошо? В замен я открою, пожалуй, последнюю дверь из темных комнат.

– Олег... – Диметра покраснела и опустила глаза.

– Поласкай пока, но, смотри, не доводи дело до конца и не закрывай глаза. – Ты, главное, скажи, со мной было интереснее, чем по телефону?

– Во сто крат прекраснее.

Ласка обладала необычайным свойством превращать ее прикосновения в его, в прикосновения любимого. Вопреки воле Олега она закрыла глаза, став им: кончики пальцев, нервные окончания на их подушечках, ногти, фаланги, ладонь, кисть – это словно стало Олеговым, будто в тот момент он ее трогал, настойчиво и нежно лаская пульсирующую возбужденность. Во тьме закрытых глаз ее проносились моря и океаны, загадочные пещеры и таинственные подвалы, яркие своды и

затемненные эркеры, полет во сне и наяву возносил до вершин блаженства и спускал на плотскую землю. В пучине ее закрытых глаз любимый слился в танце страсти диком–диком, слился воедино, на глади морской и непроглядных глубинах доводя ее почти до апогея. Нет, она не должна доводить дело до конца! Она и так нарушила строгий указ не закрывать глаза! Она обожала подчиняться! Она никогда не шла против воли диктатора! Особенно, когда долгожданная рука проникла сквозь ее пальцы!!!

– Убери руку, твой братик сам это сделает, – начал игру Олег, имевший обыкновение бесшумно возвращаться в ванную.

– Да? Я твоя сестра?

– Да. Моя родная кровь, – с возбужденным оттягом ответил он.

– Мы выросли вдвоем и, впервые возбуждившись, сняли друг с друга девствеическунность. – Диметра смотрела всем широчайшим мидриазом в его глаза.

– Угу. С первого поцелуя в детстве мы отдавались страсти, отдаваясь друг другу. – Голос Олега принимал все более возбужденный эротический тон. – Отдавались друг другу и боялись беременности, осуждения родителей...

Гладкость, белая гладкость ванной радовала пальцы, нельзя не восхитится ее идеальностью – стандартная белая как молоко ванная. Все великолепие отношений в паре заключается в максимально возможном взаимопонимании, выражающимся в наиболее истинном его проявлении, проявлении абсолютного доверия друг к другу, абсолютной любви друг к другу, абсолютного желания дать лучшее другу, абсолютной всепоглощающей склонности отдать все самое дорогое друг другу, отдать самое ценное, личное, интимное из всего, что только может быть – свою мочу. Совершая мочеиспускание друг на друга любящие, нет, не унижают друга, не велят опуститься ниже плинтуса, разве что в качестве прелюдия к еще более захватывающему обмену ценностями – мастурбации; нет, совершая, пожалуй самый интимный обмен жидкостями перорально, каждая половинка из пары отдает не просто скопившееся содержимое мочевого пузыря, не страдает его нейрогенной слабостью, нет; расслабляя мышцы, слыша струящуюся музыку, наблюдая за током каждый в паре отдает частичку себя, и не просто малую доли присутствия как это происходит при общении, при поцелуях, при доводимых до коитального завершения ласках, а именно отдает СЕБЯ, отдает целиком и полностью, нет, это оговорка, вовсе не частичку, а свое целое, утекающий по прерывистой струе внутренний мир, творческий, биоэнергетический

потенциал, свое Я, свое сверх-Я, базовые стремления, базис идей. Одни исключительно выдают, другие же исключительно принимают сию манну мочевиновую, восторженно радуясь лишь половине целого. Любовь не может быть мононаправленной – она дуальна; любовь не может быть следствием – она первопричина; и истинное ее проявление познается исключительно только лишь всегда в дуализме – это как и наслаждение прелестью испытать возделенную влагу любимого человека, так и отдать ее, опять же, любимому человеку, отдать себя до последней капли мочи, отдать, приняв и принимать отдавая. Не имеет значения, вызвано ли мочеиспускание естественным позывом или же куда более целенаправленное – вызвано приемом тиазидных и других видов диуретиков. Вкус ее может меняться, быть разным, но смысл один и тот же – подарить человеку истинное богатство и принять ценнейший подарок от него; при этом деньги, свобода, власть, жизнь, раскрытие творческих способностей, дружба, действие, положение мира в себе и себя в мире, образование, продвижение по службе, необходимость в питании, необходимость в безопасности, извечный поиск смысла ничто по сравнению с тем, что дороже денег, незабываемое свободы, слаще власти, наполненное жизни, важнее раскрытия творческих способностей, искреннее дружбы, мотивированное действия, осознанное положения мира в себе и себя в мире, полноценное образования, необходимее продвижения по службе, необходимее питания, необходимее безопасности; прием и отдача и есть деньги, прием и отдача и есть свобода, прием и отдача и есть власть, прием и отдача и есть жизнь, прием и отдача и есть раскрытие творческих способностей, прием и отдача и есть дружба, прием и отдача и есть действие, прием и отдача и есть положение мира в себе и себя в мире, прием и отдача и есть образование, прием и отдача и есть продвижение по службе, прием и отдача и есть питание, прием и отдача и есть безопасность. Единственная вразумительная ценность, единственное благо, венец эволюции человечества, высшее проявление интеллекта, эталон любви друг к другу, апогей доверия.

Диметра смотрела на Олега, не отводя взгляда, смотрела на ласкающие ее руки, легкое движение – и меж ее ног осталась лишь одна рука, второй он ласкал себя. Глаза ее снова закрылись, случайная череда ярких картиночек и размытых образом терялась в огромном галлюцинаторном калейдоскопе, поток которого прервал едва уловимы стон Олега, довершившего сие завораживающее действие до конца, Диметра отстала буквально на несколько минут и вскоре долгожданная влага покрыла умелую руку Олега. После этого он с эйфорическим выражением лица

запрокинул остановленную стеной голову назад, открыл глаза и выдохнул, расплывшись в неподражаемой улыбке, сохранившейся, когда он потянулся за стоящей в раковине кружкой остывшего кофе, потянулся не вытирая и не моя руки.

– На, выпей и мне оставь. Два пузырька вылил.

– Милый, кофе с каплями?

– Хорошо я придумал, да?

– Гениально.

– А теперь рассказывай, – взял из рук Диметры кружку он.

– Есть кое-что.. Думала, вряд ли когда об этом расскажу.

– Между нами не должно быть секретов.

– Я иногда встречаюсь с моделями, выдавая себя за фотографа, – запинаясь и стесняясь говорить начала Диметра.

– Для чего? – с невозмутимым любопытством спросил Олег.

– Я ищу относительно красивых девушек, обещая фотосессию. На самом деле это только предлог, цель вовсе иная – пойти с ней в магазин под предлогом померить джинсы, бриджи или джинсовые шорты для подборки образа. Они, как правило, соглашаются, охотно со мной идут и тут наступает самое интересное. Последний раз мне на глаза попалось портфолио девушку, имя ее Татьяна Аксенова, учится она на факультете информационных технологий, владеет дзюдо и обладает красивым лицом, красивой фигурой, живет на Ленинском проспекте. Мы встретились в торговом центре Орджоникидзе, там же мы выбрали пару джинсовых бридж, там же она их померила. Я отдала деньги и забрала их, пообещал дорогую фотосессию. В итоге ласкала себя в ближайшем туалете на них. После всегда выбрасываю. – Договорив Диметра боялась ответной реакции.

– Детские забавы, моя дорогая, – успокоил он, опустошив чашку и ощутив новую волну действия препарата.

– Твоя очередь.

– Есть одно местечко, находящееся в Солнцево, часто там бываю. Там можно позволить быть собой, именно СОБОЙ, грани дозволенного нет, все ограничивается только богатством фантазии и наличием денег: огромные стенды украшают подвал, где возможно все, тебя и за ноги вниз головой подвешат или подвесишь сам, и высекут или т старика, есть любые возраста, любой пол, любая ориентация и все это работает под вывеской сауны и салона красоты «Рецитал». Я не рассказывал, не знал, какотреагируешь на это, многое другое, но бывая там всегда мечтал придти с тобой, показать можно приблизиться к мечте, осуществить абсолютно все

фантазии.

– Ты боялся осуждения?

– Да, боялся. Я там работал, Дим.

– Работал? – Удивление, растерянность скрыть было невозможно.

– Не смотри на меня так, я людей лечил и зарабатывал сколько, что в будущем маячила перспектива собственную клинику нейрохирургии открыть.

– А почему тогда ушел оттуда?

– Ты действительно хочешь это услышать?

– Да. Да!

– «Рецитал» был и есть отдушина для высших эшелонов власти, действующие депутаты, министры и те, кто действительно стоит у руля страны частенько туда заходили. Был один клиент... Он всегда выбирал лучших мальчиков, не зная конечно, что ночь с ним абсолютно всегда заканчивалась летально. Меня как всегда пригласили констатировать смерть. Ребенок был жив, умирал от потери крови, из его бока торчал кусочек печени, а тело было изрезано до неузнаваемости – он раз за разом развлекался, применяя к ним огромный зубчатый кухонный нож, получая удовольствие при виде окровавленной жертвы. Спасать нам не разрешали, лишь констатация смерти и криминальный труп увозили сжигать в лес. Я не сдержался, не смог спокойно смотреть на это. Не для того клятву Гиппократу давал. Тот мудака вернулся с пистолетом добить мальчика. Увидев меня – человека в белом халате – он бросил пистолет, взял нож и начал кромсать все на мне одетое, охрана стояла и смотрела. Если бы хозяйка не вмешалась, не крикнула: «прекратите, это же наш врач», то мы вряд ли бы сейчас сидели с тобой в ванной, лаская друг друга.

Диметра сжала трясущиеся руки Олега, готового проронить предательски подступившие слезы.

– Тихо, любимый, тихо...

– Позже, – более спокойным голосом заканчивал увлекательный рассказ о прошлом он. – Я ушел, устроился скромным хирургом в обычную поликлинику. Страхи не давали покоя, больше твоего стонал, дергался по ночам, часто просыпался.

– Я дергаюсь по ночам? Вот уж чего не знала, – прервала она.

– Конечно не знала. Всю жизнь до меня с подушкой в обнимку проспала, откуда ж знать, немного жестоко заметил Олег.

– Да, все так. Плакала в подушку, ждала Принца, – загрустила Диметра. – Только не понимаю, зачем ты стал туда приходить.

– Чтобы побороть страх ему надо в лицо посмотреть. Вот я и

превратился в клиента Рецитала. Как ни странно страхи прошли, пускают туда на шару, мои бывшие пациентки обалденное действо устраивают: пишут друг на друга прямо передо мной и я бы хотел отвести тебя туда, показать насколько может быть безгранична фантазия.. На самом деле я более глубоко откровения ожидал, рассказа о твоих страхах. А ты взяла да увильнула. Чего ты так боишься, Диметра?

– Ничего я не боюсь, – солгала она. – Раз хочешь показать, так отведи меня туда.

– Врете вы, девушка, врете, – покачал головой он.– Не разобравшись в трансцендентальной функции замутировать страхи сильнее объективной реальности рискуешь.

– Трансцендентальная функция? – Диметра вспомнила строчку из Синхронии Юнга. – Она возникает из соединения содержимого бессознательного с содержимым сознания. Страх может перекрыть личность только у психически нездорово индивида.

– Молодец. Смысл акаузального объединяющего принципа помнишь?

– Помню–помню, – призадумалась Диметра.

– А из этого же труда историю про рыбу?

– Да.

– Так вот. Страха не существует – существуют лишь совпадения, символы совпадающие со внутренней боязнью, маркеры способные вызвать страх, совпадая с ним по содержанию. Лучший способ побороть их – это заглянуть им в глаза, снести маркеры, поднять якоря и отчалить.

– Я не... – Не договорив фразу Диметра закрыла глаза.

– У–у–у–у–у, спишь уже. Пойдем, ляжешь на диванчик, – поднял ее за руку Олег, повел в комнату, продолжая говорить тоном родителя по отношению к своему ребенку. – Пойдем, пойдем, не зануляться же в ванной!

Сев на диван он аккуратно положил Диметру, головой на свои колени. Поглаживая ее по голове, нежно перебирая волосы тем же тоном продолжил:

– Диметрочка моя маленькая, деточка... – Олег глубже утонул в мягкости дивана, откинул голову на спинку, задремал.

День, прекрасный летний теплый день близился к логическому завершению. Царствующее солнце потихоньку отдавало бразды правления, световая сила сползала с исписанных стихами и утверждениями стен, видимая пыль на окнах утопала в пелене сумерек, главенствующая тишина пересекалась со звуком проезжающих автомобилей, людских голосов, признаков движения этажами выше. Первой очнулась Диметра, огляделась, пошевелила рукой, сжатой Олегом, от чего он и сам проснулся.

– Добрый вечер, дорогой.
– Добро пожаловать обратно, сладкая моя.
– Сколько сейчас времени?
– Без пятнадцати семь, – посмотрел на часы он.
– Вот это я отрубилась.
– Да и я тоже. Ты, главное, еще хочешь в Рецитал со мной сгонять, м?
– Не то слово! Мне интересно все, связанное с тобой, твоим прошлым, настоящим, будущим.

- Ты норме?
- Абсолютно.
- Одевайся, поедem.

Семьсот двадцатый автобус, идущий в Солнцево, пришел довольно быстро, совершенно пустой. Став его единственными пассажирами Олег и Диметра заняли места в середина салона, где он любезно уступил место у окна, сев, достав из кармана песочного цвета брюк маленький МРЗ–плеер, правый наушник дав Диметре, левый одев сам и начал рыться в папках. Он выбрал папку «Танцы на воле», альбом «Экстаз», в котором нашел трек «Девочка и стул».

– Сейчас такое поставлю. Офонареешь!
– Красиво, дорогой.
– Ты раньше Танцы на воле не слышала?
– Эту песню нет. Бетонное беково, Пластик, но это было давно.
– Ага. Пластик – там гениальный текст вообще. И как они широко известными не стали?! Так, играли на разогреве Дешей, синти–поп–вечеринках, позже в собственное звучание оформились, сочетая такие направления как синти–поп, EBM, dark–electro.

- Гениальность и проявляется в умении сочетать не сочетаемое.

Тем временем автобус проезжал одну остановку за другой, проехал Мосмарт, автобусный парк, объявил улицу Пятьдесят лет октября, потом школу, второй микрорайон Солнцево показался заметным торговым центром, где они и вышли: первым Олег, Диметра за ним.

Множество машин проезжали сквозь пешеходную зебру, не давая перейти через не оснащенную светофором дорогу: легковые, грузовые, пассажирские автобусы и маршрутные такси. Олег Ковалев остановился, внимательно наблюдая за плавно идущей к пешеходному переходу Диметрой, отрешенно, отсутствующе приближающейся неземной походкой к «зебре».

– И как тебе это удастся?.. – Пытался разобраться он, незаметно нагнав.

– Удастся что? – не поняла она.

– Одновременно и быть, и отсутствовать. Толпа, куда-то спешащие прохожие, а ты... Ты словно плывешь, словно не среди них, не с ними. Научи меня.

– Хм, – ее глаза приняли удивленный вид при ускальзывании от ответа. – Не думала, что ты нуждаешься в обучении, в чем либо.

– Не увиливай от ответа, Ди. Я всего лишь на восемь лет старше и потом.. Отношения – бесконечное обучение друг друга. Помнишь, я о первой любви рассказывал?

– Твой первый любимый, которого нашел мертвым с пеной у рта?

– Да. И с огромными вытянутыми зрачками, как у кота. – Его лицо изменилось на тяжело грустное.

Мало кому, возможно лишь ему была ведома вся полнота грусти, тоски, нападающей при воспоминаниях той давно минувшей давности: первый в жизни любимый человек, найденный мертвым. Отбросив тягостный полог воспоминаний Олег продолжил:

– Он научил меня Любить и замечать Прекрасное, а ты научи отсутствовать.

– Этому ты научил, – непосредственно ответила она.

– Я? Когда?!

– Помнишь разговор о просветлении?

Диметра имела в виду один из состоявшихся при посиделках в ванной разговор, в котором была поднята тема о защите.

«Я же не Брюс Ли, не всегда смогу тебя защитить. Будь просветленной – никто не тронет», – вспомнились тогдашние слова.

– А, ты про это.

– Да. Однажды спускаясь по лестнице осознала смысл просветления.

– Осознать не значит просветлеть.

– Просветлеть – это означает не быть будучи; физическим естеством, телесной самостью находясь в тисках обыкновенно объективного мира внутренне не находиться нигде.

– Нигде? – переспросил он.

– Отбросить все мысли, все связующие с объективным миром мысли, впадая в состояние по way – состояние не действия. В нем реально лишь физическое тело, слабо подконтрольное мозгу, психика же отключена, тебя всего–навсего нет.

Наконец поток снизился, Олег крепко взял Диметру за руку и резко повел за собой на зеленый сигнал светофора.

– Так, значит все отбросить? Пошли.

Среди толпы прохожих: одних озадаченно идущих, периодически наблюдая за происходящих, оживленно разговаривающих – других, = Олег и Диметра шли с отсутствующими лицами, словно не существует их, не существует окружающего осознаваемого мира, множества гипотетически существующих миров так же нет.

Медленным шагом они оказались по ту сторону Волынской улицы.

– Вот это да. Идешь, а тебя нет.

– И никто не тронет. Разве можно тронуть человека, которого нет?

– Спасибо тебе, – прошептал он на ухо, обняв. – Теперь умею не быть.

Я по way.

Вывеска неприметного здания гласила «Салон красоты Рецитал».

Теплота древесной отделки стен в темно-коричневых тонах, того же тона кожаные диваны, рамы, потолки, ресепшн создавали дружелюбную атмосферу, желание остаться как можно дольше. Грузный маскулинный охранник явно удивился Олегу, остолбенев вскрикнул:

– Ковалева? Ты?! Вот уж кого не ожидал увидеть.

– Неожиданнее всего случаются самые непредсказуемые встречи, – невозмутимо ответил Олег, проведя Диметру за руку в глубь помещения.

– Знакомся, Сереж, это Диметра – пожалуй, лучшее событие в жизни за последние десять лет. Времена идут, люди не меняются.

– Как видишь, – доброжелательно ответил охранник, обняв его.

– Чего не ожидал, того не ожидал. Вы проходите. – Он обратился к обоим, избегая телесного контакта с Диметрой.

– Вера Сергеевна у себя? – Поинтересовался Олег.

– Да, конечно.

Утратив на некоторое время его руку, она изучала интерьер с потерянным видом героя Побега из Шоушенка, заторможено прохаживалась вокруг и теряясь в незнакомой обстановке.

– Потом все посмотришь, пошли! – Ее рука снова оказалась в его руке.

Альтернатива прозрачному лифту – с широкими ступенями и сверкающе стальными перилами лестница – неумолимо уводила вверх, едва успевая, быстрыми шагами, обрывочными образами запечатлеваясь в кратковременной памяти бледно-голубой отделкой стен, бросающейся в глаза множеством картин: репродукций, работ неизвестных авторов, пейзажно панорамных фотографий. Потере счета этажам наконец-то пришел конец, дубовые двери длинного коридора страшили строгостью, смягчающие обстановку искусственные пальмы в высоких белых разлапистых вазонах, заканчивающимися внушительного размера витражами. Последняя дверь налево, как и остальные, была выполнена из

дуба, чья массивность внушала древесной толщей, за которой располагался просторный кабинет с выходящим на восток окном, замыкающим в себе периметр стен, увешанных картинами, иными, чем на лестничной клетке. Слева от окна стоял стол с множеством бумаг, ноутбуком, а за ним сидела курящая сигару женщина лет пятидесяти на вид.

– Ты? – Встала она удивленно, роняя пепел мимо толстостенной хрустальной пепельницы.

– Как видите, Вера Сергеевна, – ответил он, сев на рядом стоящий напротив стола кожаный диван и усадив с собой Диметру.

– Вот это да... – Села Вера Сергеевна обратно.

– Здравствуйте, – тихо и робко поздоровалась Диметра, изучая одетую в летний сарафан женщину.

– Здравствуйте, – ответила она и обратилась к Олегу. – Ты б хоть нас познакомил..

– Это мое самое яркое за последние десять лет событие. – Олег сжал руку Диметры. – Любимая моя. Да она сама все расскажет.

– Очень любопытно. И сколько же этому «событию» лет?

– Зовут меня Диметра, тридцать восемь лет мне, работаю психологом. Мы с Олегом уж десять лет как вместе.

– Совершенно случайно встретились, – дополнил он.

– Ммм, а кто-то говорил: нормальные отношения – на одну ночь, – припомнила Вера Сергеевна. – «Постоянство – начало конца».

– Рано или поздно людям свойственна переоценка ценностей. Да что говорить.. Банально мимо пройти не мог, адресок оставил, на утро она пришла, так и дожил до сорока шести лет, – под конец фразы голос принял мечтательно-романтический тон.

– Чем это ты его заморозил так? На моей памяти адрес Ковалевой от силы человека два-три знали.

– Не обращайтесь, пожалуйста, ко мне в женском роде, – передернуло его. – И к Диме не в мужском. Ну, Вера Сергеевна, ну пожалуйста. Ну сколько можно?!

– Не пол красит человека, а человек – пол, – уравновешенно ответила женщина.

– Да я сама не знаю, – невозмутимо отвечала Диметра. – Оказывается, можно просто стоять, просто пить, курить и при этом встретить судьбу. Одной мне известно как боялась тогда, нашла дом по адресу, позвонила в дверь с уверенностью, что он прогонит, а как, оказалось, жить у него осталась.

– Да Димку вырывать из той жизни надо было, с корнями вырывать!

Она четверть века в розовых очках прожила, ни чего в жизни не видела.

– Может быть и так, – согласилась она, наблюдая за закуривающей сигариллу Верой Сергеевной. – Факт то, что мы подходим друг другу более чем идеально.

– Что верно, то верно. Мы как пароль к почте, как ключ к замку друг другу подходим, мы как Бонни и Клайд, как Мари Слип и Михаэль Драу, как Изольда и Тристан, как Нэнси и Сид,

– А сюда–то ты зачем ее привел? – поинтересовалась Вера Сергеевна, сделав очередную затяжку.

– Она задавалась вопросом, где я пропадаю, – закурил он и поднес пламя зажигалки тонкой ментоловой сигарете Диметры. – Плюс, Димка никогда снега не пробовала.

– Чистый снег нынче в цене, – улыбнулась женщина. – Ты уверен?

– Уверен–уверен.

– Снег с дождем в комнату номер шесть, – скомандовала она по телефону. – Будет вам снег.

– Пошли, радость моя, ты должна это увидеть, – потянул за руку он.

Внутренность комнаты была оклеена монотонными красными обоями, нет окон, у противоположной по отношению к двери стоял черный кожаный диван, рядом с ним невысокая деревянная тумбочка из темно–коричневого дерева дополняла скудность обстановки, ели заметная дверь в левой стене вела куда–то еще, где свет был выключен, здесь же теплые желтые лампы светили достаточно ярко.

– Та–а–а–ак, что тут у нас? – Олег открыл дверцу тумбочки, достав плетки различного размера и толщины. – Заводит, правда?

– Очень красиво, – с интересом рассматривала она.

– Раздевайся, а я пока пойду подумаю что мне надеть, – предложил он.

– Прямо здесь? – Она потерялась в незнакомой обстановке.

– Так! По–моему я здесь приказываю? Раздевайся!

Удалившись на некоторое время в темную комнату Олег вернулся полностью обнаженным, так и не найдя подходящей одежды. Он держал свою скомканную футболку, пристально посмотрев на сидящую на диване Диметру, так же находящуюся без одежды, рассматривающую комнату. Он сел рядом, положив ей футболку на колени, снова полез в тумбочку за маленьким зеркальцем и лезвием. Опорожнив белое порошкообразное содержимое прозрачного пакетика измельчил очень тщательно, дав ей.

– На, вдохни и мне оставь.

– Снег?

– Да, он самый. Чистейший белый снег.

Вдохнув Диметра сразу же почувствовала прилив сил, быструю смену настроения, неспособность усидеть на месте и то ли это было прямым действием препарата, то ли эффект наложился на ранее принятые волшебные капли – она ничего не помнила, только огромный провал в памяти мешал ей в полной мере насладиться действием снега. Открыв глаза она обнаружила себя в том самом, привезшем в «Рецитал» автобусе, теперь на большой скорости приближающим к дому. День солнечный вкрадчивым светом врывается через стекла в автобусный салон, прерываясь в мельканиях мимо проезжающих по встречной полосе машин. Порошок имел схожее действие с каплями, действие резко пробуждает ото сна с частичной потерей памяти, при этом пробуждение по резкости напоминало скорее выдох после долгой задержки дыхания, чем на обыкновенное пробуждение. Она открыла глаза и тут же абсолютно все негативные ощущения спали на нет. Для Диметры не было в тот момент ничего более способного превзойти воображение, чем находясь в автобусе обнаружить свою голову лежащей на плече Олега, плотно сжатую в его руке свою руку, а тело – вплотную прижавшееся к его. О, как же вовремя она проснулась, проснулась ради запечатления в памяти всех подробностей поездки. Наверное, ради этого стоило проснуться, стоило отбросить пелену красочных сновидений, своей хаотичностью тревожащих разум; стоило отбросить и пелену фантазий, в после сонной полудреме радующую своей откровенностью.

– Добро пожаловать в реальный мир, – поприветствовал Олег, догадавшись о пробуждении Диметры по ее подергиванию руки.

– Через одну уже наша, – отреагировала она на объявление о следующей остановке. – Ничего не помню.

– Так ты на диване вырубилась, даже помастурбировать не успели.

– Да? А дальше?

– А дальше кое-как дотащил до автобуса.

– От капель хоть не отключаюсь так.

– Зато снег попробовала.

– Олеженька, а сотней не богат?

– А твои деньги где? – Олег удивленно ответил вопросом на вопрос.

– Потратила, – смутилась в ответ Диметра.

– Без меня летала?

– Нет.

– Деньги–то есть, сейчас в аптеку зайдем. А ты пока расскажи.

– Разговоры, – начала она. – ...Раньше считала, можно поговорить только с девушкой, на любые темы, ни разу не нарвавшись на непонимание.

Были, конечно, разочарования.

– Например, какие? – прервал Олег.

– О многих уже рассказывала. Одно из самых серьезных – это то, что девушки из Разговоров для взрослых не те, за кого себя выдают: они раскрепощены, подкованы на самые изощренные разговоры, но у некоторых четко прослеживаются познания в психологии. Сколько раз уже меня пытались подвергнуть психологическим тестам.

– Рыбак рыбака, – усмехнулся он.

– Ну да. А больше всего разочаровывает их постоянно повторяющееся желание сминусовать себе возраст.

– А это–то ты как поняла?

– Да очень просто. Представляясь только что вернувшимся из фотостудии фотографом я рассказываю о просмотре получившихся фотографий. Последний раз девушка спросила, проявила ли я все фотографии. Догадываешься, какой у нее должен быть возраст для подобного вопроса? Пример еще ярче. При разговоре на ту же тему девушка начала расспрашивать, как я фотографии обрабатываю, убираю красные глаза, вырезаю лишнее. В ответ на мой рассказ она добавила: «только подумать, до чего техника дошла».

– А до тебя только дошло, что секс по телефону – это сборище престарелых проституток? – Олег от переизбытка чувств при ходьбе размахивал рукой, в которой сжимал руку Диметры и повел ее, резко свернув в сторону аптеки.

– Нет. При всем их профессионализме удивляют вот такие вот проколы.

– А меня удивляет другое. Как ты можешь тратить на это деньги?!

– Я нашла новую услугу. Раньше попадались номера, где можно было поговорить только с одной девушкой, а совсем недавно попался номер, предоставляющий разговоры в потрясшем мое воображение разнообразии: разговор с двумя девушками, с парнем, двумя парнями. – Неожиданно просьба денег обернулась новым откровением.

– Могла бы и раньше рассказать, – обиделся он перед входом в аптеку и, отпустив руку, Диметры полез в карман за деньгами, обратившись к провизору. – Два однопроцентных и упаковку Фурасемида.

Волшебные капли в красных пузырьках (сделанные в Венгрии) или в полупрозрачных с синей этикеткой (Индийского происхождения) выпускались в двух видах: полупроцентный и однопроцентный раствор глазных капель. Естественно. Олег всегда покупал более сильнодействующий препарат. Обычно им разводят тяжелые внутривенки

для усиления эффекта, так что провизоры всегда удивлялись, когда Олег не кроме пузырьков не просил еще шприцов. При всем желании заполучить зелье и Олега, и Диметру удивлял даже не безрецептурный отпуск препарата, а сам факт наличия в отпуске из аптек капель, по прямому назначению использующихся исключительно для вызывания мидриаза (расширения зрачка) в поликлиниках при исследовании глазного дна, отпуск же из аптек просто абсурден. Далеко не секрет, что препарату любителями внутривенной дури давно найдено альтернативное применение, в качестве усиления действия. Отпускающие его провизоры так же в курсе, они обычно смотрят на Диметру так, словно она тоже из армии любителей внутривенных инъекций.

– Сигаретой не богаты? – Обратился Олег к прохожему.

= Да, молодой человек, конечно, – протянул сигарету прохожий.

– Спасибо, – с эйфорической улыбкой от принятия его парнем протянул в след уходящему незнакомцу Олег.

Заложив сигарету за ухо он возле аптеки вскрыл упаковку, достав пузырек и, выкинув ее и инструкцию в урну, отвернул крышку, после чего была видна белая пипетка. Ее можно снять и тогда на вид открывалось широкое горлышко, таким образом капли можно было выпить или же добавить себе в кофе, но Олег предпочитал их исключительно капать.

– Ну что, любимая, кто первый холинергические рецепторы заблокирует?

– А закапай мне первой, дорогой, – попросила Диметра. – Давно хотела спросить. Вот состояние после – оно как правильно называется? Холинолитический делирий?

– Острое абстинентное состояние с делирием, вызванное употреблением блокаторов м-холинергических рецепторов, – четко и протяжно ответил Олег, закапывая волшебные капли в нос запрокинувшей голову Диметре. – Ты только представь, Ди, как капли проникают через гематоэнцефалический барьер, своим удивительно мягким действием блокируя рецепторы на пресинаптической мембране рефлекторных органов, лишней раз доказывая что в мире есть нечто лучше крепкого натурального кофе, лучше качественного молочного шоколада, лучше утреннего поцелуя с любимым человеком, лучше секса, лучше умопомрачительного оргазма, лучше всего что только можно представить.

– О, да-а-а-а-а-а-а-а, – наслаждалась действием препарата Диметра. – И только одно в жизни может сравниться с каплями, пересилить сей неземнейшего великолепия эффект – направленная мне в рот струя мочи твоей.

– А твоя – в рот мне, – мечтательно продолжил ее мысль Олег, взяв за руку. – Погнали домой.

Окрестности станции метро Юго–Западная причудливо изменяющимся ландшафтом плыли перед глазами Диметры и только сжимающая ее руку рука Олега чарующей силой возвращала к действительности. Он всегда заходил в квартиру первым, пропускал ее за собой и всегда сам закрывал дверь. О, сколько смысла была в двух простых поворотах ключа, словно гора с плеч спадала, словно весь остальной ужасающий мир переставал существовать. Удивлял ход его мыслей, он словно читал мысли Диметры и его последующая фраза доказывала это:

– И пошел весь этот блядский мир на хуй, – смеялся он.

– Ты словно мысли читаешь.

– Я телепат, – широко улыбаясь сквозь смех продолжил он. – Держи Фурасемид! У меня идея.

– Какая? – с оживленным интересом поинтересовалась Диметра.

– Вот, – достал из тумбочки маленький цифровой фотоаппарат он.

– Хочешь меня сфотографировать?

– Нет, куда лучше, – начал он. – Омерзительная действительность жизни такова, что мы не можем все время находиться вместе. Мы вовлечены в нескончаемый цейтнот зарабатывания денег, поэтому я хочу видео снять: тебя рядом не будет – буду на него мастурбировать: меня же не будет – помастурбируешь ты. Раздевайся.

Закончив фразу, Олег через некоторое время принес маленький цифровой фотоаппарат, сдул с него пыль, нажал на кнопку, после чего, издав специфический звук, выдвинулся объектив; переключил в режим видео и передал Диметре.

– Сними меня, – скомандовал Олег, передав ей фотоаппарат.

– Поразительно, – удивилась та.

– Что? – Не понял он.

– Мысли мои опять читаешь.

– Ну, я же телепат, – рассмеялся он, закапав в нос третью часть содержимого пузырька. – Будешь?

– А я когда–то отказывалась?

– Да я просто спросил. – Сквозь смех оправдался он, и лицо его озарилось неподдельно искренней улыбкой, чарующей, притягательной, словно во все лицо, с хитрым прищуром глаз и обворожительными ямочками.

– А–а–а–ах–х–х–х–х, – выдохнула Диметра, докапав остаток пузырька. – Лучше оргазма.

– Все в этом банальнейшем мире познается в сравнении, Дим, – протяжным тоном чуть хриповатого от действия препарата голоса начал Олег. – Всегда есть что-то лучше, что-то хуже. Вот волшебные лучше всего, что только вообразить можно: лучше секса, лучше мастурбации, лучше оргазма, ничего не идет ни в какое сравнение с их неземным действием.

– Ничего не может сравниться с полетом не имея крыльев, – добавила она.

– Хватит слов! Снимай меня! – Воскликнул он, забравшись на противоположную по отношению к Диметре сторону ванной.

– Ты мой любящий отец? – почувствовав сильнейшее возбуждение, спросила диметра.

– Да.

– Ты мой любящий старший брат?

– Да. Да. – Ласкал себя он.

– Ты мой верный друг?

– Да. Да. Да!!!

— Ты мой наставник, равных которому не было, нет и не будет?

- Даааааааааааааааааааа!!!!!!!

– Так пидай же на камеру, Любимый!!!

– Да, я буду писать и пусть сей объектив запечатлеет это!!!

...И снова провал в памяти. Уснув они не помнили как добрались до кровати, не в силах отогнать одно из побочных действий препарата – непреодолимое желание уснуть. Единственное, что помнила Диметра, – это исходящий от Олега чарующий аромат мочи.

Прошлое

Бесконечно теплый, бесконечно летний день ласкал все вокруг беспредельной жаркостью: и асфальт до своих самых что ни на есть мельчайших частичек, и издающая свежий аромат скошенная трава, и окрашенные в строго зеленый цвет низкие заборчики, и выставленные на витрины заведомо выцветать под палящим солнцем пакеты сока, и успевшие накалиться до предела металлические штендеры – все это сливалась в одну целостную картину залитого солнцем Юго–Запада.

Диметра, как всегда, шла быстро, не смотрела по сторонам, весь этот окружающий мир ведь ее интересовал мало – все ее мысли были заняты предвкушением вечера, когда Олег придет домой, порывистыми движениями разуется, вымоет руки и, завершая ритуальный триптих собственного прихода домой, обнимет ее, обнимет искренне как умеет, обнимет крепко как может, обнимет долгожданно как знает, обнимет так, как умеет только он; но жаль, что это в то в то время оставалось только мечтами идущей Диметры по улице, увидевшей старую добрую аптеку, предварительно приветствующую всех прохожих – гипотетических посетителей – сообщающих о снижении цен на широкий круг препаратов вывесками, в тона темно–синие окрашивающие ее витрины.

– Вам как обычно? – доброжелательно уточнила молодая девушка–провизор.

– Да, – обыденно ответила Диметра.

– Больше ничего? – заботливо добавила та.

– Нет.

Подтекст вопроса скрывал в себе инсулиновые шприцы. Именно их зачастую покупали завсегдатаи аптеки с целью внутримышечного и внутривенного (благодаря удобству тонких игл) введения глазных капель, и в большинстве аптек Диметре искренне удивлялись, когда она покупала только вождеденные пять миллилитров однопроцентного раствора глазных капель.

– Хорошо, Вера Сергеевна, я у нее спрошу, – донесся обрывок телефонного разговора, когда Диметра пришла домой, коснувшись босыми ногами теплого пола разулась, отправляясь мыть руки.

– Добрый вечер, зай, – поприветствовал ее Олег, представший перед ней абсолютно обнаженным и сжимающим в правой руке телефон.

– Привет, милый, – ответила она и, не вытирая рук, инстинктивно

обняла его, почувствовав стремительно накатывающее возбуждение от тепла его тела, его тонкого, метафорически прозрачного тела.

– Вера Сергеевна звонила. Нас снова приглашают в Рецитал. – Олег ответил на застывший немой вопросом вкрадчивый взгляд Диметры бодрым и довольным тоном.

– У нее нашелся лишний пакетик снега для нас? – наивно спросила она.

– Да я ничего не понял. Сказала, у нее к тебе дело.

– Ко мне–е??? – с нескрываемым удивлением переспросила Диметра.

– Не делай такие удивленные глаза, – пожал плечами он. – Она ничего не объяснила толком.

– Ладно, съездим, узнаем.

– Наверное, ты ей понравилась, – сжал ее руки он, грея. – Ты в аптеке была?

– Да. – Она направилась в прихожую, сквозь обрывистый звон ключей нащупала в сумочке пузырек.

– Кто первый?

– Конечно я, зай, – взял пузырек глазных капель Олег, вскрыл и выпустил пену так, что кратковременный фонтанчик препарата намочил ему пальцы, после чего Олег надавил на пузырек чуть сильнее, чистая прозрачная жидкость тут же оказалась в его ладони. Он поднес ее к носу. Зажал правую ноздрю и вдохнул раствор через левую.

– Новый способ кайфа, – комментировал он, капая в ладонь очередную порцию.

– Пиздец как накрывает, – восхитилась Диметра, втянув носом глазные капли с ладони протянутой руки Олега.

– Фу–у. NONNL! – Олег возмутился ее нецензурной лексике.

– CHAT VANNA NNL, – ответила Диметра.

– MARRY Dimetra, MARRY Dimetra, MARRY Dimetra!!! – засмеялся Олег. – <A> – принять предложение.

– A! A!! A!!!

В моменты наступления действия препарата Олегу и Диметре было свойственно переходить на мало кому понятный язык – язык команд системы смс–чатов, отдавая дань приятным воспоминаниям о годах приятного проведенного времени. В давние времена система представляла собой огромный набор интерактивных услуг: чатов, форумов, службу знакомств, предоставляемых посредством отправки смс. Отправив соответствующую команду на номер, любой желающих мог создать, к примеру, свой собственный чат. Участники чата классифицировались

следующим образом: существовал Босс – обладающий всеми правами доступа создатель чата, Помощник Босса – обладающий теми же, вплоть до включения и выключения режимов Открытого чата, Ненормативной лексики правами, кроме удаления самого чата участник; так же существовали Участники, имевшие права только на удаление Гостей и Гости – пользователи, не входившие в список Участников и не обладавшие вообще ни какими правами. При помощи определенных команд в своем чате возможным было включать и отключать режимы, принимать и удалять участников, отключать любого из них на два часа. Например, смс с текстом CHAT VANNA DDD Dimetra отключала участника на два часа от услуги, подтверждения команд приходили по смс в виде специальных букв в скобках и собственно самим подтверждением служила отправка такой буквы, но уже без скобок. При общении ник Босса чата маркировался знаком «#» в конце ника, Помощника – «*». Терминология Системы настолько прочно входила в жизнь, что Олег и Диметра широко ее использовали далеко за пределами смс–мира, но в данном контексте Олег имел в виду не точное назначение команды MARRY – предложить участнику чата сочетаться браком посредством смс–Загса, – а нечто вроде «я хочу тебя».

– Спасибо, дорогая.

– Хм, – довольно улыбнулась она в ответ.

– Я давно хотел спросить, – начал фразу Олег, касаясь своих гениталий при бурно нахлынувшем возбуждении. – А ты помнишь, Ди, когда ты впервые была девочкой, там, в чатах?..

– О–о–о–о... – мечтательно протянула Диметра. – Это было незабываемо.

– А как? Закрой глаза, расскажи. – Олег ускорил интенсивность прикосновений к своим гениталиям.

– Чаты – удивительнейшее место, – начала рассказывать Диметра, закрыв глаза, откинув голову к стене по противоположную по отношению к Олегу сторону ванной и положив руки уже на собственные гениталии таким образом, чтобы было удобно стимулировать возбуждение до позывов к мастурбации. – Это единственное место, где в пикку окружающей реальности каждый может быть тем, кем является на самом деле – быть собой, быть естественным и самовыразиться до максимальной степени откровенности с минимальным риском для физического и психического здоровья. Это единственное место, где перед твоим носом дверей никогда не закроют; где нет понятия о пространстве и времени; где реально только то, что осознается; где каждый человек есть не тот серый безликий

прохожий в толпе, в обществе – страной машине обезличивания, – а тот, кем себя ощущает. Я тогда впервые стала Пандорой и ящиком моим были чаты, Я могла начинать романы с двумя, тремя парнями сразу, менять их как перчатки, играть ими, вызывать чувства любви, ревности, борьбы за себя, месяцами занимаясь с ними виртуальным сексом и когда мне стало это надоедать я становилась участницей самых закрытых чатов, в которых у моих любовниц создавалась полная иллюзия однополого секса. Они были частичками моего паззла под названием «Вирт». Я получала и доверительно теплое общение, и незабываемо яркий секс, и уважение в виде статуса «*» во многих чатах. Я была Пандорой для всех, а они одним большим ящиком с двойным дном для меня. Вторым дном, подводным камнем, скрытым нескошенной травой пнем, неизлечимой опухолью впоследствии стало абсолютно непоправимое разочарование в реальности. Ты не уснул, дорогой? Уже кончил?

– Да я уже давно кончил, зай. Слушаю, фонаря от тебя, – ответил Олег, глядя на доводящую себя ласками до коитуса Диметру. – Вирт создан, чтобы дезодорировать фекальный бриз окружающего мира. Вирт – это набор фломастеров для «детских» книжек–раскрасок, где ты есть всего лишь контур. Не больше и не меньше этого. Задумайся, кем были они? Парнями–неудачниками и крутящимися как белки в колесе бесконечности нуля под страхом зверя пострашнее Хроноса, общества, девушками.

– Для любого фломастера необходима рука, милый. Даже кисть, набор красок, идеальный холст, студия – все ни что без художника, без...

– Без?.. – Олег внимательно посмотрел на Диметру, теряя нить беседы.

– Забыла фразу, – смутилась она, сообщив. – Во рту сухо.

– Подожди, сейчас сок принесу. Ты в порядке?

– Не совсем. Тебе знакомо такое чувство, когда оказавшись во чреве парфюмерного магазина ты долго–долго плаваешь, погруженный в амниотическую жидкость окружающих ароматов, составляющих не диссонанс, не какофонию, не антицвет слитых в ведро красок трех основных цветов: красного, желтого и синего, а симфонию, производный от основных цветов цвет, выходишь обратно в город и о былых ароматах напоминают лишь оставшиеся на кончиках пальцев молекулы эфирных масел?

– Хм. – Олег закусил губу, пожав плечами. – Никто не обещал мягкой посадки на аэродром под названием «реальность». Подожди, принесу тебе сок.

Диметра, вытянула ноги в длину всей ванной, провожая Олега Ковалева поворотом головы и пустым, ничего не выражающим взглядом.

Кафель стен причудливо ловил в сеть своих квадратов падающий свет стоваттной лампы, заключенной в сферу имеющего рельеф апельсиновой корки плафона, расположением сверху напоминающим паука, сплетшего паутину практически ровных полос клея для плитки – ловушки для нечаянно попавших в нее теней людей и ванной утвари, случайных брызг воды, моющих средств и биологических жидкостей.

– Ди–и–м, пора выпустить шасси. Держи сок. – Олег протянул ей запотевший стакан апельсинового сока в готовую принять его холод руку.

– Спасибо, дорогой. – Поблагодарила она, согнув ноги в коленях, тем самым освободив для Олега места на противоположной стороне ванной, но, не вырвавшись из собственных мыслей, только своих собственных, ведь порой она слышала в голове и чьи–то другие, то ли мысли, то ли голоса.

– Э–э–э–э–эй, может я здесь лишний? – требовал внимания к своей персоне Олег, сжимая нечто в правой руке.

– Милый, нет, конечно! – оправдывалась Диметра, приобретшая за долю секунды осмысленность во взгляде и выражении лица. – Просто столько клиентов... Порой их проблемы начинают жить в голове некой отдельной жизнью.

Диметра, сделав очередной глоток, принялась внимательно рассматривать обнаженное тело сидящего напротив Олега: его узкие худощавые плечи, практически не наушающую единственно эстетичную из всех существующих форм поверхности – плоскость, плоскость нулевого размера его груди, природно решающей одну из главных проблем хотя бы кроссдрессера, не говоря уже о его образе жизни в целом, рыцарем которого он является.

– У нас еще осталось хоть немного лекарства от реальности?

– Есть кое–что лучше, – хитро улыбнувшись ответил Олег.

– Что? – с неподдельным любопытством спросила Диметра.

– Я покажу, но с тебя два обещания. Договорились?

– Что это? Ну, зай, ну скажи, а то я умру от любопытства и мой не эстетичный труп станет не лучшим украшением полости нашей ванной.

– Скажу, но с тебя два обещания, – настаивал на своем он.

– Хорошо. Какие обещания?

– Во–первых, пообещай рассказать обо всем что тебя беспокоит. Это ведь проблемы твоих психопатов? Я Прав? – Олег нарочно говорил о ее клиентах пренебрежительным тоном, зная как это ее бесит и получал от этого только одному ему постижимое удовольствие. – Во–вторых, пообещай что никогда–никогда самостоятельно, без моего присутствия не повторить то, чем мы с тобой сейчас займемся.

– Ты как мысли мои читаешь, – недоумевая, подчеркнула она. – Хорошо, хорошо. Я расскажу и не буду заниматься тем, чего бы ты не хотел.

– Видишь? – раскрыл ладонь он, в которой лежал на мокрой от водки вате набранный до отказа тонкий инсулиновый шприц. – Несведущие в фармакологии лица антисанитарными экспериментами с внутримышечным и внутривенным введением тех или иных суррогатов полностью дискредитировали всю прелесть первичной идеи внутримышечного и внутривенного введения глазных капель, пуская по кругу один и тот же шприц. Абсурд? Абсурд! Шприц – это настолько интимная вещь, как сексуальная фантазия, целесообразно поделиться только с любимым человеком. Они, желая сэкономить, варят смеси с неподдающимися логике составами, нарушая принцип удовольствия – принцип «кто работает, тот отдыхает», иными словами, хочешь отдохнуть – заработай. Поэтому я отдаю предпочтение чистому, растворенному в промышленных масштабах химзаводов в воде для инъекций гидрохлориду, но это, моя дорогая Ди, вовсе не является гарантией от передозировки. Давай руку.

Закончив монолог Олег бережно взял ее руку, три раза шлепнув по тому месту, откуда обычно делается забор крови для биохимического анализа, протер едва заметную вену Диметры ватой, снял с очень тонкой короткой иглы колпачок, выпустил из шприца лишний воздух до появления фонтанчика из препарата и мастерски ввел иглу ей в вену, после чего очень аккуратно стал давить на поршень и жидкость медленно вливалась в вену легким жжением. Когда черный резиновый клапан добрался ровно до середины Олег вывел ее, положив на место укола ту самую вату, слегка прижав и подержав так тридцать секунд. После он оставшейся еще мокрой оборотной стороной той ваты проделал ту же процедуру себе оставшейся половиной глазных капель.

– И еще.. Это можно делать только раз в месяц.

– Почему? – Диметра, договорив слово, почувствовала глубокое, ни с чем несравнимое расслабление.

– Следы останутся. Твоя мама увидит – совсем меня съест. Она и так допытывается на тему того, почему я выгляжу как парень и так далее...

– Да-а? Моя мать задает такие вопросы? – речь Диметры становилась все более протяжной и слабо членораздельной.

– Твоя хоть делает это корректно, в отличие от моей, моей родной матери, – голос Олега в конце фразы приобрел интонации находящего в алкогольном опьянении человека.

– Она враждебна?

– Нет, считает меня психически нездоровым.

– Подобные сужде–е–е–е–ен–н–н–ия, – голос Диметры так же приобрел опьяненные интонации, она ели выговаривала слова. – Суждения подобные обычно рождаются из–за не знания. Ты настрой ее на правильный вектор мышления, качественное кино покажи, про Вельветовый триппинг, например.

Эта фраза была последней из запомненных Диметрой в тот вечер, последней до легких, заботливых прикосновений ко лбу, поглаживания волос. Когда она открыла глаза, перед ней присевший на корточки Олег внимательно на нее смотрел.

– Ди, ты в порядке? – тихо спросил он уже тоном адекватного человека, без признаков действия препарата.

– Да. А ты? Я уснула? – ели спросила от озноба и сухости во рту она

– Угу. – Он встал и только тогда были заметны мурашки по телу, находящемуся в состоянии озноба телу.

Встав он закрыл отверстие канализации, включил сначала горячую воду, переключив смеситель на душ, попробовал температуру тыльной стороной ладони, на сантиметр повернул кран холодной воду, снова проверил и направил струю невыразимо комфортной температуры сначала на Диметру, потом на себя, потом на нее, инстинктивно закрывшую глаза. Наконец озноб отступил, возможным стало открыть рот навстречу, хоть и теплой, но влаге, способной устранить навязчивую сухость, и вода полилась плотными струями по ее лицу, лаская плечи и грудь.

– Согрелась?

– Еще как.

– А кто–то рассказ обещал...

– Хорошо.

– Я весь во внимании. – Олег посмотрел на ее руку. – След от укола через недели две пройдет.

– Меня беспокоит Андрей, – грустно посмотрела на Олега Диметра.

– Красивый? – не мог скрыть ноток ревности он, прищурясь и гордо вскинув волевой подбородок.

– Нет. И потом... Субъективная оценка внешнего вида клиента – критерий непрофессионализма.

– Ну ладно–ладно. Что с ним? Я все–таки должен представлять человека, засевшего в твоём активе.

– Андрею сорок два года, рост до ста семидесяти, плотного телосложения. Он суицидален.

– А причина? Может, я слишком архаичен, но рассказывающие о том

или ином действии вряд ли когда его совершают.

– Он видит причину сложившейся проблеме во мне..

– Ебанутый, – ехидно заметил он.

– Он считает, что я могу достать ампулу препарата для вводного наркоза.

– Хм. Отправь его в аптеку за каплями, – пожал плечами Олег.

– Я боюсь за него.

– Моя ты милая, обо всех заботишься, а они хуй на тебя кладут. – Олег приблизился к ней, обеими руками зачесав ее волосы назад, чтобы ее глаза были направлены в него. – Запомни, ни один мудила не заслуживает траты твоих нервов.

– Страшно за него.

– Разве иррациональный страх не критерий непрофессионализма? – шутливо перефразировал он.

– Андрей завтра... Теперь уже сегодня придет на прием, а я не знаю, не знаю что ему сказать.

– Ты неисправима. Пошли спать, завтра нам надо отработать, хоть кое–как дотянуть до вечера...

– А потом?

– Суп с котом и маленькой собачкой, – рассмеялся Олег с неподражаемым блеском в глазах. – Рецитал. Забыла?

– Забыла, признаюсь. Я стала жертвой собственного закона, Закона Забытого Вечера.

– Пошли уж, маленькая изобретательница законов, – потянул ее за руку, поднимаясь, он.

– Пойдем, – увлеклась за ним она. – Милый, а ты играл когда–нибудь в Книгоедский флэш–моб?

– Ха–ха. Ты, по–моему, пересидела в интернете, – рассмеялся в ответ Олег, присев на кровать.

– Олечка, ну это способствует засыпанию...

– Ладно, зай, – согласился он. – Кто выбирает первопопавшуюся книгу?

– Ты.

– Так и знал. – Олег встал с кровати. – Но предложение выберешь ты.

– Хорошо, – кивнула в ответ Диметра.

– И озвучишь.

Олег с закрытыми глазами подошел к озаренному тусклым светом стоящей на письменном столе лампы книжному шкафу, выбрал первопавшуюся под руку книгу и прочел название слух:

– Эрих Фромм. «Душа человека»

Диметра взяла ее, открыла строго на странице сто двадцать три и, чеканя каждое слово, прочла третье предложение, звучащее:

– «У примитивных племен или родовых групп речь может идти о паре сотен членов; здесь отдельный человек еще не является “индивидом”, он объединён со своей кровнородственной группой посредством “первичных связей”, которые еще не могут быть разорваны».

– Вот это я выбрал, – задумчиво возгордился собой Олег.

– Дорогой, ты гений.

– Да уж, – хитро прищурился он. – Твой возбужденный гений.

– Не знала, что старина Фромм оказывает возбуждающее действие, – заигрывала в ответ она.

– Не Фромм! Меня возбуждают только девушки.

– А какие именно? – не унималась Диметра.

– Знаешь, такие милые–милые девушки с озорными–озорными глазами, любящие задавать вопросы, от которых я весь взмокаю, к которым бежишь со всех ног с работы и когда приходишь – все в первый раз как будто: смотришь и не можешь наглядеться. Ну а тебе какие нравятся парни, Ди?

– Знаешь, такие милые–милые, – сначала передразнила она, после чего перешла на более серьезный тон, от которого ее пальцы стали влажными и обозначились едва заметной дрожью. – Мне нравятся парни темноволосые, с очень правильными чертами лица, узкими плечами, худощавым–худощавым телом с такой демонической вселенной в глазах, от огня которых зажигается мир, в пламени страсти душа прогорает без остатка; у которых огонь, внутренний огонь, внутренняя энергия, внутренний ток обладает настолько высоким вольтажем, что идешь вместе и успокоением осознаешь, что не страшно стать обиженной; энергией, от которой достойнейшие воспламятся идеями, а обидчики даже не посмеют меня обидеть.

– Мое тело редко кому нравилось, – покраснел Олег, словно ребенок. – Питался как все, но никогда не полнел. Даже мама один раз упрекнула, что я тонка и просвечиваюсь на солнце как фарфоровая чашечка.

– Ты прекрасен, Олег, прекрасен.

– Наверное, ты со всеми своими клиентами так же красноречива, а они сидят, уши развесят.

Хотя Олег и не назвал психами людей с психологическими проблемами, но в его пренебрежительном тоне слышалось именно это.

– Ну, зай, ну не начинай опять, – пыталась уговорить Диметра, зная

горьким опытом как ревность обычно приводит на чистую голову к скандалу в штатном режиме, к алкогольному бреду ревности – на пьяную, при чем она и сама была грешна этим. – Я же не устраиваю тебе сцен, видя все эти кучи конфет, шоколадок. Да половина района специально жжет пальцы о Сковородки только для того, чтобы ты перевязку им сделал, а чем вы там еще занимаетесь, а?

– Ди, не говори ерунды. Во-первых я на работе поуши в бюрократии, перевязки сестра делает – во-вторых. И потом... Сама посуди: раскройся я на работе – тут же уволят. Мы как-то ехали в метро с девушкой, бухие, вмазанные и целовались, конечно, а нас смотрели как на каких-то некрофилов. А вот чем вы там занимаетесь, оставшись один на один – об этом остается только догадываться – успокоительно провел ладонями по плечам Диметры Олег.

– Прости, я люблю тебя, – по щекам Диметры покатались слезы. – Мы там ничем, кроме консультирования не занимаемся, в отличие от вас – медиков. Я читала и DSM-V, и МКБ-10 – там же при желании у любого человека можно установить тот или иной диагноз.

– Конечно, классификаторы болезней и медико-экономические стандарты для того и изобретают, чтобы нам с тобой было на что поесть, на что выпить и на что сходить, но посмотри сколько вылеченных, сколько довольных пациентов – экономика и медицина сливаются в экстазе. А что делаете вы? Вы вообще убеждаете человека в наличии у него не существующей проблемы и пытаетесь ему помочь несуществующими методами. Знаешь, что раньше называли транквилизатором до того, пока гениальнейшие умы химиков не изобрели препараты, которыми они впоследствии стали называться? Стул, к которому насильно привязывали абсолютно здорового человека, убедив в несуществующей проблеме и в том, что полное лишение движения ему якобы поможет. И это придумали твои коллеги! – Олег повысил голос.

– У тебя что-нибудь осталось? Иначе, сейчас в домашних тапочках до круглосуточной аптеки дойду.

– Осталось. Успокойся, никуда идти не надо – у нас с тобой все есть. Просто, не рассуждай о том, чего не знаешь. Ты не сидела на приеме. А прием – это: карту больного заполни, талон амбулаторного пациента со всеми твоими «любимыми» шифрами по МКБ заполни, рецепт заполни, направление заполни.

– А мы, по-твоему, розы нюхаем? Ты не знаешь, что это такое, когда тестируешь клиента, а сама при этом в таком состоянии, что тестируй кто-нибудь меня – я бы Кэттелла, Личко, Спилбергера завалила, а потом идешь

домой и все их проблемы не выходят из головы. Хочу вмазаться.

– Тут чуть–чуть осталось. Может в нос? – прокручивал меж тем он в голове ничего не говорящие фамилии.

Диметра имела в виду психологические тесты – опросники, которые ей приходится применять на работе. Кэттелл – это тест на сто восемьдесят семь вопросов, представляющих в себе шестнадцать шкал позволяющих оценить степень выраженности основных факторов личности. Тест Личко выявляет тип акцентуации. Спилбергер служит для выявления уровня тревожности.

Вдохнув оставшееся вещество Диметра легла рядом с Олегом, стараясь прижаться к его телу, родному, теплему телу.

Вечером следующего дня апартаменты Рецитала не обрадовали ни чем новым. Доносившийся из кабинеты Веры Сергеевны крик заставил Олега и Диметру притормозить возле приоткрытой двери.

– Он должен был быть на моего брата похож, а Вы мне кого подсунули?! – раздавался грубый мужской голос.

– Аристарх Леонидович, успокойтесь, – хорошо узнаваемым гипнотически тихим голосом ответила Вера Сергеевна. – Вы же сами его выбрали.

– Я не выбирал! У этого молокососа хоть нормальные мужики были? И ли он только сидел, на Тома Круза дрович?

– Я конечно понимаю: работа госчиновников очень нервная, но я Вас в последний раз прошу успокоиться или буду вынуждена вызвать охрану.

Не успела Вера Сергеевна договорить фразу как двое мужчин–культуристов в черных костюмах вбежали в ее кабинет. Тем временем Вера Сергеевна медленно встала со стула, подошла к висящей на стене картины с изображением морской волны, отодвинула ее, обнажив массивную дверцу сейфа, по памяти ввела код на клавиатуре электронного замка. Сейф был разделен на три полки: на верхней лежали аккуратные пачки с валютой и рублями, всю среднюю полку занимал белесостью своего содержимого напоминавший расфасовку магазинного сахарного песка целлофановый пакет, на нижней лежали паспорта всех обитателей Рецитала и множество другой документации.

– За счет заведения, – сквозь зубы сообщила она, поставив пакет на свой рабочий стол перед Аристархом Леонидовичем.

– Вот он! Он похож! – воскликнул Аристарх Леонидович, показывая пальцем на одного из охранников.

– Но... Наша служба безопасности не оказывает интимных услуг.

– Они мне сейчас оба окажут! Эй, ты! Сдери с меня брюки! Отсоси у

меня!

– Да усвойтесь же!

Аристарх Леонидович, одетый в строгий серый костюм, побуревши от злости развязал узел, насыпав щепотку серовато-белого вещества ей на стол, достал из кармана упакованное в фирменный конвертик лезвие, измельчил им вещество и, вульгарно нагнувшись, вдохнул буквально все.

– Э-э-э-м-м-м... Сколько времени до начала пленарного за-а-а-а-а-а-се-е-е-е-дания? – вяло протянул он.

– Вот видите. Ни нам, ни Вам не нужны проблемы, – еще более спокойным тоном заключила она. – Ребята, отведите его до машины и проследите, чтоб корочку неприкосновенности по дороге не посеял.

– Отведем, по-армейски сухо ответил один из охранников. – А его олухам-то что сказать?

– Что наличность из его кошелка взяли строго по тарифу оказанных услуг. Водителю скажите, пусть по ТТК его покатает, круги понарезает. Не появляться же ему в таком виде жене и детям.

– Здравствуйте! – Олег, держа Диметру за руку, вошел в кабинет.

– О-о-о, здравствуйте-здравствуйте, – перевела дух Вера Сергеевна.

– Здравствуйте, – растерянно вторила Диметра.

– Наконец-то!

– Да мы сами рады, что до Вас добрались.

– Угощайтесь, – пододвинула Вера Сергеевна пакет с белым веществом. – Снег свежий, партия только вчера пришла.

– А можно воды? – робко попросила Димера, едва раскрывая слипавшийся от жажды рот.

– Ноль пять без газа, – скомандовала Вера Сергеевна по телефону.

Спустя некоторое время появился один из тех охранников и протянул бутылку минералки Диметре. Чувствуя дикую жажду, сухость во рту от которой слипались губы настолько, что нельзя было вымолвить и слова, она открыла бутылку, но сама пить не стала, а заботливо протянула ее Олегу. Он жадно выпил половину и передал умирающей от жажды Диметре.

– Вера Сергеевна... – Вбежал запыхавшийся второй охранник.

– Ну что там еще? – Снисходительно просила Вера Сергеевна.

– Этот горе-депутат Патрикеевну разбил!

Патрикеевна – так все обитатели Рецитала в шутку называли очень красивую статую девушки, стоявшую на ресепшене.

– Что-о? – От ярости она резко встала. – А куда вы смотрели? Да ладно вы! А Игорь опять уснул за монитором?

– Вера Сергеевна, – виновато начал он. – Система видеонаблюдения

уже неделю не работает, ребята что только ни делали, а сообщение о переполнении жесткого диска отображается вновь и вновь...

– Так купите новый! И вообще.. Вы что, не видите? Я занята.

– Да мы уже третий винчестер на сервере меняем, а результат – ноль.

– Может это Троян? – своим высоким голосом робко вставила Диметра.

– Кто–кто? – Недоуменно на нее посмотрел охранник.

– Покажи ей, где у нас серверная, – Вера Сергеевна села, провела в попытке успокоиться руками по своему лицу. – И не оставляй без присмотра, а то у нас тут не только Аристарх Леонидович бродит.

Серверная комната находилась, как ей и полагалось, в подвальном помещении. Увидев масштабы оборудования Диметра потеряла дар речи о того, что ей тогда довелось посидеть за столь мощным компьютером.

– Давай, сделай ту что–нибудь так, чтобы все работало. Пиво будешь?

– Неа.

– Ну что? – Спустя час спросил допивавший вторую банку пива охранник.

– Что и требовалось доказать, – начала Диметра. – Это вирус. Вместо пространства на жестком диске для файлов с камер наблюдения, оно было занято файлами вируса. Теперь все будет работать как надо.

– Спасибо тебе.

– Да ладно..

– Дорогу найдешь?

– Ага.

Поднявшись из подвала Диметра направилась к кабинету Веры Сергеевны, дверь которого была снова приоткрыта и ее голос был отчетливо слышен:

– Ты же помнишь все, что между нами было?

Здесь Диметра не выдержала бьющего через край разумных пределов любопытства и одним глазком заглянула. Зачастую удовлетворенное любопытство – подслушанная и подсмотренная информация – его полноправно можно сравнить с оргазмом.

– Да, помню. – Олег остановил руку Веры Сергеевны, скользящую с его щеки нежно по его шее. – Но... Вер, ты же знаешь, что я с Диметрой, а у тебя есть Карина. К чему ворошить прошлое?

– С каких это пор тебя стали интересовать подделки, Оля? – Зная, как сильно может разозлить Олега обращение в женском роде или по женскому имени, спросила Вера Сергеевна, приближаясь все ближе и ближе. – Неужели твой недопарень–недодевушка идет хоть в какое–то сравнение со

мной?

– Я не позволю говорить о Диметре в таком тоне.

– Ты бы себя слышала, – покачиваясь, вялой походкой она приближалась все ближе и ближе.

– Не позволю.

– Вспомни хуй своего отца. Бьюсь об заклад, ты и его кормила байками вроде «мой первый парень... умер от передозировки».

– Диметре такие подробности моего гребаного «детства» знать не обязательно.

В ответ она прижала Олега к стене, резкими решительными движениями проделывая сквозь путаный лабиринт одежды тернистый путь к отвечающей по обыкновению всегда торчащим соскам набухающими еще сильнее ее прикосновениям, и спустя миг брюки Олега канули куда-то в небытие. Его тело, его идеальнейшее тело могло вызвать возбуждение даже у стен, бездушных, бесполох, бескровных, бестелесных стен; спокойно смотреть на мальчишеский бюст, подтянутую и скрывающую только кости скелета кожу живота, тонкие как змеи ноги, казалось, не могли даже стекла, практически запотевающие от его красоты, от его красоты оживающие статуи, от его красоты оживающие картины, висящие на стенах и, казалось, еще миг и изображения сойдут с них и начнут мастурбировать.

Обычно психика человека в ответ на травмирующие ситуации имеет обыкновение выстраивать либо защитную (маниакальную) триаду, либо защитный дуализм, биполярность когда левая часть Диметры хотела продолжать и продолжать наблюдать, во все глаза вкушая мед зрелища, во все уши вслушиваться в сладкий-сладкий мед их страсти, обеими руками дотрагиваться до своих гениталий или подождать пока возбуждение достигнет апогея и коитуса можно достичь без каких-либо прикосновений; правая же часть Диметры хотела плакать, убежать оттуда, закрыться в шкафу и плакать от того, что Олег принадлежал не только ей. Ватные ноги не слушались, она отступила назад: стачала один шаг, потом другой – уже противоположный конец коридора.

– Вам плохо? – флегматичный мужской голос показался Диметре очень знакомым.

Где она могла слышать его раньше? Подняв глаза она увидела ровно стоящего высокого мужчину в черных туфлях, в идеально подчеркивающих стройные ноги черных брюках костюмного типа, идеально сидящей на нем голубой, подчеркнутой красным галстуком рубашке. В этом красивом мужчине лет пятидесяти на вид она узнала появлявшегося во многих телепрограммах известного психотерапевта.

– Нет, терпимо, – трясущимися губами ответила она.
– Да вас трясет, – прищурился он.
– Уже нет, – улыбаясь Диметра шагнула назад.
– Мой голос всегда успокаивал...
– Вы в жизни еще более спокойный, чем по телевизору.
– Ты гей? – невзначай спросил психотерапевт.
– А жаль. На тебя с другого конца коридора смотрит очень красивый молодой человек.

– Пошли, дорогая, – взял ее Олег за руку, говоря тоном родителя вытаскивающего из песочницы свое перемазавшееся в грязи чадо. – Вечно ты во что-то вляпаешься.

– Да мы разговариваем, просто разговариваем. – Она посмотрела на обалдевшего психотерапевта.

– Пошли. Мы тебя потеряли. – Олег поправил растрепавшиеся волосы.

– Молодец. – Вера Сергеевна сидела за столом, измельчая белые полугранулы в порошок. – Мне уже сообщили. Наконец-то система видеонаблюдения работает как надо.

– Ерунда. Это был вирус.

– Отсыпь себе сколько считаешь нужным.

Привычная дорога прошла в абсолютно ничего не выражающем молчании, даже когда автобус мирно подъехал к стоящей неподалеку от дома автобусной остановке, а Олег, стандартно гремя ключами, отрыл входную дверь, плавным жестом нашел в кармане пластиковую тубу от снотворного с находившимся внутри гранулообразным порошком, поставил на стоящую возле входной двери тумбочку.

– Зай, налей по Мартини, а в душ по-быстро, – вдруг прервал тишину он.

– Оставишь меня одну на кухне?

– Диметрочка, сладкая моя Диметрочка, ты же дома, у нас дома. Здесь тебя никто не обидит.

За закрытой дверью ванной раздался волнующий звук льющейся воды, нежный ласкающий звук. В холодильнике, подобно расположившемуся на постилке верному псу или мирно устроившейся на подушке сонной и в тоже время любопытной кошке располагалась на полочке в двери наполненная на две трети вожденная светло-зеленая бутылка зелья под названием «Мартини Бьянко», чей букет аромата был сравним разве что с мочой Олега и прелесть вкуса с тем же самым – мочой Любимого человека. Да-да, именно Любимого, ведь ее вкус, ее запах, ее цвет, ее плотность невозможно спутать ни с чьими другими, порой начинает казаться

знакомым каждый слепок почечных канальцев, все цилиндры, кетоновые тела. Когда Диметра стала взрослеть и ее наконец-то перестала купать мать и постоянно учить как надо правильно мыться она несколько часов подряд могла лежать в ласкающей воде горячей ванной, потом спустить уже полуостывшую воду и, лежа во всю длину, писать себе на руки, нюхать свою мочу, пробовать на вкус, умываться ею, сквозь слезы думая о том, неужели не найдется человека которому бы так тоже нравилось и нравилось бы это делать вместе.

«Теперь нас двое», – так она всегда про себя радовалась встрече, встрече с Олегом.

Наполнив бокал и выпив залпом Диметра налила два.

– У-ух! Я чист, бодр и весь твой, зай. – Олег стоял абсолютно обнаженный и вытирал так грубо, так по-мужски волосы полотенцем.

– Дорогой мой, – прижалась к его горячему от душа телу она.

– Дорогая моя, – инстинктивно ответил объятьем, крепким заботливым объятьем он и продолжим шутливым тоном. – Кажется, кто-то пропустил рюмочку без меня. Ах ты бессовестная!

– Потому что кто-то отправился в душ без меня.

– Извини, зай, – снова стал серьезным он. – Я должен был смыть горечь дня.

– Горечь? Ты же любишь ее.

– Кого? Верку? Я ее боюсь.

– Нет, любишь, и любишь больше меня.

– Какой же ты ребенок. – Он нежно зачесал обеими руками ей волосы назад. – У нее руки в крови по шее. Я боюсь ее.

– И поэтому спишь с ней?

– Ты все видела? – Олег сделал три глотка Мартини, предугадывая истерику Диметры.

– Расскажи о своем отце, – предложила она.

В пугающих ситуациях Диметра всегда пятилась назад, Олег же сделал шаг вперед, поняв, что отпираться нет смысла.

– Хорошо. История за историю. Пошли в ванную.

Не чокаясь в тот вечер, они допили Мартини, Олег по дороге в ванную взял пластиковую трубу с порошком, размельчил на зеркальце пудреницу, протянул Диметре, и когда оба вдохнули Волшебного Порошка и уселись по противоположные стороны ванной, первой начала Диметра.

– Не смотри на меня так. У нас же не может быть секретов, – начала она, чувствуя прямое действие вещества, выражающееся в приливе сил и бодрости в сочетании в повышении общительности. – Однажды я скачала

видео с заманчивым названием Tender Touches, в котором две очень красивые девушки, у одной из которых грудь прямо как у тебя, шли по нудистскому пляжу и, приземлившись, ласкали друг друга, эротично целуясь. Естественно я не могла сдержаться, мы мастурбировали будто в унисон друг друга, когда меня застал отчим, устроил скандал.

– Отчим – это ерунда. Вот меня однажды в школе застали на перемене. Вдоволь погонявшись по школьному коридору, мы с одноклассницей пошли в туалет, не заперли за собой дверь, просто стояли, целовались, а мальчишки – те, которые были нормальными – любили за нами подглядывать, заранее дома вырезав из брюк карманы. А один, державший в страхе всю школу, увидев это так заорал:

«Лесбухи! Ебанные лесбиянки».

– В этом нет ничего страшного, зай.

– В это–то нет. Страшное началось потом. Ее выбросили из окна, а меня завели в мужской туалет, раздели до гола, разорвали на мне всю одежду и стали...

– Миленький, они тебя изнасиловали?

– Нет, они испражнялись на меня, плевали мне в лицо, размазывая каловые массы по всему телу. А знаешь, что самое странное? Я не испытал ни чувства страха, ни чувство унижения, не плакал – меня это дико–дико возбудило. Вид анусов перед лицом, фекалии. Я тогда почти что кончил...

– Что же ты раньше не рассказал? – Диметра сжала руки Олега в своих.

– Зай, я был уверен... Ну... Ты такое Московское растение, которое всю жизнь все любили... Я боялся, вдруг ты не захочешь жить под одной крышей с извращенцем.

– Что ты. – Диметра перебирала его пальцы. – И я далеко не подарок. Когда ты, вечно веселый и вечно пьяный, дал свой адрес – вот тогда я все поняла. Это на всю жизнь.

– На всю – на всю? – заметно повеселел Олег.

– Абсолютно.

– Ах, ты мое маленькое чудушко.

– Нет, я твой стул.

– О–о–о, мебельная тематика.

– Зай, а давай на эту ночь я буду твоим уютным креслом? – предложила Диметра, скрестив руки на своих гениталиях.

– А может моим покорным сортирчиком?

– Да. Да.. Да... Ты сядешь на меня, сначала попишешь, потом испражнишься, а я буду натираться всеми твоими выделениями – мочой и

каловыми массажи.

Диметра присела на край ванной, обжигая своей остывшестью край ванной. Олег, нашедши опору рукам в ее коленях, чуть присел и вот – вот она долгожданная струйка.

– А теперь нагнись и слизывай! – приказал он. – Я хочу, чтобы ты вылизала всю ванную дочиста, рабыня!

Ах, как он сладок – этот незабвенный вкус.

– Хорошо, мой господин!

Вид абсолютно сухой ванной не мог не обрадовать, но Диметра жаждала большего, снова импровизированная смена ролей. Аккуратно разжав его пальцы Диметра расположила их бережно вокруг своей шеи и чуть-чуть сжала.

– Подожди-подожди, – оторвал руку Олег. – Тебя заводит удушье, но так это не делается.

– А как? – удивилась Диметра.

– Придумывается система обозначений. Когда у тебя зажато горло ты же сможешь сказать, зеленый тебе или красный. Помнишь, когда Терминатора низвергали в пучину расплавленного металла? Сделай такой жест. Покажи класс.

– Так? – Диметра выпятила большой палец правой руки.

– Левой рукой.

– Правильно. И вот если мне усилить удушье – ты потихоньку опускай палец против часовой стрелки. Если достаточно – поднимай назад.

– Целая наука.

– А чего ты ожидала? Это же асфиксия.

Диметра подняла в тот вечер палец левой руки, правую на свои гениталии, а Олег в унисон ее опускающемуся пальцу стал сжимать руки вокруг ее шеи, сжимать медленно, заботливо и аккуратно, в связи с чем сила ее полового возбуждения была сравнима с силой белых вспышек, мелькающих за закрытыми глазами, то рассеиванием бросающими в океан непроглядной темноты, то вновь взрывающимися звездами, уносящими сознание в бесконечные просторы космоса. Чувствуя приближение оргазма, усиливающееся оргазмом мастурбирующего Олега Диметра поставила палец вертикально, он разжал руку – вот оно, возвращение в реальность.

– Как же ты сладко кончаешь, моя милая Диметрочка!

– Не слаще тебя, дорогой.

– Как же я тебя люблю.

– А я тебя не просто люблю – я тебя обожаю.

Олег взял ее руку и слизал языком не успевшие высохнуть следы

любви, когда из комнаты раздалась незатейливая мелодия его телефона.

– Кто-то Смеску прислал, – сообщил он. Пойду, прочту.

– Не уходи, давай побудем еще вместе.

– Мы и так всю жизнь будем вместе, – вставал из ванной он.

– Мне плохо. Приезжай на площадь Гагарина, – гласило сообщение с номера Веры Сергеевны.

– Что произошло? – быстро написал в ответ он.

– Позже объясню. Мне плохо.

– Любимая, там что-то у Веры стряслось, съезжу к ней и приеду, – вернулся он в ванную, будучи одетым.

– Вот как...

– Я скоро вернусь, – посмотрел он в ее готовые заплакать глаза.

– Ладно...

Городской транспорт двенадцать часов ночи еще ходил, и троллейбус быстро довез Олега до места.

– Ты чего, Вер? – Олег понял по внешнему виду Веры Сергеевны состояние находящего в алкогольно-наркотическом опьянении человека.

– Я хочу тебя... В машине...

– А дашь мне ключи от этой милой желтой девочки покататься? – Олег посмотрел в сторону ее очень красивого желтого Феррари. – Помнится, кто-то мне доверенность оформить обещал.

– Ключи? Доверенность?! Чтобы ты гоняла со своим Димой?

– Ага. А то, понимаешь, навыки вождения теряются.

– Оля! Посмотри на свои зрочки, ты же до первого поста только доедешь.

– Это ты на свои посмотри.

– Я хочу тебя прямо на асфальте. Раздень меня! Что, тебе лучше быть развлечением для инфантильного избалованного хуйка?

– Вер, прекрати хабалить. Диметра меня любит, и я ее люблю.

– Любит?!

– Да, любит. Сейчас я тебе это докажу. Дай ключи.

– Подавись, – протянула ключи от машины Вера Сергеевна.

– Диметрочка, ты не спишь? – Позвонил ей Олег.

– Нет, конечно.

– Слушай, тут темно на улицы конечно, но ты не обращай внимания.

Приезжай на площадь Гагарина.

– Но Олег...

– Приезжай.

– Чего ты задумала, Оль?

– Разогнаться и. Бах–бах обо что–нибудь. И Диметра со мной сядет без принуждения, а нет – вот тогда я доставлю тебе удовольствие прямо здесь.

– Оля, больна. Ты хоть понимаешь свою болезнь? Ты рехнулась. Рех–ну–лась!

– Не называй меня так. Я Олег.

– Держи свою доверенность.

Прохладный воздух ночной Москвы навеивал тяжелые мысли. Словно перед казнью Диметра, грустно опустив голову, ехала в пустом троллейбусе, и предчувствие казни заключалось в ее предположении, будто это их последняя встреча.

«Олег, наверное, скажет собрать вещи, будет мучительное возвращение домой к родителям, конец самостоятельной жизни», – думала Диметра, услышав свою остановку.

Поодаль в свете фар очень красивого спортивного автомобиля стояли и выясняли отношения Олег с Верой.

– А вот и Диметрочка, – обрадовался Олег. – Смотри, какая у нас теперь машиночка! Теперь она наша.

– Олег, – от удивления действие порошка сразу же прекратилось. – Я и не знала, что ты умеешь водить машину.

– Это еще не все мои таланты, – сквозь смех ответил он и открыл дверь. – Покатаемся?

– Конечно, – оторопела Диметра.

– Только учти – это будет наша первая и последняя поездка. Я решил свести счеты с жизни именно так: разогнаться до двухсот и врезаться. А у тебя есть выбор: поехать со мной в последний путь или остаться, вон, Веру Сергеевну утешить.

Без раздумий Диметра села в машину и захлопнула за собой дверь.

– Что ж, погоняем, но у тебя еще есть выбор – ты можешь выйти, – снова предложил садящийся за руль и заводящий мотор Олег.

– Я уже сделала свой выбор, – совершенно спокойно ответила Диметра.

– Знаете, что... – Вера Сергеевна фамильярно показывала пальцем то на него, то на нее. – Вы оба больные люди. Вы психи!

– За то ты психически здорова, – оскорбился Олег, поднимая стекло.

– Развлекайтесь, детишки, – бросила в след она.

Олег знал, что неподалеку ведутся дорожные работы, стоит предупреждающий знак, а рядом наверняка стоит груженный горячим ароматным асфальтом КамАЗ, поэтому он, вырулив на Ленинский проспект, выключил фары и нажал на газ. При характерном звуке колес

машина разгонялась очень быстро, настолько быстро что огни, яркие огни желтого ночного города смешивались воедино и перед спокойным взглядом Диметры, привыкшей всегда смотреть собственной смерти прямо в глаза открылась картина дорожных работ: одетые в светоотражающие костюмы люди обыденно разравнивали ароматный, горячий, еще дымящийся асфальт от середины и по краям нанесенной отбойным молотком раны дороги – симметричной ямы, – а возле стоял груженный асфальтом огромный КАМАЗ со включенными фарами, на который Олег и направил машины. Казалось, исход близко, но почему? Почему Олег решил сделать это именно сейчас? И вдруг она – нелинейная неожиданность, выразившаяся в ту ночь в страшном визге, незабываемом визге тормозов. Машина остановилось на расстоянии от Камаза меньше метра.

– А теперь объясни, – серьезное лицо Олега выражало недоумение. – Зачем ты ко мне села?

– Я не могла поступить иначе. Это был единственный выбор.

– Ерунда. Выбор есть всегда.

– Нет, не всегда, – в такие моменты Диметру переспорить было не под силу никому. – Например, сажают тестируемого, дают алфавит (кириллицу) и просят выбрать одну букву. Тестируемый же не выберет ни буквы с эй до зи, ни с алеф по вет, а от а до я, потому что других там нет.

– Ты знала, что я этого не сделаю. Захоти я умереть – я бы никому об этом не сказал, а посадив тебя рядом я бы никогда тебя не убил. Признавайся, ты же у нас психолог, обо всем заранее догадываешься.

– Нет, я поехала с тобой без всякой задней мысли. Я вспомнила, как ты рассказывал о нежелании умирать от старости.

– Ди, я бы никогда тебя не убил. Во-первых, я тебя люблю, а во вторых этого бы не пережила твоя мама.

Разговор прервал стук в окно со стороны Олега. Он нажал на кнопку стеклоподъемника, стекло опустилось.

– Ты охуел в натуре??? – Гипотетический водитель Камаза был явно в бешенстве.

– Да, малость не рассчитал, – ответил Олег, поднимая стекло.

– Да оставь ты их, – раздался голос кого-то из рабочих. – Эта современная молодежь обкуритесь и считает правила писаными не для них.

– У тебя что-нибудь осталось? – Олег дал задний ход, вырулил обратно на почти что пустой от машин проспект и уже со включенными фарами ехал с разрешенной скоростью.

– Совсем чуть-чуть, – порылась в своей сумочке Диметра.

– Как?

– Должна же я была не скучно коротать время.
– Ладно, сейчас в дежурную аптеку заедем, – Огни аптеки как раз и показались на горизонте.

– Тут темно, так что сиди пока тут, а я волшебных капель куплю.
– Хорошо, дорогой мой.

Олег хотел было нажать на кнопку звонка возле окошка круглосуточной дежурной аптеки, но происходящее внутри действо заставило его чуть подождать. Внутри находились две молодые девушки в фирменной аптечной одежде, страстно обнимались и сладко-сладко целовались. Пересилив себя он все-таки нажал на кнопку и сказал оторванной от сладких губ коллеги девушке:

– Капли, пожалуйста, и две инсулинки.

Тем временем Диметра разбиралась с магнитолой, нащупав у себя в сумочке диск одного из своих любимых музыкальных проектов, пишущих музыку в стиле psy-trance – это, конечно же, были Paranoic Sensations. Нашедши на диске их прекрасных трек под названием Ritual Drugs она откинулась на сидении и в буквальном смысле этого слова утонула в их прекрасной электронной музыке.

– Молодец какая, – похвалил Олег, сев и закрыв за собой дверь.

– Купил, зай?

– Угу. Вот, убери шприцы к себе в сумочку – вены мы сегодня тормозить не будем. Приготовь носик.

Диметра повернулась к нему, в готовности принять волшебного зелья чуть запрокинув голову назад. Олег медленно скапал ей ровно половину пузырька, остальное почти струей влил себе в нос и потянулся в карман.

– Сейчас Верке напишу, как она добралась, и поедем домой.

Вскоре на сообщение пришел ответ, на который Олег резюмировал:

– Ну и отлично. Ее любитель плющевых мишек приехал и забрал.

– Любитель плющевых медвежат?

– Да, ее муж. О-о-о, про медвежат – это давняя история, но я не уверен, хотела бы ты ее услышать. – Голос Олега становился заторможенным, а чудесно желтые огни ночного города находили приют в отражении его неотразимых глаз.

– Почему же? Мне все связанное с тобой интересно.

– Нет, не со мной. Ладно. Дело было так. Жила-была в лихие девяностые простая семья: муж, ожидающая ребенка жена. Ничего не подозревая они пошли в ближайший магазина купить своему будущему ребеночку пеленочки и распашоночки. И тут она попадает под автоматную очередь одной из двух пересекшихся из-за передела сфер влияния

организованных преступных группировок. После неудачной попытки суицида молодой журналист на могиле своей жены и не родившегося ребеночка поклялся, во что бы то ни стало отомстить. Он начал журналистское расследование, спустя год вышел на Нью-Хейвен (так раньше назывался Рецитал), скопил определенную сумму денег. Дело в том, что Верка в то время была элитной, самой высокооплачиваемой девочкой того заведения, мечта любого геронтофила, и, понятное дело, с зарплатой простого журналиста подобраться было не реально. Сняв ее он выяснил, что тогдашнего босса она не просто ненавидела, а мечтала управлять его элитным салоном интимных услуг. Так же он узнал, что это именно его люди убили жену. Они начали с малого и за один день: сначала Верка в упор застрелила их казначея, выгребла все деньги из сейфа, журналист расстрелял в упор босса, но сам при этом получил ранение в голову от его охраны. С того момента он не то, чтобы не смог заниматься сексом, а мог получать оргазм только исключительно от старательного облизывания плющевых мишек и искусственной шерсти других детских мягких игрушек. Потом дела у них пошли в гору, заведение стало называться Рецитал и приносило им несметное богатство наравне с продажей волшебных порошков.

Парковка, звон ключей, Олег зашел первым, Диметра за ним заперла дверь и посмотрела, как он медленно пошел в ванную.

– Я налью нам Мартини?

– Диметрочка, а руки помыть? Мы же с улицы пришли.

– Сейчас помою.

Налив бокал она нашла Олега в спальне, мирно сидящим на кровати, смотрящим в окно и улыбающимся своим мыслям.

– О чем задумался? – Диметра любила иногда говорить его словами.

– Напугала! – вздрогнул он. – Зашла так тихо, прямо как привидение.

– Держи, – протянула она стакан, села рядом, и не столько обняв, а сколько прижавшись к нему.

– Моя ты прелесть, – инстинктивно ответил объятьем на объятье он. – Я думаю вот о чем. Как бы хорошо сбежать ото всех них, сбежать с тобой инсценировав нашу смерть. Искать нас не будут, разве что твои родители, да жалко мне их, а так жили бы в дали ото всех в доме посреди леса.

– Как романтично. – Диметра сделала несколько глотков из бокала Олега и передала обратно. – А что мои родители? Ну поплачет мама, ну утешит ее отчим.

– Дим, – серьезно прервал Олег. – Они тебя любят. Ты бы видела, какие твоя мама пишет сообщения мне в социальной сети?

– Какие?

– А такие, что забыла как ты выглядишь. Все приглашает и приглашает нас в гости.

– Зай, я хочу жить самостоятельно и с тобой, а не с ними.

– Ну Диметрочка, ну пожалуйста, – Олег просил тоном маленького мальчика, просящего купить мороженое. – И потом... Мы одиннадцать лет вместе, а я даже с твоим отчимом не познакомлюсь ни как; а еще я до мурашек по телу мечтаю поспать на твоей кровати, годами впитывавшей все твои соки до нашего знакомства. Давай в выходные съездим к ним? Покажешь свою квартиру.

– Ладно. Хорошо. Глядя в твои глаза отказать просто невозможно.

– Ах ты, ах Медуза!

– Воланд!

– Бешеная_матка!

– Кай_Крапивник!

Олег, не долго думая, поставил бокал на стол, привлек ее губы. О, как восхитителен поцелуй с ним – поцелуй вкуса Мартини Бьянко. Их диалог со стороны вряд ли кому был понятен, На самом же деле это была игра в чатовские ники.

– Я очень устал, – сказал Олег в ответ на расстегивание пуговиц рубашки и прикосновение к груди. – Погаси свет. Давай спать.

– Давай, – печально ответила Диметра не в состоянии оторвать взгляда от него, снимающего рубашку и брюки.

О, как же великолепна его грудь, чью практически идеально гладкую плоскость нарушали исключительно никогда не падающие, всегда торчащие соски. Просто смотришь и не можешь оторвать глаз.

Выключив свет, вторя Олегу, Диметра сняла остатки стесняющей одежды, ложась рядом с ним.

– А я новую игру придумал, – не мог уснуть он.

– Какую?

– Завтра узнаешь, а пока спи и пусть тебе снятся яркие эротические сны.

– Ты – мой лучший эротический сон, сон наяву.

– Я не сон, а живой и реальный.

– О, да... Живее всех живых и сексуальнее всех сексуальных.

– Ди-и-и, прекрати, а то я точно не усну. Давай поговорим на снотворные темы?

– У меня тоже сон не идет. А как называется такое состояние – сон с открытыми глазами?

– Сомнолентность. Это по твоей части как раз.

– Как лунатизм?

– Не–а. Это как шубообразка. Стоит вполне себе адекватный человек, занимается обычными для себя делами, а потом оп–па и впадает как в транс, спит с открытыми глазами стоя и даже видит сны. Уснула?

– Не–а, тебя слушаю.

– Расскажи о чем–нибудь.

– О! Сейчас мы стопроцентно уснем. Реши такую задачку. Предприятие может предоставить работу по одной специальности четырем женщинами, по другой – шести мужчинам, по третьей – трем работникам независимо от пола. Сколькими способами можно заполнить вакантные места, если имеются четырнадцать претендентов: шесть женщин и восемь мужчин?

– Если мне не изменяет память, то одна тысяча шестьсот восемьдесят способов, дорогая. Это старая задача. Давай что–нибудь посложнее.

– Хорошо. Восемь рыцарей каждый год в установленное время собирались за круглым столом и устраивали общий пир. При этом они всегда выполняли одно условие: всякий раз у каждого рыцаря была новая пара соседей. Какое наибольшее число лет могли продолжаться подобные встречи?

– Доброе утро, моя принцесса.

– А сколько времени, мой Рыцарь? – сонно, сквозь зевоту спросила Диметра.

– Половина второго, зай.

– Что–о? Я же на работу опоздала!!! – мгновенно проснулась та.

– Диметрочка, успокойся. Сегодня суббота. У тебя все дни смешались в одну общую массу.

– Как хорошо, – расслабилась она.

Любопытные дневной свет, пытаюсь пробиться сквозь песочного цвета шторы, падая на письменный стол тонкой полоской. Заведя руки назад и упершись ладонями в стену Олег потянулся и зевнул, потом еще раз, но уже окидывая в то утро взором кровать: тонкое летнее одеяло бесформенно оказалось упавшим на пол, простынь под Диметрой скрутилась в канат – и в этот момент его проникновенный взгляд нашел приют в мутных, полусонных глазах Диметры.

– Ну что, встаем?

– Милый, у меня нет сил стащить себя с кровати.

– Ничего, – резко поднялся с кровати он. – Сейчас ты у меня будешь бодрящей–бодрящей.

В противовес комнатному полумраку, на кухне дневной свет распластался во всей красе. Насыпав четыре ложки растворимого кофе, три ложки сахара в красную чашку Диметры и две без сахара в свою он, вернувшись в комнату, обнаружил стоящую перед приоткрытой шторой Диметры. Подкравшись тихо, как призрак, он подошел сзади, обхватил за талию нежно прошептав на ухо:

– Пошли, я сделал нам кофе.

Уличный термометр показывал стабильные сорок градусов выше нуля. Именно в такую жаркую погоду не зеленый или женьшенево-имбирный чай с солью могли вернуть силы, а горячий кофе с сахаром. С каждым глотком он возвращал к жизни, накрывая тело силой и сознание новыми идеями.

– Ну вот, Диметрочка, наконец-то у тебя загорелись глаза.

– Ага, зай. Ожила.

– А теперь можно и по гостям? – имел в виду поездку в ее родителям он.

– Можно, – чуть расстроилась она. – Только ты обещал новое развлечение

– Я помню, дорогая, – хитро улыбнулся он.

– Что ж, пойдем одеваться.

– Тебе лучше пойдет унисекс. – Шкаф с одеждой раскрыл все свое многообразие. – Вот, держи.

– А я одену песочные чиносы под темно-синие кеды и белую рубашку на выпуск со светло-синей вертикальной полоской.

– Тебе проще, дорогой. На красивом теле даже мешковина с криво прорезанной промышленными ножницами дыркой для головы смотрится красивее любого дизайнерского решения.

– Что-о? Проще??? Это на тебе что ни оденешь – то красиво, моя ты красавица.

– Нет, это ты красавец, а я толстая и страшная!

– Ты не толстая – ты нормальная. Уж кто-кто, а страшный из нас я.

– Да как ты можешь о себе такое говорить?! Ты красавец! А я стопроцентная уродина. Смотри, какое у меня противное жирное пузо.

– Не пузо, а миленький животик. Все. Хватит со мной спорить. Одевайся давай.

Из колонок редко выключаемого компьютера донесся звук о новом письме.

– Ты готова?

– Сейчас, да. Тут кто-то письмо написал.

– Пошли уже, – Олег пытался за руку заставить ее встать с кресла. – Ты со своими компьютерами скоро ослепнешь.

Солнечный день на улице создавал прекрасное настроение: яркие краски зелени, отбрасывающие тень раскидистые деревья. Стоя в пробке были прослушаны все новости по радиостанциям.

– Здравствуйте. – Голос Диметры вырвал консьержа из прострации.

– Здравствуйте. Вы в какую квартиру?

– В сто тридцатую. Вы. Должно быть, не узнали меня я Дима. Вот, приехали к родителям.

Диметре было мучительно неприятно называть себя в мужском роде, ощущение будто психику берут и выжимают словно половую тряпку. Те же ощущения она испытывала, когда кто-то обращался к ней в мужском роде, кое-как привыкнув когда ее так иногда называет Олег. Привыкая жить с ним она поначалу считала обращение «Дима» оскорбительным, будто он целенаправленно ее обижает, хочет уколоть. На самом же деле это было не так; Олег называл Диметру в мужском роде только когда хотел сказать нечто важное, серьезное.

– Минуточку. – Консьерж набрала номер телефона.

– Алло. Елене Геннадьевна? Тут какой-то Дима с молодым человеком. Говорят, к вам, – сообщила она – А? Что? Хорошо. Проходите.

– Она приняла нас за парочку геев, – расхохотался Олег, будучи в лифте.

– Хм, ты бы вряд ли разрешил пойти к родителям в женском платье.

– Конечно, Ди! Так же смешнее! Меня так и подмывало крикнуть в ее тупые глаза: «да, мы пара педиков, ебемся в жопу и хуи друг другу сосем».

– Ее б инфаркт хватил, не выдержала и рассмеялась в ответ Диметра.

Звонок в дверь, дверь открыла мать Диметры.

– Здравствуйте, Елена, – резюмируя долгое ожидание встречи, поздоровался Олег.

– А вот и мои хорошие! Проходите, мы вас уже заждались, на стол тут накрыли!

– Привет, мам, – скупно на эмоции поздоровалась Диметра.

– Сыночка, похорошел-то как. Дай, я на тебя посмотрю. – Елена Геннадьевна обняла Диметру крепко, будто не видела лет двести, после чего переключила внимание на Олега:

– Ну как вы? Рассказывайте. Оля, боже! Ты совсем исхудала, но ничего, ай-да за стол.

– Во-о-о, какие люди! – Воскликнул отчим Диметры, глядя на обнявшуюся неразлучную пару устроившихся сидя в обнимку на диване.

– Это Георгий, мой муж.

– Очень приятно, – Олег по-мужски поздоровался за руку.

Удалившийся Георгий вернулся с запотевшей бутылкой шампанского, мастерски ее откупорил и разлил по четырем бокалам.

– Не-е, я за рулем, – пытался произвести положительное впечатление Олег.

– Ничего, останетесь у нас, – уговаривала Елена. – Димина комната в вашем полном распоряжении. А то когда еще приедете.

– Ну ладно, – хитро прищурился в ответ Олег, встав во всей своей красе.

– За встречу! – произнес тост отчим Диметры чуть подвыпившим доброжелательным тоном.

– За встречу, – вторил Олег.

– Как же я рада, что вы приехали!

– Я... – Георгий вопросительно посмотрел на Елену, понявшую ее с полуслова.

– Угу, иди покури.

– Да мне бы тоже покурить не мешало, – предложил Олег.

– Гош, покажи Оле наш балкон, – в ответ на что Диметра укоризненно посмотрела на продолжившую фразу мать. – А ты, Дим, потом покуришь. Ешь давай!

– Хороший у вас балкон, – закурил Олег.

– Ты расслабься, чувствуй себя как дома, – пытался поддержать разговор Георгий.

– Чувствуй себя как дома, но не забывай что находишься в гостях? – рассмеялся Олег.

– Забей. Лучше о себе расскажи.

– А что рассказывать? – сделав очередную затяжку пожал плечами Олег. – По образованию медик, врачом-хирургом работаю, живем вот Димой одиннадцать лет, в соавторстве стихи и рассказы пишем. А Вы?

– Да ну тебя. Давай на ты?

– Давай.

– Я тоже медик, – заинтересованно ответил Георгий.

– Удивлена, – ответил Олег.

– Ха-ха, – у Георгия был странный голос.

– Что? – Олег поднял бровь.

– Ну... Ты говоришь «удивлена». Мы с Леной были на вашей с Димкой страничке, вы что-то вроде пары наоборот: ты парень, а он – девушка.

– Ну... Вы... Ты понимаешь, мы не можем идти против своей

природы. – Это был один из редких случаев в жизни, когда Олег покраснел.

– Вот и не надо идти, – совершенно спокойно и толерантно говорил Георгий. – Нам пофиг кто вы: он, она, оно, только приезжайте почаще. Лена, вон, на Димку наглядеться не может.

– Это моя заслуга, – гордо выпрямился Олег. – Димку к вам вообще не вытащить.

– Да я так и понял. Пошли к ним, а то он опять начнет о паразитах грузить.

– О паразитах? – Не понял Олег.

– Ну да, а ты ни разу не слышал? – Георгий уважительно обратился к Олегу в мужском роде.

– О чем?.

– Дима когда заскучает или перепьет – сразу заводит разговор о кишечных паразитах.

– Да-а?

– Ты бы слышал, ходячая энциклопедия.

Вернувшись Олег сразу же сел рядом с придремавшей Диметрой, взял ее за руку.

– Просыпайся, Дорогая, я пришел!

– Дорогой мой, – обняла она.

– А мы с Георгием очень мило побеседовали.

– Оль, – мать Диметры вдруг осеклась. – В смысле, Олег, ты б хоть поел что-нибудь. Сделать тебе бутерброд с сыром.

– А вот это я бы съел.

Диметра вдруг очень странно на него посмотрела.

После выпитого шампанского Диметру снова начало клонить в сон.

– Может, вам полежать? – предложила Елена.

– Диметрочка, пойдем.

– Гош, покажи Олегу спальню, – сказала Елена, после что-то прошептав на ухо Георгию.

– Ребят, мы пойдем погуляем, а вы пока тут побудьте, – предложила Елена.

– Сейчас, Ди в себя придет и мы домой поедем.

– Что вы? Оставайтесь на ночь, а мы пока к моим родителям сходим.

– Да ну, как-то не удобно.

– А что тут неудобного? Мы как раз у Гошиных родителей собирались ночевать, – подмигнула Георгию Елена.

– Ну да. А вы у нас переночуете, – Георгий и Елена одевались.

– Все равно не удобно.

– Да брось! Две бутылки шампанского в холодильнике, ничего не жалейте, а мы вернемся только завтра к середине дня.

– Хорошо.

– Пока. Закроешь за нами дверь?

– Закрою, – проводил обоих Олег и повернул ключи в двери.

– И–и–и–ха–а–а–а! – Олег прыгнул на старую кровать Диметры с разбега, потом перевернулся на спину распластавшись по ее застеленной ровности всей тонкой пентаграммой своего почти что невесомого тела. – Вот это у тебя кровать.

– Нравится? – удивилась Диметра его ребячеству, присев рядом.

– Еще как! – Изменив позу, Олег пододвинулся и приютил голову на ее коленях. – Давно мечтал побывать дома у самой странной хулиганки всего интернета.

– Ну, какая же я хулиганка, зай? – Диметра нежно убрала волосы с его лба, чуть забрав их назад, чтобы погладить.

– Еще какая, – добродушно улыбнулся он.

– На то и интернет, чтобы в нем колбасить по полной программе. – Диметра утопляла пальцы в его немногочисленных волосах, нежно и расслабляюще поглаживая по голове.

– Разгильдяйка, – любя издевался он согнув ноги в коленях, вдруг направив ясный взор прямо ей в глаза.

– Что? – поллюбопытствовала она.

– Твой Олег очень хочет пи–пи.

Это была с одной стороны типичная черта характера Олега и в то же время с другой стороны обезоруживающий прием в любых спорах – непосредственное выражение лица маленького мальчика.

– Очень? – сладким, флиртующим тоном переспросила Диметра.

– Очень–очень.

– И как же ты будешь пи–пи?

– Для начала ты покажешь, где тут туалет, – с тем же детским выражением начал он. – Хотя нет, ванную, снимешь с меня штанишки. Я же не умею писать сам, правда? Снимешь трусики и покажешь как это делается, как писают мальчики, как они одаривают тонкой струйкой сухие ротки своих девочек.

– Пошли, – возбужденной дрожью в голосе предложила Диметра, сжав его руку.

– Вот это да! Твоя ванная! – Олег изучающе крутил головой, рассматривал шторы, вертел в руках пузырьки с гелями для душа, шампунями.

– Это моя не первая ванная.

– А какая была первая? Наверняка ты именно там воплотила свои первые фантазии?

– И как тебе это удастся?! Ты словно меня с пеленок знаешь, – восхитилась и в то же время удивилась Диметра. – Раньше мы жили в обыкновенной старой пятиэтажке с совмещенным санузлом и типовой желтой шторкой для ванной. Родители уходила на работу, я ухаживала за полупарализованной бабушкой и когда она засыпала я запиралась в ванной, выключала свет представляя себя девушкой, писала себе на руки, пробовала мочу на вкус запах, а однажды сходя в туалет попросту забыла за собой смыть. Как сейчас помню: бабушка доходит до туалета держась за стену (ее путь занимал минут сорок), видит ЭТО, зовет меня и, обзывая засранцем, берет мои каловые массы прямо в руку из унитаза, берет и измазывает мне лицо как нагадившему котенку. Впервые ощутив их на своем лица я не испытала ни отвращения, ни рвотного рефлекса, ни желания их смыть – мне это дико-дико-дико понравилось. Будучи подростком я часто с собой это проделывала. Никогда не забуду – это второе из ярких воспоминаний детства.

– Офигеть!!! Как же я возбуждился!

Олег не переставал удивляться прекрасному убранству ванной с многообразием различных пузырьков с шампунями и прочими мытейными принадлежностями. Они были предоставлены сами себе, их не могло ни чего остановить, воплощение фантазий в реальность по обоюдному согласию ограничивалось лишь табу их фантазий, их тела были воспламенены желаниями, их глаз пожирали друг друга. Олег старался попасть ей не только на лицо, а действовал еще более филигранно, направляя весь вкус, весь аромат ей в рот.

– А теперь вылижи мне анус, – протяжно попросил он.

Диметра была в восторге, ведь ничего нет более сексуального чем вылизать. Нет, не только один лишь анус, вылизать его всего, познавая кончиком влажного языка каждый изгиб его тонкого тела, каждый шрам, каждую клетку кожи. Раньше она считала мочу его истинным вкусом, вкусом узнаваемым из тысячи, теперь же аромат, вкус его ануса заполнял сознание без остатка новыми неведомыми красками.

Сексуальное возбуждение порой может сыграть ироническую шутку: коитус, сексуальная разрядка, как известно, далеко не является ни всевозможными вида секса с партнером или партнерами, всевозможными видами самоудовлетворения; существует и одна негативная сторона, ведь при достижении крайне сильного возбуждения артериальное давление

повышается, прибывая к гениталиям так, что разрядка, коитус происходит сам собой, без помощи даже рук. Достигать наслаждения одновременно – это словно сливаться в танце под один и тот же трек в стиле psy-trance.

– Диметрочка, а у тебя есть фантазия которую ты не воплощала в жизнь, но очень бы хотела?

– Их много, любимый, очень много. А еще...

– Что?..

– Я очень хочу писать.

– Хорошо, я погашу свет, мы перенесемся в твое детство, тебе будет пять лет, будешь писать в ванную, будешь моей девочкой, – буквально читал ее мысли Олег.

– А ты будешь моим мальчиком, которого я всегда представляла, – почти что описалась от счастья она.

– У тебя был вымышленный мальчик?

– Не только, у меня был целый мир в голове: вымышленные друзья, вымышленный любимый.

– А друзья – они были твоего возраста?

– Нет, я представляла их гораздо старше, все они были мужского пола.

– Ну а ты женского?

– Ага–а–а, – сладко протянула Диметра в ответ гаснущему свету.

Жар его тонкого обнаженного тела нельзя было не почувствовать и в крошечнейшей тьме опустошенной ванной. Воображение дорисовывало невидимое: как он, едва очутившись внутри, закрыл за собой дверь; как он медленно, боясь поскользнуться, сел напротив нее; как он согнул ноги в коленях; как он устремил внимательный взор гипотетически ей в глаза в ожидании увлекательной истории; как билось его сердце, как он учащенно дышал; как его торчащие соски нарушали плоскость груди; как он витал в ожидающей улыбке, сжав ее руки в своих. И она начала.

– Я часто возбуждалась от фантазий наказания, представляя порку. Позже, лет к пятнадцати, в голове маячила лишь одна фантазия. Меня застают за мастурбацией, используя всю великую могучесть ненормативной лексики ругают, просят подождать и приносят огромную клизму, жестко, без всякого оливкового масла, жестко до острой боли вводят в анус и выпрыскивают медленно и мучительно все ее жгучее содержимое в меня, я прошу остановиться, но экзекутор, жестокий и непреклонный исполнитель наказания, мой палач продолжает и продолжает, не обращает внимания ни мои слезы, ни мои вопли, лишь приказывает: «молчи, сука, молчи, тупая блядь» и продолжает, продолжает, продолжает, вытаскивает, извергаюсь в ванную всем содержимым прямой

кишки, после чего меня просят съесть это, выпить, вылизать ванную дочиста, проглотить все до последней капельки.

– У меня фантазия с точностью до наоборот, любимая. Помнишь, когда ты впервые пришла ко мне?

– О–о–о, это не забываемо. Прошло более десяти лет, одиннадцать если быть точной, а тот день до мельчайших подробностей ласкает разум. «Девушка, закурить есть?» спросил ты, будучи веселым и пьяным красавчиком оставил адрес. Будучи красавчиком, на улице ни чем не отличимым от парня. Мысли о тебе не покидали всю ночь. Знаешь, я и представить тогда не могла, что мы будем жить вместе. Твой дом станет и моим тоже, и что я наконец–то отсюда уеду, уеду от родителей.

– Ха! Меня все за парня принимают... Так вот, моя бывшая взмокала от одного только вида клизмы, стоило при ней нанести смазку для анального секса – она почти что кончала, а открыл в ней это я.

– Жаль, в моей мастурбации никогда не было клизмы, были только сосиски?

– Сосиски?! – сквозь смех переспросил Олег.

– Угу. Хочешь посмотреть? У мамы в холодильнике наверняка есть.

– Да я не просто хочу – я горю желанием ЭТО увидеть. Воспроизведешь все как ты делала? А я посмотрю и помастурбирую.

Первой из ванной на ощупь вышла Диметра, оправившийся на кухню за ней Олег включил свет. В холодильнике действительно лежала не раскрытая упаковка сосисок, спустя несколько секунд, из которой она достала одну, не снимая оболочки, отправилась в комнату, включила запыхавшийся за годы ее отсутствия компьютер:

– Хорошая мастурбация не живет без хорошей музыки, – запустила она музыкальный файл под названием `Hallucinogen_–_live_at_dna_lounge.mp3`.

Сняв тонкие белые трусики и нащупав пальцем, анальное отверстие Диметра аккуратно его разработала для вожделенного принятия сосиски: начинается оно с тонкого жжения, потрясающего чувства проникновения внутрь и продолжается экстатическими ощущениями, проступающими капельками пота по лбу. Оставив небольшой кончик сосиски снаружи она села на кресло, чтобы эффект был еще больше, нашла в компьютере подходящее видео, в основе сюжета которого были две девушки, сидящие в ванной и писающие друг на друга. Местами, замедляя видео, местами проматывая назад Диметра смотрела и таким образом достигла коитуса.

Последующее возвращение домой, целая скучная мучительна работа ее не радовали – она ждала следующих выходных. И вот они, вечер

пятницы.

Теплый летний вечер не радовал, квартира, ставшая для Диметры домом, настоящим домом о котором она мечтала всю сознательную жизнь, казалась пустой, холодной и не уютной, еда была безвкусной, Мартини не пьянило. Без него все не так. Вечер пятницы, завтра нет необходимости вставать рано, идти на работу. Не радовало и это. Олег редко задерживался после работы и это время мучительного ожидания Диметра переносила крайне остро: вилки валялись из рук, абсолютно ничего не радовало. И вот, вот наконец наступил в тот вечер счастливейший момент: звон ключей, скрип металлической входной двери, щелчок выключателя в маленьком узком коридоре, давший возможность лампочке осветить полуободранные и полуразрисованные обои, один слой которых обнажал газетную бумагу и второй слой, за ним третий и так до бесконечности – странный пережиток советской эпохи, когда было принято при ремонте не клеить новые обои на старые, а не на голые стены. Оставаясь дома одна Диметра любила рассматривать их рисунок, тихонько отклеивать слой за слоем – словно машина времени.

– Любимый! – воскликнула она, наблюдая за разбувающимся Олегом.

– Дорогая... До-ро-га-я моя, – произнес он заторможено в ответ.

Синие джинсы идеально облегали его тонкие-тонкие ноги, белая майка с принтом из серых букв еще более идеально подчеркивала всю тонкость его тела, все сорок шесть килограмм его сексуальности – именно столько он весил, оторвать взгляда было невозможно. И тогда Диметра заметила: он же весь мокрый, на спине размазана земля, в волосах тоже.

– Олеженька, наконец-то ты пришел! Три часа ночи, я уж не знала, что и думать...

– Диметрочка, осторожнее, я в лужу свалился, весь грязный, – отшатнулся от ее объятий он, снимая солнцезащитные очки.

Его взгляд... Не знакомый, бегущий, не осмысленный взгляд огромными зрачками.

– Как же ты так?

– Да.. Понимаешь... Заехал к Вере Сергеевне, а до дороге домой...

– Ты, наверное, в аптеку зашел, не рассчитал дозу.

– Почти угадал. Смотри, что у меня есть, – протянул маленькую пластиковую тубу с надписью Домормил Олег.

– Снотворное?

– Не-а, ты открой.

Содержимое тубы оказалось мелким белым порошком.

– Это же похоже на...

– Чистейший белый снег, – прервал фразу он, поясняя дальше. – Чище некуда, на себе проверял. Мне надо в душ, а после вместе и употребим.

– А можно, я помою тебе голову? – робко спросила Диметра.

– Даже нужно, – улыбнулся в ответ он.

И уже спустя пару минут вечер продолжался в ванной. Для Диметры это было счастьем: нанести шампунь на его голову, аккуратно размыливать ее нежными плавными движениями тем временем рассматривая всю восхитительность, всю идеальность тела Олега. От великолепия, слегка искаженного стекающими вниз каплями пены, невозможно было оторвать глаз: это и пальцы ног с аккуратно и ровно постриженными ногтями, будто призывающими нежно облизать их языком, каждый палец; это и тонкие–тонкие ровные ноги, подчеркнутые остротой овальных коленей и оканчивающиеся гладко выбритым лобком; это и живот, одновременно подчеркнутый его глубоким овальным пупком, продолжающийся очертаниями каждой кости его ребер; это и грудь, как у маленького мальчика абсолютно маленькая, чью плоскость нарушала только всегда торчащие соски, которые летом всегда было видно даже если он одевал на майку рубашку; это и тонкая шея, увенчивающая его лицо, идеальное лицо, лицо с грубыми чертами, будто бы являющееся логическим довершением всей грубой пластике, лабильной гибкости его тела, лицо с волевым подбородком, тонкими губами, маленьким ровным аккуратным носом, будто прищуренными чуть раскосыми глазами, глубоко посаженными глазами, покатым лбом и черными как смоль волосами.

Диметра больше была нал собой не властна. Возбуждение накатывало и накатывало со все большей и большей силой, и вот оно стало настолько сильным, что оно даже стеснительно зажала его между ног. Оно и не удивительно, ведь пред столь великолепным телом любая девушка чувствовала себя неполноценной, не красивой, уродливой, не заслуживающей его внимая.

– Ты что, – прервал тишину Олег. – Расслабься. Ты возбуждена – это нормально, тебе не за чем так передо мной стесняться.

– Но... Ты слишком прекрасен, милый. Порой даже не верится, что ты реальный, настоящий.

– В пору стесняться скорее мне, – нежно лакал между ног Диметру Олег.

– Почему? – если от возбуждения сумела спросить она.

– Потому что этому две причины: первая – я очень хочу писать, вторая – в воспитании.

– А как ты хочешь писать? – дрожал голос Диметры еще сильнее.

– Я три чашки чая на работе выпил и терпел всю дорогу только, чтобы приходи домой и посмотреть, как мастурбируешь глядя на мою соленую струйку, оближешь мои ноги.

– Каждый твой мокрый, соленый пальчик, зай.

– Ты моя милая... Да... Вылижи мне ноги, а для начала смой шампунь с моей головы.

После чего Олег присел на корточки и опустил голову. Диметру такая поза возбуждала еще сильнее, ведь таким образом подкожно обнажались очертания его позвоночника, каждого его позвонка, очертания его ребер. И вот, шампунь была смыта, Олег был чист и мокр, лег на противоположную сторону ванной, и Димера принялась облизывать его поистине божественные ноги, каждый палец, ступни, пятки, лаская себя при этом.

– Моя ты милая, – начал Олег, – усталость как рукой снимает.

Настоящее

Поправив резким движением руки свои черные как смоль волосы Олег в ту ночь встал с кровати. Свет полней луны на правах не то чтобы властного хозяина, а скорее изучающего свои владения расплывчатой грацией кота обволакивал стекла и рамы окон, распахнутые шторы и подоконник.

– Диметрочка, проснись, дорогая, – нежно прошептал он протянув монотонно белую кружку. – Я принес тебе теплого молока.

– Дорогой мой, – улыбнулась Диметра.

– Ты сильно кричала, вот решил разбудить. Кружка молока – лучший способ уснуть.

– Да? Так кричала?

– Угу, – кивнул Олег, взяв ее за руку. – Ты часто кричишь по ночам, иногда даже бьешься кулаками в стену.

– Надо же, а я и не знала раньше.

– Конечно не знала, ты же до меня ни с кем не спала.

– Да, – кивнула Диметра.

– Пойдем, милая. Я уже приготовил ванную

– Ванная... Ночью... Настоящий сюрприз.

– Конечно, я же твой парень – настоящий мачо, – доброжелательно улыбнулся Олег обнажая свое прекрасное тело. – Сначала я наполнил ванную водой горячей–горячей, чтобы она достаточно прогрелась, потом слил ее и разбудил тебя выпив почти что залпом два литра воды. Твой нежный ротик ведь наверное заждался моей Золотой струйки?

– Да, милый, – кивнула Диметра забираясь в ванную вслед за Олегом и ощущая все накачивающее и накачивающее возбуждение.

Устроившись по противоположную сторону ванной, согнув ноги в коленях и положив в скрещенном виде обе руки на собственные гениталии она внимательно в тот вечер принялась рассматривать сидящего напротив Олега.

Она помнила его тело до мельчайших подробностей: без какого бы то ни было лака аккуратно подстриженные ногти украшали пальцы его ног, тонких аккуратных ног; острые овальные колени, гладко выбритый лобок, грудь со всегда торчащими сосками, черные как смоль короткие прямые волосы, которые он любит выбеливать до пепельного цвета. Его тело было идеальным объектом для мастурбации.

Для Диметры проблема сравнения виртуальных объектов для мастурбации с объектами из реальной жизни всегда казалась несколько парадоксальной. С одной стороны в режиме онлайн участвующие в виртуальном общении, люди из видеочатов, модели с платных эротических сайтов, эротические голосовые развлечения по схеме «Разговоры только для взрослых» качественно конкурировали с платными эскорт-услугами, вызовами парней или девушек на ночь или то же самое, но уже в апартаментах с полным набором эротических услуг. Парадокс для нее заключался в том, что ни те ни другие не обладали и малейшим намеком на свойство заполнить собой душевный вакуум. Еще со школьной скамьи, а в последствии и в чреве аудитории любого уважающего себя ВУЗа ученикам и студентам вводят в лексикон простейшие математические понятия переменных и констант, по сути являющихся прикладными – применимыми во всех сферах как онтогенеза так и филогенеза. В роли таких прикладных переменных выступают, в частности, своеобразные лотерейные билеты, на протяжении всего жизненного пути приобретаемые человеком – ни что иное как персональные иллюзии. Концептуальный смысл подобной иллюзорности бытия заключается в перспективе выигрыша при латентно сохраняющейся относительной неизбежности индивидуального проигрыша. Иллюзии, не зависимо от того, индивидуальные они или коллективные, рано или поздно, подобно гиперкубу из одноименного фильма, обретают измерения. Под измерениями следует понимать ту их многомерность, которая возникает при иерархическом формировании как множества иллюзий, так и только фантазией ограниченных подмножеств не способных сформировать атмосферу заполнить душевный вакуум. Данной способностью обладал исключительно Олег Ковалев.

Перед самым концом, когда Диметра была уже готова достичь коитуса Олег, присев прямо над ее приоткрытым ртом, оросил столь вожделенным мочеиспусканием ее жаждущие губы.

– Тебе нравится, дорогая, как я на тебя писаю? – нежно спросил он.

– Да, любимый, – задыхаясь от нахлынувшего оргазма едва могла ответить она облизывая пальцы с закрытыми глазами.

И вот наконец цель была достигнута, следы любви стекали с ее ног, и в ту ночь, еще одну ночь проведенную с Олегом Диметра была счастлива.

– О, боже! – воскликнула она медленно открывая глаза. – Как же я тебя люблю!

– Да брось, Плазик, – загадочно улыбаясь во все лицо и при этом хитро прищурив глаза вдруг начал Олег. – Ты любишь не меня, а только мой

образ, тот мифический идеальный образ что существует в твоей прекрасной головке и не соответствует действительности. Признайся, что одень я платице, покрась я ногти, отпусти я волосы – ты же первая бросишь в меня камень. Вот я – я действительно тебя люблю, Диметрочка. Уходя на работу мечтаю: лишь бы рабочий день, скучные лица моих больных, коллег – чтобы все это быстрее кончилось, быстрее настал вечер, чтобы прийти домой, обнять тебя, поцеловать вдыхая аромат твоего тела.

– Любимый, это не так. – губы Диметры задрожали и глаза были готовы заплакать. – Когда ты уходишь я тенью твоей мечтаю стать и ночь сна как самое тяжелое расставание.

– Ну все–все, тихо, – сжал он руку Диметры. – Только не надо плакать! Я про платье пошутил, одевал правда пару раз, но это было еще в школе, даже фотография «первый раз в первый класс» сохранилась, где в белом фартучке и с бантиками.

– А покажи.

– Уверена?

– Да.

Встав первым Олег продал руку Диметре, чтобы она не поскользнулась в сколькой мокрой ванной.

– Вот, а на этой фотке мне четырнадцать лет, – рассказывал он медленно перелистывая тяжелый альбом с фотографиями. – Я тогда сорок два килограмма весил.

– Какой красивый!

– Что и требовалось доказать! Тебе нравится только мое тело, а не я сам как таковой.

– Нет же! Я люблю тебя.

– Нет, Диметрочка. Это я тебя люблю, причем со всеми твоими недостатками.

– Недостатками?

– Ну да. Со всеми–со всеми.

– Например, с какими?

– А с такими, что ты не любишь ни себя, ни окружающих, – внимательно посмотрел на Диметру Олег. – Ты зла на весь белый свет, всем завидуешь. Это разрушает тебя.

– Не говори так. Это не так.

– А кто тебе еще скажет правду если не я? Слова другого ты в штыки воспримешь.

– А кто этот смешной молодой человек? – Спросила Диметра, глядя на очередную фотографию, на которой с ним был запечатлен обнимающийся

Олег.

– А это мой первый парень, о котором я много тебе рассказывал. Он еще тогда весил восемьдесят. Смотри, какая пухляшка. А подсев на порошок он стал резко терять в весе, ну а чем это закончилось ты должна помнить.

– Да... Он умер у тебя на руках.

– Он был философом вроде тебя: по утру не мог вспомнить куда положил носки, зато помнил наизусть труды всех мало-мальски известных экзистенциалистов. Чудной был до жути. Когда я окончательно переехал сюда ухаживать за бабушкой, так он нашел меня пообещав уговорить мать прекратить водить меня по психиатрам.

– По психиатрам? – глаза Диметры раскрылись удивления. – Ты никогда об этом не рассказывал.

– А тут и рассказывать особенно нечего, – махнул рукой он. – Энгельс – это город очень маленький, слухи разносятся быстро. Маме кто-то донес, что я стоял и целовался с девочкой, после чего состоялся серьезный разговор.

– И что было дальше?

– Я не стал отпираться, рассказал что впервые я ощутил себя мальчиком в двенадцать лет и каждое утро говорю себе перед зеркалом: «я парень, я парень, я парень». После такое началось. . Она решила, что наши местные врачи не помогут, только московские. Так и состоялось мое первое знакомство со столицей нашей Родины.

– А дальше? Они упрятали тебя в психушку?

– Нет. Время брежневской карательной психиатрии к тому времени уже прошло. Я сумел убедить психиатра в том, что мое поведение и внешний вид связан с тоской по бабушке. Так, собственно говоря, я и остался в Москве. – Отложив фотоальбом он обхватил руками голову.

– Что такое? – заволновалось Диметра.

– Ебаная мигрень снова обо мне, сука, вспомнила. Блядь! – Олег, согнув ноги, положил голову на колени сидящей на диване Диметре. – Расскажи что-нибудь, твои мантры успокаивают.

– Хорошо, – нежно гладила его по голове Диметра, перебирая его короткие волосы. – Оказывается, в ученых кругах всерьез обсуждается теория о нереальности нашего мира, всего того что нас окружает.

– Это вполне может быть правдой, – протяжно, расслабленный от поглаживаний Диметры заметил Олег, не открывая глаз. – Этот мир, люди, окружающие нас вещи – все это может быть нереальным.

– И даже ты. Я на самом деле могу сейчас лежать в больнице, в коме и

все вокруг может быть нереальным.

– Как и я. Самое смешное, милая, что мы этого никогда не узнаем. Ты, например, может быть и не сидишь сейчас на диване, а летишь в кресле самолета или была за рулем попавшей в аварию машины.

– Но я даже водить–то не умею. Это ты любишь гонять на предельных скоростях.

– А ты уверена? Уверена, что твоя жизнь, знания, умения, навыки подлинные, а не очередной сон, всего лишь сон?

– Не уверена. Ни в одном из своих снов я не воспринимаю их в качестве снов. Наоборот, они яркие и реалистичны. Я часто вижу нас вдвоем в местах, где мы никогда не были.

– А что это был всего лишь сон понимаешь только просыпаясь? Так может сейчас ты спишь, а явь там, настоящая? Смотрела фильм «Тринадцатый этаж»?

– Нет. О чем он?

– В сюжете главный герой считал свой мир реальным, а потом по совету погибшего друга выбрал безлюдную дорогу и ехал до конца, увидев границы симулятора своей реальности.

– Возможно, весь наш мир всего лишь проекция, компьютерная модель.

– Ох, ну и голова у тебя, прямо дом советов. Пошли, лучше выпьем?

– Пошли. Как твоя голова?

– Прошла. Я всегда знал, что твои истории помогают.

– Странно, что мои истории так на тебя действуют.

– А в жизни все странно, – достал из холодильника бутылку с Мартини зеленого цвета Олег. – Я говорю... Мы же на самом деле может в данную минуту быть и египетскими фараонами, замертво лежащими в саркофагах своих пирамид; и плавающими в мире алкогольных картинок бомжами, лежащими под забором; и даже планктоном, проглоченным огромным китом, и вся наша жизнь – это всего лишь галлюцинация от того, что его желудок нас перерабатывает. Есть только один способ узнать правду, до ни тебе, ни мне он не подойдет.

– Какой? – Диметра поставила на стол два маленьких стаканчика, а Олег разлил по ним остатки Мартини.

– Выбрать самую высокую крышу и прыгнуть.

– Умереть собственноручно как–то страшно.

– За тебя, любимая, – произнес тост он и выпил холодный вернут практически залпом. – Я и говорю, что не подходит и даже не из–за страха смерти. Ты знаешь, Диметрочка, человек теряет за жизнь девственность

всего четыре раза: при рождении, первом сексе, первой передозировке и смерти. Так вот задача каждого – это как можно дольше не лишаться четвертой.

– А у тебя была передозировка?

– Да, и это было страшно. Я не хочу сейчас об этом говорить. Ок? Пойдем лучше в бар?

– Но, – посмотрела на часы Диметра. – Сейчас половина третьего ночи.

– Ну и что? – улыбнулся во все лицо он и хитро прищурился. – Со мной не пропадешь в любое время дня и ночи. Так что одевайся!

Быстро одев темно-зеленые монотонные трусы Олег, присев на диван, натянул облегающие брюки песочного цвета, одел на выпуск на голое тело клетчатую рубашку с коротким рукавом и кеды под цвет брюк. Не отпуская руки Диметры он закрыл входную дверь на два оборота ключа и вот она – улица. Теплая, летняя, ночная улица приветствовала желтизной фонарей уличного освещения и свежестью только что вымытого поливальными машинами мокрого асфальта.

В баре тихо из динамиков доносилась электронная музыка в стиле дабстэп, настолько тихая что говорить можно было не повышая голоса. Усаживаясь на высокие стулья, стоящие перед барной стойкой, на которую падал приглушенный свет, Олег заметил пожилого мужчину, опершего рукой голову.

– Молодые люди, извините, – обратился тот к Олегу и Диметре. – Не угостите ли вы старика рюмкой водки?

Осмотрев одетого в черные хорошо начищенные лакированные туфли, черные брюки костюмного типа, синюю рубашку и покосившийся галстук Олег, подозревая бармена характерным жестом, заказал:

– Два чистых Мартини Бьянко и одну водку.

– Спасибо вам, молодой человек, – поблагодарил старик, поправляя седые короткие волосы.

– Дорогой, добавь, пожалуйста, в мой бокал несколько волшебных капель.

– Конечно, дорогая.

– Капли? Что-то наркотическое?

– Да, мы с женой не живем без этого, – достал пузырек Олег и, накапав по пятнадцать глазных капель в свой бокал и бокал Диметры, убрал его обратно в карман.

– Я конечно не хочу читать вам мораль, молодые люди, – выпил рюмку и не запивая и не закусывая продолжил тот. – Но вы получаете

удовольствие не заслуженно Наркотики – это не выход, есть и другие способы достичь того же самого эффекта.

– Это какие? – Олег сделал очередной глоток.

– Дело в том, что я нейрофизиолог, профессор, – начал старик. – Наш научно–исследовательский институт занимается не только нейрофизиологией. Мы изучаем возможности воздействия электро–магнитных волн на мозг человека, изобрели не имеющий аналогов в мире аппарат, позволяющий проецировать спонтанные образы непосредственно в мозг и нам нужны добровольцы для проведения необходимых экспериментов.

– И вы хотите сказать, что это безопасно?

– Безопасно на все сто процентов. Эффекты, описанные испытуемыми просто ошеломительные, сильнее всех существующих галлюциногенов.

– Мне уже интересно, – допила Диметра.

– Если вы согласны, но давайте хотя бы познакомимся? Меня зовут Сергей Матвеевич Небылицин.

– Меня Диметра, для удобства можно Плазмер или просто Плаз.

– А меня Олег, друзья обычно зовут меня Кай.

– Кай? Сказку о снежной королеве любите?

– Нет, мне больше нравится герой Роджера Желязны Кай Крапивник, который творил целые миры в бутылках.

– Да, действительно впечатляющее произведение. Держите, вот моя визитка с телефоном и адресом. Звоните, приходите если надумаете принять участие в эксперименте.

– Хорошо, мы подумаем, – заинтересовалась Диметра.

– Спасибо за предложение, – поблагодарил Олег, потянув за собой за руку Диметру. – А теперь мы вынуждены с Вами попрощаться.

– Всего доброго и спасибо!

– И Вам всего!

Разгоряченные вермутом тела не мог остудить и порывистый ветер ночной летней улицы. До дома оставалось перейти через улицу по зебре перехода. И вдруг в это время тишину буквально разорвал грохот. Хлопки, похожие на выстрелы, озарили ночное небо.

– Вот это да! Смотри как красиво, Ди!

– Где?

– Вот же. – Олег встал сзади нее, обхватил голову Диметры руками, чтобы направить ее взгляд в нужную сторону.

Это был фейерверк. Огненные полосы взметали в небо, обращаясь то в красные цветущие астры, то в зеленые шары, то в желтые полосы.

– Какая красотища!

– Ага, – покачнулся Олег и зашел чуть вперед.

Вскоре вкус его поцелуя окрасил и без того потрясающее впечатление от ночной прогулки. Кодовый замок двери подъезда как всегда не работал и поэтому (начиная с первого этажа и заканчивая пятым) на лестничной клетке в огромном количестве валялись совершенно пустые, а так же не допитые бутылки от пива, цельные и мятые банки так же от пива и слабоалкогольных коктейлей. Особую достопримечательность составляли стены: нецензурная брань на русском, не грамотные предложения на английском, множество совершенно нечитабельных слов всеми цветами радуги красовались на стенах и даже входная дверь квартиры номер одиннадцать – жилища Олега и Диметры – и та была изрезана и исписана, как впрочем и все остальные.

– Дорогой, гляди, нам опять изрисовали дверь, – грустно заметила Диметра следуя за Олегом.

– Это еще ерунда, – махнул рукой Олег, запирая за собой дверь на оба оборота ключа.

– Вот во времена моей незабываемой юности подростки четко разрисовывали двери нашего с мамой дома матом.

– Какой ужас.

– Да... Это потому что мой отец умер рано, я его даже толком не помню.

– Тебе наверное было тяжело?

– Сначала нет, – пожал плечами он. – Я старался быть в доме настоящим мужчиной, во всем помогал маме и поддерживал ее, а в один прекрасный день ей рассказали что я целовался в туалете с девушкой, разразился жуткий скандал. Мама кричит такая на весь дом: «я никогда не думала, что воспитаю лесбиянку» и все в таком духе.

– Ужас.

– Угу, потеря взаимопонимания с самыми близкими – это всегда ужас, – раздевался до голв Олег. – Пойдем спать? У меня просто не осталось сил.

– Пойдем, дорогой, – согласившись разделась Диметра.

Ранним утром сигнал телефона вырвал его из мира реалистичных сновидений.

– «Я соскучилась по тебе, очень. Приезжай поскорей, у меня кое-что для тебя есть. Ты не сможешь отказаться», – гласило сообщения с номера Веры.

– «Приеду часа через полтора–два», – наскоро ответил Олег.

– «Хорошо. Я буду ждать. Целую»

Не одеваясь он направился на кухню, достал из шкафчика две кружки, в свою он насыпал десять ложек растворимого кофе и положил два кусочка сахара, в кружку Диметры – четыре кофе и один сахар. Густой горький запах кофе и опустевшая постель моментально разбудили Диметру. Потянувшись она встала, накинула халат и направилась на кухню, увидев достающего что-то из холодильника Олега.

– О! Моя проснулась! Доброе утро, дорогая.

– Доброе.

– Как спалось? Что во сне виделось? – Олег протянул ей маленькую стеклянную банку с белковой черной икрой. – Откроешь? А я пока порежу хлеб.

– Держи, – открыла она, а Олег принялся намазывать икру ножом на хлеб.

– Ну вот, сейчас позавтракаем. Я сделал тебе кофе.

– Спасибо, любимый, – поблагодарила Диметра, откусывая бутерброд и запивая его горячим кофе.

– А нас сегодня ждет бурный вечер и не менее бурная ночь с волшебным порошочком, – похвалился Олег хитро прищурившись.

– Вот это новость! – улыбнулась Диметра.

– Еще какая! Один барыга позвонил... В общем все должно получиться. Ехать мне нужно прямо сейчас.

– Мне грустно оставаться одной, без тебя.

– Ничего страшного, зай. Я же вернусь, – одевался Олег.

– Все равно грустно.

– Ну милая моя, хорошая, не грусти, – обнял Олег и, взяв за руку, увлек за собой в спальню. – Садись. Ты вчера сказала, что не смотрела «Тринадцатый этаж». Вот, я его давно скачал и пересматривал раз сто. Садись, я сейчас включу и обещаю вернуться до окончания фильма.

– Ну ладно, – всмотрелась Диметра в титры начала фильма.

– Зай, а ты не видела диск Shprongle? По дороге хочу послушать.

– Он лежит на верхней полке, – обернулась она и буквально застыла от красоты Олега. – Какой же ты красивый.

– Мне необходимо быть хорошо одетым, иначе в даже в аптеке глазных капель не продадут, а барыги пошлют на хер.

– Я не про одежду. Твое тело...

– Ничего в моем теле особенного, ты мне льстишь. Так, кожа, кости да шрамы, – покраснел он. – Все, я поехал. А ты пока смотри фильм, ок? А когда приеду я обещаю выпить два литра воды и пописать на тебя, может даже дам пальцы своих ног вылизать.

– Ок.

Возле привычного и прекрасно знакомого фасада Рецитала – замаскированного под обычный салон красоты оказывающего все виды интимных услуг заведения стоял внушительных размеров так же хорошо знакомый Олегу охранник в строгом черном костюме, белой рубашке и черном в серую полоску галстуке.

– Привет, – по-мужски подал руку охраннику Олег.

– Доброго времени суток! Ты к Вере Сергеевне? – ответил рукопожатием охранник.

– Угу.

– Проходи. Она давно отдала приказ тебя пропускать в любое время дня и ночи.

Кабинет, строгий хорошо знакомый кабинет с черным кожаным диваном и одетая в сарафан на голое тело Вера. Все дальнейшее происходило без слов. Олег в тем утром вошел в ее кабинет, закрыв дверь и повернув ключ на один оборот, чтобы никто не смог им помешать. Приблизившись к Олегу Вера держала в руке красную как кровь эйвоновскую помаду, которой впоследствии густо и небрежно покрасила Олегу губы перед страстным длительным поцелуем. После этого он стянул с Веру резким движением сарафан, а она принялась расстегивать пуговицы его одетой на голое тело рубашки нежно голубого цвета. Его мальчишеская грудь с торчащими сосками тут же обнажилась, оказавшись в умелых руках Веры, теребящей соски тонкими пальцами, от чего они начинали торчать еще сильнее, пропорционально влаге по телу разливалось тепло.

Снеся рукой со стола кипу бумаг, канцелярских принадлежностей Вера, сев на стол, развела ноги, а он, став на колени, сначала коснулся ее влагалища языком, а потом и губами.

– Да... Так... – шептала Вера запрокинув голову назад и опершись руками о стол при заведении их назад. – Так...

По завершении Олег достал из кармана пакет влажных салфеток и, вытащив одну, вытер ею лицо.

– Возьми столько сколько сможешь с собой унести, – одеваясь бегло проговорила Вера Сергеевна. – Ты же помнишь код.

– Я не привык лазать по чужим вещам, – застегивал рубашку на своей вспотевшем теле Олег.

Подойдя к очень качественной репродукции картины Сальвадора Дали «Галлюциногенный тореадор » Вера аккуратно сняла ее со стены, обнажив тем самым дверцу сейфа с кодовым замком, набрала код, открыла и достала картонную коробку из под туфель полностью набитую маленькими

запаянными пакетиками с белесым порошком внутри. Олег стал жадно набивать ими карманы облегающих брюк телесного цвета.

– Верочка, спасибо, – вождественно проговорил он.

– Не за что, – налила в специально низкий стакан виски она. – Это твоя жизнь, хочешь травиться – травись и своего Диму трави.

– Ха! – ухмыльнулся Олег. – Виски тоже отравя!

– Не такая как снег. Ну ладно, не хочу с тобой спорить. Ты мне лучше вот чего объясни. Почему вы так Эммануила Давидовича обижаете? Бедный дед уже замучился вас с Димой на литературные вечера приглашать, а вы все не соглашаетесь и не соглашаетесь.

– Ты же знаешь как я устаю от людей на работе. Всем лечить, держаться на позитиве, всем постоянно глупо улыбаться. Диметра тоже.

– Ты это брось! Вот вам два флаера в клуб, вечер состоится в эту субботу. Чтоб были там оба!!!

– Ну... Если ты настаиваешь, – взял две цветастые бумажки он.

– Все будет на высшем уровне, море бесплатного шампанского и чистейшего белого снега. Вам понравится.

– Хорошо–хорошо. Я согласен. Попробую Диметрочку уговорить.

– Уж попробуй! А теперь иди с глаз долой, у меня работы по уши.

– До свидания! И спасибо, – послал воздушный поцелуй он с порога кабинета.

И вот он уже снова в машине, готовый ехать домой, но что–то не давало ему покоя.

– Черт! Черт!! Черт!!! – три раза он ударил лбом о лежащие на руле руки.

По лицу покатались огромные слезы, предательски не желая останавливаться.

– Черт бы все побрал!!! – вытер рукой слезы он и повернул ключ зажигания.

Ровный звук двигателя успокаивал. Вытащив из кармана один пакетик он разгрыз его, высыпал содержимое на тыльную сторону руки и вдохнул. Эффект не заставил себя долго ждать. Сочетающаяся с бурным потоком всевозможных идей и подобных звучащему радио голосов в голове все тело накрывала оглушительная, ошеломительная волна тепла и эйфории, безудержного желания творить, что–то делать, делать и делать. Когда Олег резко вдавил педаль газа в пол и визг шин взорвал тишину утренней улицы его не покидало странное, немного гнетущее чувство будто в машине помимо него кто–то есть и всю дорогу наблюдает, читает или даже ворует его мысли, любовные посвященные Диметре строки.

– «Убирайся из моей головы!», – крикнул мысленно он своему невидимому наблюдателю.

Как ни странно виртуальный товарищ послушался – голоса замолчали, светофор огорчил красным светом.

– «Деточка, любимая моя! Я уже еду и у меня с собой целых два сюрприза!», – написал Диметре СМС он.

– «Ура! Я так тебя заждалась! А какие сюрпризы? Мне уже любопытно».

– «Приеду – увидишь!»

– А вот и я, зай!

– Милый, как я рада! А я фильм посмотрела, просто в восторге!

Фильм «Тринадцатый этаж» по сюжету немного отличался от рассказа Олега. В нем рассказывалось о двух программистах, создавших некую игру, реалистичный симулятор Лондона начала века. Один из них так заигрался, что его убили, но перед смертью он оставил второму послание там, в симуляторе. А именно: необходимо было выбрать дорогу и ехать по ней до конца на полной скорости. Каково же было удивление главного героя, когда в конце казавшейся ему реальной дороги своего мира он увидел пресловутые границы симулятора, осознав что весь его мир не реален, является всего лишь компьютерной моделью.

– Дорогая, смотри сколько снега я принес, – выкладывал из карманов пакетики на стол он.

– Вот это сюрприз! – попыталась обнять она.

– Зай, подожди, – отшатнулся Олег раздеваясь. – Сегодня очень жаркий день, мне нужно срочно принять душ. Но я скоро вернусь! А ты пока отвари спагетти, я жутко проголодался.

– Хорошо.

Спустя сорок минут, вытирая волосы полотенцем, он вернулся на кухню. Заметив подавленно настроение Диметры Олег аккуратно подошел, обнял ее за талию сзади:

– Зай, ну не дуйся на меня. Я же твой лучший друг, который всегда выслушает и в беде бросит; старший брат, который поможет; любящий отец, преданный муж. Все, мир? – протянул руку он.

– Я люблю тебя, – сжала обеими руку Олега она.

– А я–то тебя как! Ты моя сочная сарделечка.

– А ты моя свежая баварская сосисочка, – перекладывала Диметра спагетти в глубокую тарелку, а Олег достал из холодильника кетчуп, майонез, горчицу, всем сразу полив спагетти поясняя:

– Соусов должно быть больше, чем основного блюда, – перемешал и,

наматав на вилку, попробовал, – М–м–м, как вкусно.

– Да?

– Угу. – Следующую порцию с вилки он дал попробовать ей.

Дальше импровизированный обед так и продолжался: Олег кормил Диметру, не забывая есть сам и вскоре тарелка спагетти была съедена.

– Совсем забыл! Вот второй сюрприз, – протянул две цветные бумажки он. – Мы идем на литературный вечер.

– По мне, так лучше побыть дома.

– Подожди. Ты сначала на программу вечера взгляни: место у микрофона для всех желающих, спектакль «Красная шапочка для взрослых» в конце. По–моему вечер обещает быть интересным.

Не успела Диметра возразить как раздался звонок в дверь. Убрав тарелку в раковину и накрыв бумажной салфеткой пакетики со Снегом Олег проговорил быстро:

– Сиди, я открою.

– Здравствуйте! – За дверь стояла девочка лет двенадцати во вьетнамках, мешковатых песочных шортах и такой же мешковатой, совершенно не облегающей серой майке в черную полоску, волосы были ниже плеч, русые, убранные в розовую резиночку.

В ее руках был маленький рыжий котенок.

– Здравствуйте, – растерянно ответил Олег.

– Извините, я вот живу в соседней квартире, – стесняясь начала девочка. – У вас не найдется стакана молока для Чаки?

– Конечно. Проходи.

– Здравствуйте, – поздоровалась она с Диметрой.

– Здравствуйте, – встала из-за стола та.

– Это соседка. Ей котенка нечем покормить, – прокомментировал Олег доставая молоко и наливая его в широкий низкий стакан.

– Это Чаки, – протянула она котенка.

– Ми–и–и, – пропищал котенок в ответ на поглаживание Диметры.

– Спасибо вам огромное! Стакан завтра или я или мама занесет.

– Да не за что, – закрыл за девочкой дверь он и вытащил пластиковую разделочную доску, на которую высыпал содержимое четырех пакетиков. – Чистейший Снег.

Измельчив белесую смесь порошка, комочков и гранул лезвием «Джилет» практически в пудру и разделив на две ровные кучки Олег взял зубчатый нож для нарезки хлеба с широким лезвием и очень аккуратно высыпал им одну кучку пудры себе на тыльную сторону ладони. Диметра, зажал большим пальцем правую ноздрю, вдохнула пудру с его руки после

чего Олег повторил процедуру и вдохнул оставшееся и тут же закурил. Эффект не заставил себя ждать.

– Дорогой, выключи пожалуйста радио.

– Зай, как я могу выключить радио если оно работает в твоей голове?

– Ну пожалуйста!

– Чик! – нажал на кончик ее носа он.

Какофония голосов тут же прекратилась, лишь волны одна за другой застилали ее тело, учащали сердцебиение неостанавливающимся потоком идей, желанием делать хоть что-то лишь бы не сидеть на месте, нестерпимым половым возбуждением.

– Пошли, теперь я на тебя пописаю, – увлек за собой он в ванную.

Устроившись по разные стороны ванной Олег и Диметра принялись раасматривать тела друг друга, касаясь при этом гениталий. Коротко постриженные пальцы его согнутых в коленях и разведенных по бортам ванной ровных тонких ног, под кожей живота проступающие очертание ребер, мальчишеская грудь со всегда торчащими сосками, узкие плечи, тонки, с длинными как у пианистов пальцами руки – все это не могло не возбуждать Диметру. И вот она! Струйка! Откинувшись до предела Олег развел ноги еще сильнее и струйка его мочи, прозрачная и аромата миндаля вожделенным потоком покрывала ее руки, гениталии. Диметры облизывала свои руки, чтобы уловить вкус Олега, его запах.

– Вылижи мне анус, – прошептал Олег, встав, повернувшись к ней спиной и разведя свои ягодицы.

Вскоре ее влажный язык коснулся плоти нежного, ароматного ануса Олега. О, как же ее это возбуждало!

Результат не заставил себя долго ждать. По окончании Диметра, заметив провалившегося в сон Олега, не стала включать воду. О, какой же он красивый спящий. Смотреть на него поучилось в тот вечер недолго. Тишину неожиданно прервали доносящиеся из комнаты шаги. Выйдя из ванной Диметру удивила вибрация пола. От тех шагов сотряслись стены, вибрировал пол. Рыжий кот ростом сто семьдесят-сто восемьдесят сантиметров плавно разгуливал по спальне виляя своим полуметровым хвостом.

– Чаки?

– Я не Чаки – я котоголубь! Разве ты не видишь мои крылья? – спросил кот, неестественно улыбнувшись как клоун.

– Нет, я не вижу, – испуганно ответила Диметра.

– Знаешь, ты не права насчет вселенной, – лег кот рядом с батареей тотчас с нею слившись в единое целое.

Батареи отопления в их квартире были старые, чугунные, гармошкой. Дальше фразу продолжила батарея, двигая своими секциями будто ртом:

– На самом деле мироздание представляет собой рабочий стол компьютера, а люди в ней – это всего лишь выполняющие определенные функции компьютерные программы, и пользователь волен решать какую из них запустить на выполнение, а какую – закрыть.

– И что же происходит после закрытия?

– Возьми блокнот и ручку, – ползала батарея по полу.

– Хорошо, – выполнила Диметра.

– Ложилась печатью пыльца.

– Ложилась печатью пыльца, – записала.

– Были сочными травы.

– Были сочными травы.

– У ночи нет лица.

– У ночи нет лица.

– Оборотни подземельные правы.

– Оборотни подземельные правы.

– Какие красивые стихи, Медузочка, – подошел сзади Олег.

– Их.. Мне... Продиктовала.. – Посмотрев на стоящую неподвижно на своем месте батарею, как ей и полагалось, Диметра прервала фразу. – Не важно...

– А я так сон только что видел – закачаешься, – повел в спальню он. – Будто из стены в нешей ванной открывается выход на огромное пшеничное поле, и над ним на небе висит не одно солнце, а целых три.

– Вот это да!.. А я такое видела!

– Завтра расскажешь, нам на работу вставать. Так что спокойной ночи, милая.

– Спокойной ночи.

До конца рабочего дня Диметры оставалось полчаса, последний клиент ушел, оставалось только ввести в компьютер результаты тестов и сформировать отчет, когда раздался стук в дверь ее кабинета.

– Войдите, – удивившись, пригласила она.

Дверь в тот вечер медленно открылась, из-за нее показалась хорошо знакомая рука с тонкими длинными пальцами и аккуратно коротко постриженными ногтями, держащая огромную белую розу.

– Привет, дорогая.

Темно-синие кеды с толстыми длинными белыми шнурками, одетые без нижнего белья тонкие летние темно-синие облегающие джинсы, заканчивающиеся широким черным кожаным ремнем с большой

квадратной блестяще серебристой пряжкой, чуть обнажающая и подчеркивающая плоскость живота и стоячесть сосков одетая на голое тело тонкая белая майка с красными по диагонали полосами и точно такими же красными буквами и английскими словами разного, местами газетного шрифта, призванные скрыть расширенность зрачков, характерный прищур уберечь от света солнцезащитные очки с массивной черной оправой и закрывающими половину лица круглыми желтыми стеклами, хорошо пепельные короткие волосы с растрепавшейся от ветра челкой, легкий мужской аромат с летними огуречными нотками, плавна грациозная походка –от Олега невозможно было оторвать взгляд.

– Любимый! Вот это сюрприз, – взяла цветок она, обняв.

– Я знал, что ты обрадуешься.

– Еще бы. Мне тут еще минут двадцать торчать. Хочешь холодного чая?

– О–о–о, с удовольствием.

– Сейчас, – налила в кружку чая с малиновым вкусом Диметра.

– Та–а–а–к, а это что такое? – вошла в кабинет полная женщина в возрасте. – Чаи в рабочее время гоняете?

– Ну, вообще–то я клиент, – быстро нашелся Олег, чтобы не подставлять любимую.

– Клиент значит? – не поверила негативно настроенная женщина, разглядывая и тот час попадая под его обаяние. – И что же Вас беспокоит?

– Ой, узнаете, вид крови.

– Вы боитесь крови? Что ж, весьма распространенная фобия.

– Нет. Когда делаю операцию, то у меня возникает непреодолимое желание ею измазаться, попробовать ее на вкус.

– Боюсь, это не по нашей части, – указала взглядом на дверь ошарашенная женщина, после чего обратилась к Диметре, – Ты тоже можешь идти, я распечатаю отчет.

– Всего доброго, – попрощался Олег.

– И Вам не хворать.

– Твоя начальница? – повернул ключ зажигания он.

– Угу. Она не всегда такая. Просто на днях была комиссия, шерстили всю документацию.

– А–а, так это везде так, – вдавил в пол педаль газа Олег. –У нас что ни месяц, то комиссия, то линейный контроль. Ничего, сейчас расслабимся.

Здание Дома Культуры выглядело не приветливо: фасад с облупившейся краской, стоящие возле широкой лестницы пивные бутылки и окурки, треснутые стекла, взвесь вековой пыли внутри – настоящий ад

для астматиков и разного рода чистюль.

– Кай, Медуза! – воскликнул пожилой мужчина в черных сандалиях, черный костюмного типа брюках, не скрывающей пивного живота синей рубашке, старых очках в роговой оправе, подчеркивающих его седые волосы.

– Здравствуйте, Эммануил Давидович, – по-мужски подал руку Олег.

– Вы пропустили все самое интересное, осталась только «Красная шапочка».

Если окинуть взором все происходящее, то гости вечера сгруппировывались по возрастному признаку. Олег и Диметра, естественно, прибились к компании самого пожилого гостя – организатора и бессменного руководителя Эммануила Лихтенштейна потому что со старшим поколением всегда было о чем подискутировать.

– Ну и как «Красная шапочка»?

– О, как же изменился мир, как же поменялись времена – вздохнул Эммануил Давидович, усаживаясь за стол напротив Олега и Диметры.

– Ерунда! Мир прежний и времена всегда одинаковые, – возразил Олег.

– Попробовали бы они в советское время выйти голышом на сцену и, извините, совокупиться.

– Ну что Вы людей-то в заблуждение вводите? Вас послушать – в советское время все было прекрасно и удивительно. А репрессии? А карательная психиатрия?

– За то в наше время не было такого разврата! Где это видано: голый мужик в костюме волка совокупляется в полуголой Красной Шапочкой?

– Похоже, мы пропустили самое интересное, – взял два бокала бесплатного шампанского у проходившего мимо официанта Олег.

– Спектакль еще продолжается, – с грустью в голосе пояснил Эммануил Давидович. – В жестокое время вы живете, молодые люди.

– Да ладно. А что, раньше не было жестокости, ксенофобии? Мы болели за Спартак, а ребята с соседней улицы уже не помню за кого. Каждый вечер мы били, били нас, шли стенка на стенку, в советское время.

– Уж чего-чего, а ксенофобии не было. Помню, со мной в классе учился грузин. Так мы максимум могли посмеяться над его акцентом, но чтобы убивать, – посмотрел он укоризненно на Диметру, впоследствии продолжив – И мы хотя бы во что-то верили. Я внуку сколько раз спрашивал: «молодежь, во что вы верите, какие у вас идеалы», а она в ответ лишь включает свой речитатив на полную громкость. Вот Вы. Да, девушка, Вы. Вот у Вас какие в жизни идеалы? Во что Вы верите? Какая у Вас мечта

в жизни самая главная?

– Я верю в окончательную победу в мире духа над телом, – ни чуть не задумываясь ответила Диметра. – А что касается мечты... Я живу с Олегом – моим любимым мужчиной. Мечта сбылась.

Недавно разносивший шампанское официант снова появился, по на его подносе лежала горка пакетиков с белым порошком.

– Снег даром! По два пакетика на человека, – рекламировал тот.

Взяв четыре Олег сразу высыпал их содержимое в тарелку, измельчил, высыпал на тыльную сторону ладони, вздохнул часть и, протянув оставшееся Диметре, прокомментировал:

– Как-то не штырит, скорее всего Снег разбавили порошковым молоком или смесью для детского питания.

– А по-моему нормальный.

– Не, разбавленный.

– И наркотиков в наше время не было.

– Вынужден Вас разочаровать, дурь в том или ином виде была всегда, – продолжал возражать Олег. – Дорогая, пошли на второй этаж поднимемся, хваленую Красную шапочку посмотрим?

Уже поздней ночью с пятницы на субботу Олег так до конца и не понял очередного крика Диметры. Самым странным ему казалось то, что просыпаясь она во-первых ничего не помнила, во-вторых каждый раз искренне удивлялась его рассказам как она кричала.

– Дорогая, я вот что подумал, – гасил Олег свет в спальне и забирался, будучи обнаженным, под тонкое одеяло. – Помнишь того старика из бара?

– Который попросил у нас водки?

– Он самый. Я думаю, что стоит принять его приглашение.

– Да ну. На мой взгляд он ни чем н =е отличался от тех шарлатанов, которые ходят по квартирам предлагая то чудодейственные приборы, то таблетки от всех болезней сразу.

– А что мы теряем? Не понравится – уйдем.

– Вообще-то ты прав.

– Вот так всегда бы, зай. А то тебе бы только со мной поспорить. Вот завтра и поедем.

Здание городского института нейрофизиологии выглядело внушительно: белое шестнадцатизэтажное квадратное здание подобно оправе драгоценного камня обрамлял высокий кованый металлический забор, окрашенный черной краской, получаемой путем растворения битума в бензине. Перед массивными воротами был разбит сад, радовала глаз ароматная распустившаяся сирень.

– Я очень рад, что вы пришли! – протянул руку Сергей Матвеевич.

– Мы вот с женой подумали–подумали и решились, – ответил рукопожатием Олег.

– Прекрасно! Как я уже говорил, нам нужны добровольцы. Пойдемте, – проводил он в лифт.

Подвальное помещение было огромным, освещенным холодным белым светом газовых ламп. В углу за компьютером в белом халате сидела в белом медицинском халате светловолосая девушка и что-то сосредоточенно анализировала на мониторе.

– Здравствуйте, профессор.

– Добрый день, Маша. Вот, к нам пришло двое добровольцев.

– Отлично.

Практически все помещение подвала занимали похожие на приборы для проведения магнитно–резонансной томографии большие белые трубы с проводами и кушетками внутри.

– Это и есть комплекс нашей аппаратуры.

– А это безопасно для здоровья, – продолжал осматриваться Олег.

– Совершенно безопасно. В нашем последней опыте к системе было подключено сразу двадцать человек и ни у одного не ни одного побочного эффекта не наблюдалось. Вы же знаете, все то что мы видим, слышим, обоняем и осязаем является по сути всего лишь набором посылаемых в мозг электрических импульсов. Доподлинно как выглядит кошка, собака, ваша соседка – этого точно никто не знает наверняка, никто и не знает какой на самом деле вкус у фисташкового мороженого. На этом и построен принцип работы нашего аппарата – мы посылаем в мозг сходные с его собственными волны. И в результате без приема психотропных веществ или галлюциногенных люди видят реалистичные картины, путешествуют по закоулкам не только собственного мозга, но и мозга всех подключенных не вставая с кушетки.

– Звучит заманчиво. А можно один вопрос?

– Да.

– А какова с какой целью Вы этот прибор создали?

– Цель очень проста. Вы, то есть психонавты, любители наркотических и галлюциногенных веществ получаете свои ощущения, мягко говоря, не заслужено. Йоги, тибетские монахи на протяжении всего жизненного пути идут к просветлению, чтобы хоть однажды увидеть то, что вы видите под действием веществ следуя по наименьшему сопротивлению, губя свои организмы. Католические и православные священники ради того, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на

запредельные дали галлюцинаторного мира отдают себя служению Богу. Поэтому предо мной стала задача с минимальным ущербом для здоровья вызывать подобные эффекты.

– Спасибо за емкий ответ.

– Ваше имена? Можно прозвища. Это не суть важно.

– А зачем это? – удивилась Диметра.

– Для анкеты.

– Кай.

– Медуза.

– Возраст, место рождения, проживания, род занятий?

– Сорок два. Энгельс. Москва. Врач–хирург.

– Двадцать девять. Москва. Психолог.

– Какими–либо еще заболеваниями хроническими страдаете? Ну, кроме психонавтики?

– Вроде бы нет, – задумалась Диметра. – Иногда мне снятся кошмары.

– Тоже нет, – уверенно ответил Олег. – Раньше близкие замечали за мной лунатизм. Я мог ходить по ночам, даже питаться, но когда познакомился с Диметрой все это прошло, не повторялось.

– Распишитесь в своем согласии на эксперимент и в согласии с нашими манипуляциями?

– Хорошо. Закатите рукав.

– Укол?

– Да, совершенно безвредный препарат Аминазин. Это необходимо для расслабления.

– Хорошо.

– А теперь ложитесь в аппарат и считайте до ста. Он автоматически накатает кушетку внутрь. Главное, помните что время здесь и время там течет неодинаково. Ни чему не удивляйтесь. Аппарат способен проецировать ваши самые скрытые желания.

– Как это? – легла на кушетку Диметра, положив голову на маленькую мягкую белую подушку.

– Вам когда–нибудь снились сны такого содержания, когда в их действии за ночь проходило гораздо большее количество времени?

– Да, – подтвердила Диметра. – Я как–то задремала в кресле минут на пятнадцать, а во сне проделала на автобусе яркую красочную дорогу от Москвы до Твери, с пышной листвой, водоемами и оврагами.

– Так вот это то же самое. Отключите телефоны и снимите очки и часы. Рядом вы видите специальные полочки, вещи можете положить туда.

– Часы? – Олег, снимая солнцезащитные очки с черной массивной

оправой и стеклами желтого цвета, закусил губу. – Вы понимаете, мои часы – они мне очень дороги, это подарок одного человека, которого нет в мире живых. Я снимаю их только дома.

– Не волнуйтесь. Все ваши вещи останутся в целости и сохранности.

Диметра сняла часы молча и вместе с очками покорно положила их на полку.

Абсолютно мертвый штиль: ни дуновенья ветра, ни звуков мегаполиса, ни шелеста листвы, ни привычных ударов крыльев пролетающих птиц не было слышно внутри полутемного ангара с матовыми от пыли полуразбитыми стеклами расположенных в метрах трех от пола окнах. Темно-зеленая, но не цвета хаки облетевшая краска огромных распахнутых ворот приглашала выйти. Похожее на ангар для самолета здание продолжалось огороженной по обе стороны колючей проволокой асфальтовой дорогой, обрамленной желтым песком. На небе естественного голубого цвета не было ни тучи, лишь яркое ласкающее солнце и даже поросший осокой берег реки казался знакомым. На деревянном самодельной мостике, откуда обычно прыгают в воду дети, а взрослые – ловят рыбу – сидел на корточках Олег, внимательно всматривающийся в рябь воды.

– Любимый...

– А вот и ты, дорогая. Смотри, профессор не соврал. Здесь все как настоящее: ветер свежий, вода мокрая.

– Так может быть это все и есть реальность?

– Нет, милая, это сон, – сошел с мостика Олег. – Смотри, я пальцем на песке нарисовал сердце. Вода омывала его тысячи раз, но рисунок не смылся, не разрушился. Значит, все это сон, нереально.

– А жаль. Здесь очень красиво.

– О–о–о, ты еще не видела самого главного, Диметрочка.

– Чего?

– Сейчас увидишь, – расстегнул брюки Олег и спустил их.

Тотчас обнажился его эрегированный пенис.

– Сначала я даже своим ощущениям не поверил, а потом.. Отлил два раза. Представляешь?

– Вот это да.

– Диметрочка, – покраснел Олег и опустил глаза. – Не могла бы ты мне его помассировать?

– Помассировать – это слишком просто. Давай, я сделаю тебе минет?

– Конечно, дорогая.

– Ну, как путешествие прошло? – отключал Сергей Матвеевич

аппаратуру.

– Это... Это было великолепно! – воскликнула Диметра, преодолевая легкое головокружение.

– Да, – подтвердил Олег. – Ангар, дорога...

– Так ты видел все то, что видела я? – удивилась она, одевая очки и часы.

– Обычно участники чувствуют легкое недомогание. Это от Аминазина, скоро пройдет.

– Угу. Песок, дорога...

– Электрические галлюцинации коллективны.

– Но все было так реально... Язык не поворачивается назвать увиденное обычной галлюцинацией.

– Зая, ты в норме? Я до сих пор не могу в себя прийти, – вышли они из здания института.

– Признаться, и я.

Жара, полуденная жара и не думала отступать, ослабевать хватку на горле города. Поодаль стояла торговая палатка с вывеской, сообщающей о продающихся соках, водах и пиве. Молодая, светловолосая продавщица худощавого телосложения явно не замечала интересующихся ассортиментом витрины потенциальных покупателей, а рассматривала журнал с девушками с пышными бюстами, держа при этом правую руку в своих спортивных обтягивающих шортах и мастурбируя.

– Извините, а коктейли алкогольные у Вас есть в продаже холодные? – чуть опустил очки Олег и посмотрел на продавщицу исподлобья.

– Да, – неохотно ответила девушка. – Есть Ягуар, Рэд Дэвил, Страйк.

– Тогда мне, пожалуйста, Рэд Дэвил похолоднее и пачку Беломора.

– Сто пятьдесят с Вас.

Расплатившись, нажав кнопку на брелоке для снятия машины с сигнализации, увидев характерное мигание фар и звук, он открыл Диметре дверцу, после чего сел и сам, открыл банку коктейля, сделал глоток, благодаря чему салон наполнился ароматом характерного тройника: спирта, витаминов группы Б и таурина с виноградной отдушкой. Передав половину банки Диметре Олег повернул ключ зажигания, вскоре машина резко рванула с места.

Ни Олег, ни Диметра толком и не заметили как наступил вечер, легкий теплый летний вечер, ласкающий дуновениями свежего воздуха из открытой форточки.

– А я почему-то не хочу спать совершенно, – прервал тишину Олег.

– Везет тебе, – улыбнулась Диметра. – У меня вот глаза просто

слипаются.

– Ну хорошо, давай спать.

– Сегодня твоя очередь рассказывать сказку на ночь, – шутливым и чуть детским тоном заметила Диметра.

– Хитрюга, – рассмеялся Олег и сел на кровать в позу лотоса, освещаемый только светом полной луны.

– Ну твоя же очередь, правда, – положила голову она вплотную к его ногам. – Ты ни разу не рассказывал о своей передозировке, первой передозировке.

– Ну, если тебе это так интересно, – вытянул ноги Олег, на которые Диметра переложила голову, а Он в свою очередь медленно и нежно ее поглаживал.

– Но.. Если тебе не приятно об этом говорить...

– Ладно, слушай, – продолжал перебирать нежно ее волосы он и начал издали. – Все эти святоши, особенно христианские – они врут, врут насчет существования райских куц с золотыми воротами, ангелами, богом и прочей дребеденью.

– Ты не веришь в существования параллельного мира, называемого в христианских источниках раем?

– Я верю в то, что видел своими глазами, слышал своими ушами, чувствовал всей кожей, – продолжил Олег. – Тот день, день моей первой передозировки ни чем не отличался от обычных. Моя тогдашняя девушка Лена, устроив дикую сцену ревности с пощечиной и битьем посуды, ушла, а я. Я ввел в вену сначала пять кубиков, потом еще пять, потом еще и еще. И предстали пред моими очами мелкие треугольники, образующие один большой треугольник, красочные, разноцветные, потом похожие на мишени большие круги, каждый последующий из которых графически вытекал из предыдущего, перламутровым заревом переливаясь всевозможными цветами. По-моему, подобные геометрические полиморфизмы называются Фракталы. И предстала за ними предо мной пустыня, не было ей ни конца, ни края. Частично утратившие человеческий облик, источавшие смрад, обгоревшие на безжалостном солнце обитатели пустыни добывали ртуть, постоянно запихивая обратно вываливавшиеся из под кожи кости. Я стоял в ужасе и оцепенении. И подошло ко мне девять стражников того странного места, и представились они следующим именами: Велзевул, Пифон, Велиал, Асмодей, Сатана, Мерезим, Абаддон, Астарота, Маммона. Все они были в белых набедренных повязках, обладали внешностью киноактеров.

– Они следили, чтобы обитатели этого места не сбежали? – легла

Диметра на подушку.

– Угу, – лег рядом Олег. – Центр пустыни занимало огромное круглое зеркало из ртути, около километра в диаметре. Я подошел к зеркалу, а один из стражников взревел нечеловеческим голосом: «Убирайся отсюда! Тебе здесь не место». И увидеть можно было в зеркале все прошлое, настоящее и грядущее, все миры, все эпохи.

– Давай спать, милый? – взяла его за руку Диметра.

– Давай, зай, – сжал в ответ руку он.

Будущее

Часть третья. Будущее.

Летнее утро, ласковое раннее утро субботы, когда город только собирался проснуться, а мафия уснула, все вокруг распахивало свои гостеприимные объятия и одновременно замерло в едва уловимом таинственном ожидании: субботний летний ветер незнакомое до сели города подобно тигру перед прыжком готовился разметать в разные стороны накопившиеся за ночь обрывки газет и обертки от мороженого, оставленные кратковременным ночным дождем лужи готовились ожить едва заметной рябью и прогреться солнцем, время будто остановилось на какое-то мгновение и так же собиралось проснуться вместе с городом и продолжить ход.

В мире нет ничего страшнее времени. Ни какие мировые войны, техногенные катастрофы, природные аномалии, вирусы и другие навязанные обществу страхи не способны красоту превращать в уродство, а шедевры искусства – в прах. Старый городской парк, перенесший бесчисленное множество периодов упадка и возрождения всегда оставался яркой тому иллюстрацией. Его выкрашенная черным лаком ограда приглашала внутрь распахнутыми воротами, за которыми распустившиеся цветы на фоне сочных трав приветствовали каждого гостя. Только рано утром в парке не было никого из тех, кто бы мог оторвать от собственных мыслей или помешать планам.

В такие моменты прогулок в тишине и покое можно по-настоящему дать волю мыслям течь неудержимым потоком смешиваясь со внутренним диалогом. А внутренний диалог как правило у любого человека сводится к поискам базовой истины посредством универсальных вопросов. Человек не есть общественное животное, являющееся частью стада. Истинная природа человека индивидуальна и направлена только на себя, только на собственные интересы, на удовлетворение свои собственных потребностей. Осознание этого, строгая фиксация на себе самом рано или поздно приведет к осознанию базовых истин и единению с изначальным космическим разумом, представлявшим собой абсолютный вакуум. Стремление к небытию и разматерииализации, фетишизация личных интересов, не желание быть частью тупого стада через достижение расширенного состояния сознания любыми доступными способами – вот единственно верный путь к просветлению.

Удивительное это время – раннее утро. Извилистые ухоженные тропинки манили все дальше и дальше и дальше вглубь парка и казалось их таинственный лабиринт никогда и никому не выучить, казалось, даже свежая трава гипнотизировала всяк туда входящего и вот она! Пробираясь сквозь поваленные недавним ураганом деревья и сломанные ветки можно было обнаружить место куда более безлюдное – тайную поляну с одним уцелевшим деревом наполовину в пруду. Там никто не мог помещать. Там никто не мог подглядывать.

Черные с широкими шнурками и белыми полосками кеды Эда прекрасно сочетались с облегающими ноги джинсами и абсолютно черной футболкой, эротично облегающей его стройное тело. В тот день он сел на траву, развязал шнурки обнажив босые ноги и, пошевелив перед этим пальцами, встал на траву, снял джинсы и майку, после чего раскинул руки, зевнув, потянулся демонстрируя утреннему солнцу свою мальчишескую грудь с постоянно торчащими сосками, подчеркивающую форму скелета слегка загорелую кожу. Обрадовавшись тому, что он не одел тем утром линз, меняющих цвет глаз или форму зрачков на вертикальную и делающих его взгляд более выразительным и инопланетным настолько, что оборачивающиеся в его след как молодые так и взрослые женщины не могли понять кто перед ними. Прототип дивного нового человека, обладающий телепатическими способностями вызывать сексуальное возбуждение у всех прохожих? Представитель внеземной цивилизации, путешественник во времени или участник правительственной программы по созданию телепатов, приятно пахнущий мужской туалетной водой Саваж и буквально насылающий эротические фантазии на женщин всех возрастов, национальностей, половой принадлежности, гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Его безупречно тонкий стиль одежды, выбор подчеркивающих его красоту аксессуаров, уверенная мужская походка, белоснежная улыбка, а улыбаться он любил очень часто, - все это вызывала ревность и зависть как у молодых парней, желавших ему подражать, так и у взрослых уставших от жизни мужчин, белой и черной завистью пожиравших его глазами и думавших о том как хорошо бы сейчас быть таким же свежим и уж точно не импотентом; поменять жену, обзавестись парой-тройкой любовниц, ведь у него-то – у такого мачо – их должно быть целый гарем. В его черных вакуумных наушниках всегда играл транс, психоделический транс в ритме которого он жил: ездил на работу, где в городской поликлинике работал хирургом; ходил в кинотеатр на кровавые фильмы ужасов и просто трендовое кино; ездил к Вере Сергеевне за дурью, за которую приходилось расплачиваться сексом безо

всяких чувств и эмоций; всегда возвращался к смыслу своей жизни – своей любимой обожаемой Диметре.

Транс-музыка – это единственное направление как в музыке вообще, так и в электронной в частности, которое может уменьшать расстояния, сжимать пространство и укорачивать подобно скачку время. Это единственное направление музыки, способное в отвратительной атмосфере толпы большого города привести мысли в порядок, сконцентрироваться. Транс удивительная музыка как для прослушивания дома или в клубе, так и для времяпрепровождения в дороге. Транс способен сжимать время в любой долгой утомительной поездке, в клинически значимой степени снимать усталость и даже вызывать визионерские переживания. Для такого рода переживаний помимо музыки, посредством качественных наушников звучащей как будто изнутри, в самой голове, крайне важными являются условия дороге. Если речь идет городском транспорте, то это должно быть метро и здесь даже не так важна скорость, как подобно символу инь-янь чередование светлого и темного, количество темного в светлом и наоборот. Скорость движения поездов на открытых участках как правило ограничена и когда состав постепенно набирая скорость въезжает в тоннель, мелькание лестниц возрастает и слышится ни с чем не сравнимый потусторонний гул состояние сознания расширяется, с высокой долей вероятности пассажиры входят в состояние аутогипнотического транса, позволяющего видеть и слышать дальше: видеть демонов и даже знать их имена, слышать в голове голоса Древних и общаться с ними, сместить фокус внимания на астральный план, найти там новых друзей и послушать Учителей.

Закурив сигарету и сделав глубокую затяжку Эд снял последнюю часть одежды. Ласкаемый теплым ветром он присел на корточки, ощущая босыми ногами траву и только тогда его взгляд остановился на воде, ее гипнотической ряби. Не зря вода считается одним из лучших проводников электрического тока, а мозг человека, как известно, способен как принимать, так и передавать...

Окружающее пространство тотчас наполнилось зеленым густым туманом, чей вязкий абсентовый цвет был насыщеннее всего остального.

Основным свойством всех без исключения вызванных теми или иными психоделическими препаратами химического и растительного происхождения является спонтанность и непредсказуемость, чьей эмпирической ценности и индивидуальной философской значимости не понять не знающим жизни обывателям, ведь только посредством психоделического путешествия можно пережить себя героем Египетской или Тибетской Книги Мертвых, пережить себя свидетелем смерти Франца

Фердинанда или Джона Кеннеди, непосредственным участником Пунической Войны, древнегреческих Элевсинских Мистерий. Только психоделический опыт позволяет не выходя из собственной ванной на необъяснимом ментальном плане оказаться в городе детства, доме детства, пообщаться с давно умершими друзьями или родственниками; становится возможным раз за разом пережить радость первой любви, первого свидания, первого поцелуя, первых переживаний эротического интереса как представителям своего пола так и противоположного, первый сексуальный опыт; становятся более яркими и содержательными ощущения искренней детской радости, чувства защищенности, веры во всесильность родителей и непоколебимый авторитет фигуры отца. Как при абсолютном авторитете матери девушкам необходимо видеть в своем сексуальном партнере или партнерше как минимум старшую сестру или мать – максимум, так и парни ищут независимо от пола и идентичности в каждом новом сексуальном партнере прежде всего видят лучшего друга, старшего брата, любящего отца.

Калейдоскоп ярких быстро сменяющихся красок рассеялся, открывая Эдварду как раз порядком забытый город детства. Направление трещин на асфальте указывало на гонимую ветром осеннюю листву, обнажившие свои ветки деревья.

– Ты сегодня хоть что-нибудь ела?! – возмутилась сидящая на лавочке пенсионного возраста соседка, одетая в сарафан с подсолнухами и после чего резко встала.

– Аделина Леонидовна! – воскликнул Эд, подбегая к соседке и обнимая ее. – Не волнуйтесь Вы, я в школе позавтракал.

– А по тебе и не скажешь. Как будто раз в неделю ешь – идешь и ветром сдувает. Пойдем, я испекла совершенно изумительную шарлотку.

– Ну хорошо, – широко и добродушно улыбнулся он, догоняя Аделину Леонидовну по лестнице на пятый этаж.

Когда она, прозвеневав связкой ключей, пригласила Олега внутрь первое что предстало его глазам – это огромное зеркало, отражающее буквально все: Олег и не помнил себя в четырнадцатилетнем возрасте настолько подробно, свои выцветшие шорты и на размер больше относительную новую майку.

– Чая?

– Да, зеленый и с сахаром.

– Вот, твоя любимая яблочная шарлотка с корицей, – поставила чашку с чаем и тарелку соседка. – А ее у меня скоро будет готово печенье!

– Спасибо. Я и правда ужасно проголодался.

– На тебя вот посмотришь и не поймешь: это проблемы с галлюциногенами, эмпатогенами или Твоей?

– Любимая – мой личный эмпатоген и диссоциативный анестетик вместе взятые, – рассмеялся в ответ, сделав глоток чая, он.

– А что там с Твоей?

– Мы не разговаривали полтора дня. Целых полтора дня, понимаете?! – Эд даже несвойственно повысил голос. – Моя работа, личная жизнь превратилась в бездушную пустую рутину. Галлюциногены и психостимуляторы – единственный путь к просветлению всех Россиян. Мы сидим, мастурбируем и ритуально пишем друг на друга, переживая себя глубоководными рыбами, не выходя из собственной ванной, гостями в Эсалене и в Тэвистокском институте, непосредственными участниками Элевсинских мистерий и ритуалов совокупления религии Вуду, невинными девами и Вавилонскими блудницами...

– погоди, не тараторь. Что не так-то?

– Я не могу жить без Нее. – Эд опустил голову. – Мне кажется я все время упускаю нечто важное, что подобно универсальным истинам не задерживаясь просыпается сквозь пальцы.

– Пойдем на улицу, – провожающее посмотрела в сторону открытой входной двери Аделина Леонидовна. – Тебя там кто-кто заждался и мне, кажется, эти милые создания смогут тебе помочь.

– А кто это, – удивленно поднял бровь Эд.

– Скоро увидишь, – загадочным тоном ответила она.

– Я с детства побаиваюсь сюрпризов.

Выйдя на улицу, Олег увидел зависшее в воздухе и неподвижно облако осенних листьев, тотчас принявшее форму огромной бабочки, только он успел на него посмотреть и оно продолжало менять форму, как в замедленной съемке.

– Чтобы разобраться в себе, в любящих тебя и в тех, кого любишь ты, не зависимо, где они находятся, и кто над ними властен: те, кто выше земли - вверху, в базовом мире - здесь или ниже земли – внизу, - нужно отдаться целиком миру идей, не видимым волнам коллективного бессознательного.

И будто кто-то снял видео с паузы, нажав на play: крылья зашевелились очень медленно, переливаясь наподобие ряби воды на реке в летний день, в летний потому, что в холодное время года вода становится не приятно металлической на вид.

– Не бойся, малыш, кто умеет задавать правильные вопросы – тот всегда получает исчерпывающие ответы.

Эд медленно приближался с опаской к этой странной конструкции, что

шаг за шагом увеличивало ощущения страха и сопровождалось все увеличивающимся и увеличивающимся ознобом, неприятным холодком по спине, чувством «под ложечкой». Подойдя вплотную к неподвижной фигуре бабочки и опустив глаза обратил внимание на свое отражение в луже, чья глубина резкости постепенно уменьшалась, размывая черты его лица, цвета одежды, всю божественность стройного тела. С опаской прикоснувшись к одному из листьев он резко отшатнулся назад: деформация их визуальной структуры больше напоминала рябь как в сцене из фильма Матрица, первой ее части, что не могло тогда не напугать Эда. Дальше все происходило настолько быстро, что запомнить каждую из быстро сменявшихся друг друга сцен было попросту невозможно. По мере того как листья покрывали все его тело начиная от ног и быстро двигаясь вверх покрывая кончики его коротких волос, которые он еще с детства любил красить и высветлять представляющие перед его глазами сцены все разительнее отличались друг от друга, быстро сменялись с видений райских садов и лугов с высоты птичьего полета на статичные изображения мусорных островов, чей размер в тихом океане может достигать размера городов, стран и целых континентов; радиоактивные отходы высвобождались из проржавевших бочек; разлитые на многие километры нефтяные пятна. Когда пугающие картины развеялись Олег оказался в доме детства: давящие как тиски ненавистные стены все так же были ободраны, босые ноги чувствовали обжигающий в любое время года кафель, взгляд падал на разбитое окно, точно такое же как у его умершего от передозировки наркотиков первого парня – первого даже в смысле сексуального опыта, а первого кто увидел в Олеге парня, дал свою одежду и одежда была на три размера больше, но лучше девичьих платьев, которые покупали родители. Мужская одежда, - позже это была черная кожа и латекс, - вызывали сильное сексуальное возбуждение: Эд мастурбировал почти что стоя.

Картины продолжали меняться все чаще и чаще и их облако вскоре рассеялось, вернув тело обратно в парк, вернув лежащее в позе перевернутой по отношению к пруду пятиконечной звезды с не покидающей эрекцией фантомного полового члена как у шамана, изображенного в пещере Ласко.

Молодая девушка внимательно сверху вниз смотрела на его замершую в восковой позе фигуру, не выражающее ни каких эмоций лицо, закрытые глаза. Взгляд – это то, что чувствуешь всей кожей, не открывая глаз и не зависимо от расстояний.

– С Вами все в порядке?! – испугавшись девушка присела на корточки.

Этот нежный не поддельно искренний голос был сродни удару током от мощного электрошокера в горло, чей разряд всегда вызывает неконтролируемое половое влечение, усиливающееся, когда проверяют пульс. Вскочив и прикрыв смущенно грудь майкой автоматически сев позу лотоса он бегло посмотрел на недоумевающую девушку:

– Пожалуй, да, со мной все в порядке...

– Здесь многолюдно после полудня, осторожней. – Девушка всмотрелась в расплывчатое отражение.

Кое-как одевшись и приведя волосы в порядок Эд прыгнул в первопопавшуюся маршрутку, толком не попрощавшись. Не зависимо от природы психоделического опыта: будь то медикаментозные или психодуховные практики связь с реальностью с годами восстанавливается все сложнее, поскольку собственное сознание изнашивается, ему все сложнее себя программировать на суженное восприятие объективно осознаваемого обществом – этим миром манекенов - мира, мира слепивших себе фальшивого спасителя теней безликих, без песка склянок. И тут что-то странное защекотало в его правом полушарии, не давая покоя. Вернувшись, он не сразу понял в чем дело.

– Иви? – удивленно поднял бровь Эд. – А что ты здесь делаешь, в маршрутке?

– Мне страшно сидеть в четырех давящих стенах без тебя, – смутилась Иви.

Эдвард хотел ей возразить, но пора было выходить. До гостиницы идти пятнадцать минут, минуты, казавшиеся вечностью...

– Я же сказал, черт, что мне нужно побыть одному. Завтра творческий вечер если ты не забыла, а я до сих пор не выучил новый текст!

– Извини. – Голос Иви задрожал настолько, что уже Эд чувствовал, себя виноватым из-за собственной импульсивности.

– Ладно, проехали. В любом случае мне нужно как можно больше кофе.

В отношении фаст-фуда и маленьких кафешек российская глубинка мало чем отличалась от крупных городов: все те же очереди, все та же беготня и не наполненная смыслом речь, разве что маршрутки и автобусы древние. В тот день так же бросалась в глаза предвыборная агитация: одни лица кандидатов в мэра сменяли другие, мужчин, женщин, парней, девушек от разных известных в стране партий и не известных никому, только политологам; суть их предвыборной кампании сводилась к тому, что столице наплевать на проблемы регионов.

Стоящая перед Эдвардом девушка обладала несколько заурядной

внешностью: ее белая майка заканчивалась стандартно узкими джинсам, длинна русых волос доходила до половины спины, по росту на полторы головы ниже него благодаря чему можно было рассмотреть форму ушей с проколами, но без сережек. Видя, как девушка раз за разом пересчитывает десятирублевые монеты Эд очень аккуратно протянул сторублевую купюру. Девушка, обернувшись с доброжелательной улыбкой, ошарашено не нашла слов.

– Оу, спасибо!

– Не за что.

Иви так же улыбнулась и после покупки кофе направилась за Эдом за столик. Незнакомка подошла к ним, поймав оценивающий взгляд, медленно скользящий снизу вверх, как будто сканирующий.

– А вы, я вижу, не местные? – отхлебнула кофе стоя незнакомка.

– Да, мы издалека. – Эд разведя ноги небрежно сполз со стула таким образом, чтобы было удобно смотреть девушке в глаза. – Заметно?

– Ха-ха. Наши за копейку бедной студентке удавятся, а ты сразу на три кофе дал.

– Мы всегда помогаем людям, – хитро прищурившись улыбнулся Эд.

– А как тебя зовут и, главное, откуда ты? Я Лера, студентка медицинского.

– Я Эдвард и, как ни странно, тоже медик и не люблю когда зовут Эдиком. А это, – указал он взглядом на сидящую напротив в своих мыслях Иви, – Моя Любимая.

– Саванна. Можно просто Иви.

– Ка-а-ак?! – Лера рассмеялась и чуть было не пролила кофе.

– А что смешного? – насупилась Иви. – Ники приклеиваются настолько сильно за годы использования, что потом их можно отодрать только вместе с кожей, отдираешь и чувствуешь себя планетой с которой сорвали атмосферу.

– Иви так Иви, – присела без проса с ними и смеялась дальше Лера.

– Не обращай внимания на Иви, – иронично прокомментировал он. – Мы немного у вас заблудились, и она теперь будет дуться весь день.

– Понятненько. А кто ты по специальности?

– Пластическая хирургия.

– То есть вы оба медики? – продолжала пить кофе Лера.

– Мне с детства нравилась клиническая психология, – неприлично перебила Иви.

– Ну ясно, коллеги. А здесь-то что вы делаете?

– В вашем городе проходит крупный творческий вечер, да и потом...

Грех столько достопримечательностей для инстаграма не пофотографировать.

Слушая Эда всегда удивляешься скорости его реакций, молниеносной переключаемости с одного на другое, привычке впадать из крайности в крайность.

– А дашь свой инстаграм?

Дальше его характер проявился, надо сказать, во всей красе. Чуть было девушка достала из сумочки телефон Эдвард, резко встав с места, вопрошающе забрал у нее телефон и подписал на себя, на что Лера удивилась – количеству подписчиков более миллиона человек.

– Никогда не думала, что в России столько людей интересуются литературой и эротикой, – удивлялась она, пролистывая аккаунт Эда и всматриваясь в содержимое в этом популярном сервисе картинок.

– Эротика лишь доступный далеко не многим инструмент понимания Бога, – так же продолжала пить кофе Иви.

– Ой, у меня еще со школы и парни были, и девушки... Кстати, а почему Шэлби Дэ?

Далее Эдвард и Саванна наперебой начали рассказывать краткую историю жизни, состоящую больше из потерь нежели приобретений. Иви больше любила описывать опыт виртуального общения бесконечно сравнивая все в вся с реальной жизнью, любовью, ненавистью, встречами, разлуками; он же, наоборот, рассказывал о реальности и с улыбкой блаженного – о встрече с ней. Умению по-настоящему слушать, не изображать пассивного слушателя, а именно слушать, такому умению редко кого можно научить: если человек приобрел подобные навыки, то его можно считать как минимум великим из великих, вопреки чему совершенно разные Эд и Иви филигранно дополняли друг друга и всегда, еще до рождения умели по-настоящему слушать, умели быть, а не казаться. Воспоминаний о прошлом он не любил, в большинстве случаев отвечая на подобные вопросы неконтролируемой грубостью.

– Лерочка, ничего себе! Ты одна из немногих кто прочитал наш творческий псевдоним правильно, а то все читают Ди, а не Дэ, – восхитилась Иви даже вздрогнув.

– Да, поскольку мы пишем в соавторстве Дэ – производное от моего имени, а Шэлби один из чатовских ников Иви, иногда сокращенно зову ее Шэл.

– Да, и это переросло в наш общий творческий псевдоним и имена аккаунтов как для литературы, так и для магических практик.

Девушка встала автоматически, вслед за ними, допившими кофе, и

тогда ее глаз, казалось, невозможно было оторвать от высокого и очень стройного тела Эда, от его магнетической неотразимости. Не в силах совладать с собой Валерия, не реагируя на остальных посетителей кафе прижалась к нему в жажде поцелуя.

– Бля, только не это! – Эдвард, поймав ее руки уже ниже пояса сзади, оттолкнул ее и отшатнулся отрицательным таксисом сам.

– Слушай, прости, я не хотела...

– Физический контакт – такая же священная составляющая отношений, как и секс после приема и выдачи Золотого Душа, причем любой физический контакт.

– Я думала, что... Извини.

– Да с чего ты вообще взяла, что я хочу этого здесь?!

– Вообще-то у Эдварда есть любимая девушка – я, – флегматично вставила Иви, опустив взгляд на присевшую перед ней на корточки Леру.

– Я не хотела тебя обидеть, правда, – чуть было не заплакала та, сжимая виновато руки Иви.

– Ладно, ничего страшного, – успокоила она, погладив по голове. – Просто мы люди искусства и действительно приехали сюда не за ЭТИМ.

– Ой, а я бы сходила на творческий вечер с вами, – заулыбалась Лера.

– Хм, у вас будем не только мы стихи читать... Из Питера приедет Яна Дремина, представив завершающую часть инсталляции Божественная справедливость, Коля новую поэму прочтет.

Творческий опыт Николая наряду с выдающимися организаторскими способностями выходил далеко за пределы участия в литературных вечерах в качестве автора, декламирующего стихи на протяжении часа или двух; бесценный опыт создания литературных сообществ, авторитарность, лидерские качества, бесконечность творческой реализации позволяли ему проводить творческие вечера без каких-либо ограничений.

– Так можно с вами или нет?

Немного подумав Эд перевел взгляд на Иви.

– Это зависит от твоих сексуальных предпочтений. В летнее прекрасное время года ведь все становятся немножко эметофилами.

Сложно было определить весь набор сексуальных предпочтений Эда и его роль в них, чаще все определял его величество случай, настроение, объем принятых препаратов и их разнообразие. Каждый человек мечтает найти хорошего химаря с собственным гаражом, оборудованием и прекурсорами в качестве лучшего друга, чья искренность позволяла бы получить море дизайнерских веществ и не только, вся проблема

закljučается лишь в искренности.

– Я много раз делала клизму используя молоко, кунжутное масло, персиковое пюре, шоколадное мороженное, мастурбируя на ароматный фонтанчик у парней и девушек, хотя к классическому копро равнодушна.

Номер отеля, носящего гордое имя города, поража́л размерами гидромассажной ванной, стоящей напротив биде и унитаза. Показав самую главную комнату Эд, по-хозяйски усадив за на мягкие белые в бежевую полоску кресла Леру и Иви, с некоторой долей нервозности размешал в стакане сока определенное количество серовато-белого порошка, выпил не заметив, как на всех троих из одежды осталось только нижнее белье и сонный вид Леры.

– Ну что, девочки, какие идеи?

– Клизма растворимым кофе, – рассмеялась Лера.

– Твои ноги, Эд.

– А что с моими ногами? – встав и осмотрев себя пошевелил большими пальцами он. – Это пицце какой-то, ты спишь с открытыми глазами. Выпей немного.

Иви имела обыкновение резко переключаться от состояния возбуждения к резкому торможению.

– Я на них пописаю, а Лера помастурбирует в позе роженицы, слизывая с пальцев.

– Кажется, мы практиковали так вдвоем.

Демонстрация мочеиспускания на одного или нескольких мастурбирующих партнеров, возникновение полового влечения не только на голос или внешний вид со знанием о наполнении мочевого пузыря и о том, что партнеры или партнерши очень долго терпели перед выдачей, являющимся базовым, ствольным, единственно важным проявлением любви, ласки и заботы, чрезвычайно полезной для физического и психического здоровья истиной в последней инстанции в свободе выбора взаимных сексуальных предпочтений, позволяя наравне с трансовым состоянием слышать больше, видеть острее и чувствовать ярче во много раз повышая чувствительность эрогенных зон мочеиспускание сильно различается по типу подготовительных манипуляций: для начинающих больше подходит естественное опорожнение мочевого пузыря или же с использованием диуретиков, после второй выдачи способных частично нейтрализовать цвет и запах мочи при попадании в рот; продвинутым уровнем является опорожнение мочевого пузыря с использованием тех или иных предпочитаемых жидкостей (чай или кофе могут влиять на цвет, газированные напитки (преимущественно Кола) в большей степени

улучшают вкус и запах); и то и другое серьезно отличается от третьего уровня. Профессионалы всегда грамотно смешивают сразу несколько эротических практик начиная от Копро и заканчивая Римским дождем, что чрезвычайно сложно выполнимо вместе, встречается крайне редко и не зависимо ни от каких других предпочтений постоянные партнеры как правило остаются верны только Золотому Душу ибо вызвать настолько сильное возбуждение и настолько высокое качество мастурбации не способно во всем мире больше ничто другое. Вся широта, весь кругозор сексуальных наслаждений попросту не способны перевесить эмоционального выброса, единения с космическим разумом в контексте психоделических и визионерских переживаний, спиритического опыта, открытия в себе медиумических способностей. Частые по несколько раз в сутки мастурбации при опорожнении мочевого пузыря не только способствуют накоплению биоэнергетического потенциала участвующих партнеров, но и могут развить сверхспособности. Далеко не всегда партнер (в большинстве случаев это не знакомый в реальной жизни друг или подруга по скайпу, переписке и так далее) знает о том, какие именно базирующиеся на собственных предпочтениях фантазии по отношению к этому человеку испытывают, что позволяет установить прочную и не зависящую от времени и расстояния неразрывную на протяжении всей жизни телепатическую связь, вне зависимости от его или ее предпочтений занимаясь этим посредством реалистичнейших сновидений, на которые не требуются ни перетаскивания объекта виртуального мира в реальную жизнь, ни тем более согласия на выдачу Золотого дождя; и такая связь может быть установлена как с одним человеком так и со всеми персонажами фантазий сразу. Когда на тебя пишет объект сексуальных фантазий на тебя пишет, то весь набор необходимых зрительных, обонятельных и осязательных ощущений позволяет насладиться человеком в полной мере, достичь максимума всегда находясь во внутреннем диалоге друг с другом. Сравнится с мастурбацией на Золотой Дождь может только промывание желудка через зонд, на желудочное содержимое которое опять же зависит от личных предпочтений, но нормой является оргазм и посткоитальные психоэмоциональные переживания только от жидкостей (фруктовых соков, молочных продуктов), но не продуктов питания.

Отблески падающего на ванную света делали кожу Эда и Леры еще бледнее, а лица – выразительнее. Ее язык скользил по пальцам ног сидящего на бортике Эда и держащегося таким образом, чтобы можно было раскачиваться влево и вправо, вперед и назад, когда струйки Иви ложились на его грудь, стекали ниже в руки по пальцам и он облизывал на

предмет вкуса и запаха лаская себя между ног в то время как ее язык наворачивал круги по ступням.

– Да, лижи быстрее, сучка! – запрокинув голову назад и чуть было, не свалившись за борт Эда накрывала одна волна оргазма за другом и все сильнее уносила куда-то в слои верхнего астрала.

Когда начала мастурбировать уже Иви он повернулся во всей красе демонстрируя анус.

– А теперь лижите мне зад, две маленькие шлюхи.

Язык Леры умело входил в его анус, от чего Иви мастурбировала еще быстрее.

– Раскрывай пасть шире, маленькая гнида, – и Эд вылил буквально все содержимое мочевого пузыря на ее голову, лицо, стараясь попасть только в рот.

Закрыв глаза и оторвав руку от своего полового члена Иви расслабилась и ее лицо излучало счастье и божественный трепет состояния сознания между сном и явью. О, как же жаль, что она уснула и не видела продолжения. Вибратор в умелых руках Эда в этом чистом потоке света искрился смазкой и введение его во влагалище Леры началось так быстро, что она и не успела опомниться, очнуться от его страстных поцелуев, сопровождающихся ласками груди и конечно же сосков, отвечающих на его прикосновения все сильнее и сильнее.

С балкона гостиничного номера открывался потрясающий вид на ночной город, множеством желтых огней и рекламы отражавшийся в его глазах сухим остатком потерянного времени, его мимолетности и не возможности прожить заново желаемое количество раз один и тот же вечер. Сигаретный дым размывал картину еще больше, что превращало и так мало отличимую картину одного города от другого в что-то и абстрактное, и сюрреалистичное. Многолетний психоделический опыт учит упражнениям для глаз, когда зрачки долгое время находятся в расширенном состоянии, любой яркий источник света сравним с попаданием песка следует больше курить и, не останавливая взгляда, смотреть чаще вниз. Скрестив руки и отпустив голову таким образом, чтобы перила приняла на себя вес его тела Эд наблюдал за падающим вниз пеплом, освещение города падало на его спину, очерчивая форму позвоночника кожу. В этот момент, не замечая как быстро высыхают летней ночью его короткие и растрепанные волосы он и решил оправить Иви сообщение с фотографией ночного города:

«Ты правда хочешь идти на этот вечер, Дим? Посмотри как красиво, так и хочется, не одеваясь, пройтись до набережной...»

Оставленный на полу телефон завибрировал настолько не приятно, что тишина, смешанная с шумом воды, острием ножа, аллергическим жалом впиалась в уши Иви. С трудом открыв глаза и пытаясь перебороть состояние упадка сил Иви осмотрелась и успокоилась, когда душа снова вернулась в тело, лежащее в теплой ванной. Лера активно переписывалась в загораживающем ее грудь второго размера телефоне и оторвала глаза только, когда заметила с ее стороны шевеление.

– Извини, а ты можешь не смотреть? – была смущена Иви. – Я пописаю.

– Человек, который только что принимал и выдавал 3Д краснеет?! – рассмеялась, прикрыв рот рукой она.

– Да, после секса я предпочитаю писать одна.

– И даже Эда стесняешься?

– И его тоже.

– А как ее зовут на самом деле?

– Важны не имена, а вкладываемые в псевдонимы смыслы. Как Адам и Ева.

Девушка, обтерев ноги полотенцем, в отличие от выбившейся из сил Иви в тот вечер была чрезмерно бодрой, даже слишком. С трудом отыскав что-то в сумочке и сев за стеклянный стол она аккуратно высыпала белое содержимое пакетика на стол и склонила над ним голову так, что было видно недостатки лишнего веса. Когда она довольно резкими движениями стряхнула остатки белого порошка взгляд, выражение лица, голос, изменилось буквально все, жесты стали какими-то более рваными, резкими, когда пошатнувшись она попыталась что-то сказать речь стала грубой, пестрящей заносчивым тоном:

– А ты не рассчитывай! Дурь просто чистейшая. Отлижешь, вот тогда другое дело.

Не обращая внимания на слова Леры, Иви нашла что-то в наружном кармане стоящего вертикально черного дорожного чемодана и слегка запрокинув голову назад высыпала в рот бело-серое порошкообразное содержимое. Эффект наступил, как только она, распространив языком по рту эту мерзкую, сравнимую со вкусом волшебных глазных капель горечь: обжигающая волна силы подобно рюмке качественного коньяка или односолодового виски быстро распространялась снизу вверх, проходя от пальцев рук и ног к голове словно пять чашек свежесваренного натурального кофе. Пьянящие волны не позволяли стоять на ногах не пошатываясь. Запрокинув голову на диван Лера мастурбировала как будто на автомате из ее невнятного бреда было не понять на кого именно:

на воспоминания о муже, на одного из собеседников по чату в Перископе, который купил ей новый телефон или на Эда, представляя все великолепие стройного тела коим она не обладала, но считала себя девушкой красивой и эффектной. Равнодушно поглядывая на Иви, чьи стеклянные глаза, направленные в одну точку говорили о состоянии истинного транса, позволяющего находится в нескольких местах одновременно, на астроплане, в дальнем космосе, в океане, в полете высоко над землей, Страхнув пепел и затянувшись еще раз Лера с напускным высокомерием спросила:

– А мне можно?

– Не смешивай несколько веществ – второе правило путешественника, – смеясь ответила Иви.

– Сначала я, задержав дыхание, выпью столько воды сколько смогу, съем упаковку Фуросемида, потом подойду и обоссу тебя с головы до ног, – ее голос и манера речи стала очень похожей на эротические голосовые чаты или индивидуалку на том конце провода описывающую оказываемые услуги. – Ты будешь умолять меня «хватит-хватит», но дешевые уговоры на меня не действуют, они не будут стоить и пустой пачки сигарет кем-то забытой за придорожной урной. Я буду ссать и ссать на тебя, ожидая мольбы о пощаде, но не тут-то было – моя задница горит как от капель воска в пизду, в мою ненасытную бездонную пизду, вылизанную позавчера породистым английским догом, Иви. Слышишь, Иви? Я сяду на корточки и вывалю тебе в рот все, что есть. И жри. И мажься. И нюхай. И лижи.

– Лера, стоп-стоп, – видя, как ее понесло Иви трясла ее за плечи.

– Но и на этом ничего не кончится! Я люблю оральный фистинг, когда, засовывая руку по самый локоть я изрыгаю только что съеденное и вчерашнее фонтаном до потолка. Ползай и слизывай, уебище, все что я тебе оставила. Я мужик! Я выверну кишки наизнанку и...

– Нет, я не завожусь при виде кишок, ни женских, ни мужских, – протянула волшебный пакетик порошка она. – Это что-то дизайнерское, не помню что.

Вынюхав все содержимое, запив из отнятой у Иви бутылки Мартини Россо она рухнула на пол чуть было не потеряв сознание, но быстро пришла в себя раскрыв еще шире очень красивые отдающие потусторонним блеском большие и голубые глаза.

– И как все-таки Эда зовут по-настоящему, по паспорту?

– Имена слишком привязывают, даже от чатовских ников практически невозможно избавиться.

– От неадекватов на сайте bdsmpeople избавиться гораздо сложнее.

– Ничего себе! – широко раскрыла от удивления глаза Иви. – У тебя там тоже есть анкета? Все хотят принять твой ЗД?

– Вообще-то у меня медицинская и туалетная тематика на всякий случай в табу там, – рассмеялась в ответ она.

– Мы ни разу тебя там не находили.

– Ой, мы с мужем только отсюда кого-нибудь ищем, пары нас вообще не интересуют, тем-более из других городов. И к тому же мы предпочитаем держаться вне каких-либо сообществ, в стороне от идеологий и тому подобного.

– Перерыла весь bdsmpeople и не нашла там ни чего интересного: парней намного больше, чем девушек, лесбиянок нет вообще, а все, кто любит медицинский фетиш, РД, ЗД и копро, клизминг – они отвратительны внешне, жирные и тупые.

– А это-то здесь причем? Мне, например, такие худые как Эд вообще не нравятся в обычной жизни, последняя девушка моделью плюс работала.

– В вирте внешность не играет большой роли, но в реальной жизни прием и выдача Золотого Дождя, желудочного содержимого подразумевает визуальный контакт с физической близостью, разглядывание своего партнера или партнерши, ануслинг, по желанию анальный или вагинальный фистинг, мастурбацию и если человек не привлекателен, то ничего не получится и даже не захочется. Без взаимной симпатии величайшее проявление любви, ласки и заботы может плавно перетечь в запой от внезапно наступившей недельной импотенции.

– У каждого свои вкусы, Иви. – улыбнулась она. – А вы давно вместе?

– Более десяти лет. И, что самое интересное, познакомились просто на улице, когда интернет был еще медленным.

– А кто первым подошел?

– Он. Помню, как будто это было вчера, взъерошенный, пьяный и брошенный. Попросил закурить и прощаясь дал мне номер телефона и даже с адресом. А ночью... Ночью Эд пришел в мой сон, был еще стройнее чем в жизни, и поутру я позвонила.

– А в моих снах люди часто не знакомые, – озадаченно опустила глаза она. – А как ты поняла, ну, что ваши предпочтения насчет ЗД совпадают?

– Не знаю как, подсказали стоящие на полочке дома камни и кристаллы, увидела третьим глазом, почувствовала задним мозгом, – расхохоталась Иви и продолжила серьезно. – Любовь помимо постоянства и длительности отношений отличает единство информационного поля, когда одни и те же партнеры и партнерши сопровождают в реальной жизни, в виртуальной, на астральном плане и во сне, иначе это простая

влюбленность.

– Это кто тут обо мне сплетничает? – появления Эда никто не заметил. – Я был почти что трезв. А что меня бросили – да, было дело. Давно. Даже страшно спрашивать, что я такого сделал в том твоём сне, что ты набралась смелости мне позвонить, прийти в гости. Мастурбировать воображая обо мне не вестъ что ведь проще, да, Иви? Да в тот вечер ты была похожа на маленького заскучавшего ребеночка, которому родители опять дали денег на развлечение и ты уже пресыщена всем чем только можно.

– Котик, где же ты был?

– Ты сообщения проверяешь вообще?

– А ей некогда, – рухнула на кресло Лера. – Вот пофантазировать бы с вами.

– И чем же вы тут таким занимались? – хитро прищурил глаза он. – Только не надо фантазий, вы все одинаковы, вы любите только мое тело, с которым хотите сделать страшно подумать что и мой образ, а не меня самого.

– Беседами о политике, – выпила воды Иви. – Не обижайся, ладно?

– Ладно. А что о ней говорить? О политике. Политиканов ни мужиков, ни баб не люблю, – замерзая одевал брюки Эд и было его торчащие соски смотрелись еще эротичнее. – Политика в стране начнется, а я имею в виду реальную политику, она начнется, когда станет ясно при каком же политическом строе, мы живем.

– В этом-то и проблема, – резко стала очень серьезной Лера.

– По-моему проблем как раз нет, – Иви так же сменила тон. – Какой бы строй ни был: он рано или поздно сменится, придут демократы, перепишут историю итогом чего станет демократия новой эры с соблюдений реалий, всех реалий современного общества и развитием новых технологий.

– Например, каких?

– Эволюция человека – это движение от гомо сапиенс через гомо психоделикус к гомо полиморфус, человеку мультиформному, посредством измененного генетического кода всех последующих поколений способному силой мысли изменять собственную внешность, выбирать себе кастомно или по предустановкам абсолютно любые параметры веса, роста, объема груди, талии и бедер, типа лица, какое-то определенное лицо, длинны и цвета волос в зависимости от настроения и желания, и ставить себе любые предустановки – пресеты – личности из огромной базы с выбором тех или иных личностных черт, характеров и менять их когда захочет и сколько хочет. Суть нового политического строя только в этом, в новом технологическом пути развития России.

– Вот пластические хирурги-то разорятся, – улыбнувшись посмотрела в сторону Эда Иви.

– Ой, я бы предпочел оставить свою собственную внешность, хотя... Кое-что я бы изменил, наверное.

– И я бы, – Иви смущенно опустила глаза, сделала глоток Мартини и захотела употребить что-то еще.

– Так-так, – чтобы заострить на себе внимание Эдвард захлопал в ладоши. – Девочки, вам уже хватит. И я напоминаю – творческий вечер начнется через два часа. Так что быстро приводим себя в порядок!

– Ну милый, – хотела возразить Иви читая сообщение в телефоне.

– Все, быстро я сказал.

Внимательно осмотрев себя в зеркале, он улыбнулся промелькнувшей в голове мысли, прочел еще раз про себя стихотворение, которое согласно сценарию творческого вечера должен был прочесть, чуть-чуть поправил волосы пытаясь отогнать головную боль, запрокинув голову назад закапал в нос глазных капель для того, чтобы действие одного вещества не перекрывало действие другого и, ощутив странную смесь вялости и приподнятого настроения настолько неразборчиво в какую сторону именно, посмотрел на себя еще раз, на то насколько от волшебных капель становится выразительнее взгляд, расширяются зрачки. Что происходило в его голове в этот момент? Он мечтал о чем-то, мысленно отправлялся в прошлое, будущее или находился здесь и сейчас? Волшебные глазные капли при закапывании их в нос могут серьезно улучшить длительность и качество мастурбации в одиночестве, качестве секса и мастурбации с партнерами так как значительно (до 24 часов) позволяют сохранять сексуальное возбуждение, более суток не прерываясь заниматься сексом, не бояться экспериментов. Из побочных эффектов наиболее печальным является только глубокая потеря памяти по утру и поэтому их следует использовать только с тем партнером, которому безгранично доверяешь. И он ушел в себя насколько глубоко, что не заметил обнявшей сзади Леры, убаюкивающе раскачивающей в разные стороны в медленном наркотическом танце и шепчущей на ушко:

– Выеби меня бутылкой Мондоро.

– Отвали, а, я пытаюсь собраться.

– Ну тогда отлей на меня. Или я на тебя, хочешь? Прямо на голову, потом ты будешь стричься и вспоминать меня.

– Я стригусь коротко не поэтому, кашки плохо отмываются от волос и еще труднее приходится с ароматом. На работе я даже становлюсь параноиком, коллеги-медики кажутся проявляющими нездоровый интерес

к моей голове нюхачами: проходят мимо не просто так (я-то замечаю их косые взгляды), присматриваются, принимают сквозь шлейф моего любимого парфюма, будто знают, чем я занимался с Иви, завидуют, порицают, злятся или хотят к нам.

«Честно говоря, сил иди куда-либо нет. Я хочу просто подремать. С тобой. В ванной. Я бы смотрела как ты спишь подергивая пальцами, наблюдала как вода наполненной ванной держит твои руки на весу, а ты спишь и бормочешь кому-то, просишь войти глубже. Но придется идти. Уговор дороже денег, Оль», – написала в ответ Иви.

«А я бы сквозь сон наблюдал как спишь ты, отделяешься от тела и тебя уже двое. Та, что в нашем мире – спит и вряд ли вспомнит полеты поутру, а та, чей серебристо-фиолетовый перламутровый шнур бесконечно длинный, длинный настолько что навечно запертый в зеркальной комнате Рэдмонд завидует белой завистью дотошного исследователя душ после жизни; та спаривается со всеми этими парнями и девушками, ищет их и трахает предварительно впитав явную и ничем не прикрытую порнографичность магии снов. Трахает и тоже заходит в коитальных судорогах. Одевайся уже», – ответил Эд.

Непередаваемая эротическая атмосфера теплой летней ночи ощущалась всеми троими одинаково: огни проезжавших машин и опустошенность улиц буквально призывала делать все, что хочешь в этом незнакомом городе. Каблуки Леры, пробующие асфальт на прочность, сочетались с уличным шумом и это было, наверное, единственным, что запомнилось, какие-то яркие цвета ее одежды контрастировали с одетыми по привычке во все черное Эдом и Иви как две загадочные тени. Держась за руки и шатаясь в разные стороны они брели то ли до дома культуры не в силах контролировать ватных ног, и в таком состоянии можно было идти только вдвоем слабо понимая где находишься и куда идешь неся в себе коктейль из алкоголя, веществ и какого-то детского счастья, наивной и искренней эйфории или даже подросткового оргазма. Раньше Эд стеснялся показывать как писает на улице стоя, однако атмосфера незнакомого города, исходящая от Иви и Леры сногшибательнейшая энергетика, ночь – все это опьяняло его, будто высшие силы толкали невидимой рукой сделать ночь еще более незабываемой, раздеться и описать все вокруг, мастурбировать на внутренние образы.

Эротика универсальный язык мироздания. Только посредством эротики и секса можно донести вкладываемые в поэзию и прозу истинные смыслы. Формат творческого вечера, согласно сценарию, мог донести вкладываемые смыслы намного ярче сетевых публикаций, изданий в

бумажном варианте и кафе со свободным микрофоном.

Полутемное помещение было заполнено густым сигаретным дымом, густым настолько что десятка два лиц собравшихся было не разглядеть.

– А вот и Оля, и Дима, – ехидно окликнул кто-то в этой толпе.

– Прекратите нас так называть, а? – разозлился Эд.

Этим человеком оказался один из старых знакомых литературных критиков.

– Хорошо. А кто эта милая девушка? Тоже автор?

– Не, я не автор.

– А Николай уже читал стихи?

– К сожалению он не приехал, – смутился критик. – Мы рассылает приглашения многим, но откликаются на них лишь единицы. Сейчас будет очередной перформанс Дреминой. Оставайтесь если хотите.

В густом дыму освещение сцена казалась ярче, чем на самом деле. Появившаяся на сцене не приметная девушка, поздоровавшись, объявила:

– Трилогия «Божественная справедливость». В позапрошлом году успешный дебют с мини-спектаклем «Удушение модератора» принес свою творческие плоды и в прошлом году «Утопление литературного критика» был даже отмечен премией. Завершает трилогию «Утопление конспиролога».

Появившийся на сцене мужчина средних лет, из одежды на котором была только маска для ныряния снял ее и опорожня мочевой пузырь старавшийся попасть струей на стоящих рядом и заорал:

– Конспирологи не тонут! – рухнул на сцену и занялся онанизмом.

Пока Диметра пыталась из нахлынувших смешанных чувств и злости от того, что ее назвали настоящим именем, выбрать что-то одно или нечто среднее между разочарованием от скучного творческого вечера, ожиданием стихотворения Олега и тоской по Николаю Олег как раз куда-то пропал.

– И та-а-а-к, – протянул ведущий. – Автор проекта Шэлби Ди, поэт Олег Ковалев! Поприветствуем, дамы и господа.

Привычная фигура Олега, предпочитающего на выступлениях и жизни в основном подчеркивая черные короткие волосы одеваться во все черное и облегающее, быстро переместилась к микрофону. Он щурился, яркий свет казался комком брошенного в глаза песка, от слишком расширенных зрачков его взгляд казался потусторонним, глаза все время бегали будто искали кого-то. Одним из величайших талантов хорошего лектора или оратора считается умение обратиться к кому-то одному, выделить своего слушателя в толпе.

– Здравствуйте. Олег, соавтор Диметры по литературному творчеству,

писатель и поэт. Одно из моих произведений, – быстро проговорил он и прочел:

«Подарите мне зеркальных красок,
И я отражал бы лишь ее,
Цвет, запах, ее сладость,
Вкус наполненности до краев.
Дайте мне образчик тела
И я вдохну и вкус, и аромат.
Она станет белой-белой,
Чему искренне я рад.
Сколько лет прошло не помню
Как я вкусил и боль, и радостный восторг.
Вот столько лет хотел бы ровно
И чтоб каждый так же смог»

– Всегда завидовала тем, кто умеет писать стихи и прозу, – восхитилась Лера, не сводя с Олега глаз.

– А что там уметь? Стихи сложно, да, а рассказ или роман... Создаешь новый файл и пишешь, – закурила Иви.

– Это у вас все просто. Ты, так понимаю, Дима, а Эд – Оля?

– Диметра, можно Ди или Шэл. У нас много имен, ников и только одно общее для прозы. Ей больше нравится Олег, Эд, но лучше не использовать имен и указаний на пол. Общение таким образом только упрощается.

– Ясно, Ди. – Закурив Лера чуть было ни упала в обморок ощущая слабость в ногах и спросила:

– У тебя что-нибудь осталось?

– Ага. Кстати, а скинешь ссылку на свой bdsmpeople?

– Угу, сейчас, – повела она Диметру в туалет.

Внутри было настолько чисто и опрятно, что Ди сначала даже растерялась: зеркальный блеск писуаров однозначно отсылал к выдаче ЗД, аккуратные кабинки, ансамбль из трех отливающих холодным металлическим блеском раковин прекрасно дополняло огромное антивандальное зеркало, в которое Диметра внимательно разглядывала свои зрачки.

– Волшебные капли, мет, фет, экстази, кетамин, магические грибы, еще какая-то хрень, джентельменский набор столичного литератора, – порылась по карманам брюк Ди.

– Это подойдет, – проглотила что-то Лера.

– Валерия Феерия, – дразнилась Диметра читая данные ее профиля.

– Твой Олег все-таки обалденно пишет. А как же он красиво

мастурбирует... Представляю какой у него РД.

– Правильно поссать нужен талант и очень большой опыт.

– Красивый человек талантлив во всем. Я вот не могу выдать стоя, если присесть на улице, то да, виляю струйкой влево-вправо, сразу на четверых парней, а стоя никак.

– Для этого придется похудеть.

– Ага, один из моих партнеров то же самое советовал. Сама уже замечаю, что 61 кг очень много для познания истинного блаженства.

– А ты помнишь свою первую партнершу? Не важно, что это было.

– Это была моя училка по химии. Вся из себя такая правильная, принципиальная, а я... Что я? Я была четырнадцатилетней девочкой, за которой все время бегали мальчики, начиная от уродов и гопников и заканчивая сынком одного авторитета. А она была как бы из другого теста что ли. Когда она устроилась в нашу школу все вокруг преобразилось, стало каким-то радостным, озарилось все вокруг, стало светлым, чистым. Когда мы остались наедине (не знаю) пробежала искра словно зашелестели утренние звезды оживляя мой маятник. И я обоссала ей все лицо, а потом она меня. Она любила это делать со мной в белом халате на голое тело, игра в больничку для взрослых на заброшенной стройке.

– И ты даже делала ей куни?

– Конечно делала. Знаешь какой взрослой я себя тогда считала?!

– А потом что?

– А потом мне стукнуло восемнадцать и я стала ей не интересна. Выпила все таблетки, которые были дома, а она даже не стала со мной разговаривать, просто бросила трубку. Дура.

– Вообще-то я на то и критик, чтобы высказывать мнение о прочитанном, – не приятным мужской голос кричал где-то вдалеке.

– Пойдем, Ди? Там нас, наверное, Олег ищет.

– Так будьте добры это делать в формате рецензии на сайте Проза.

– Да я и здесь могу! – отвратительный голос принадлежал ни в чем ему не уступающей внешности: зализанные назад волосы дополнял мерзкий пивной живот и безумные глаза. И он не унимался:

– Как я и моя девушка блевали, какали и писали друг на друга и дрочили – ты ЭТО называешь современной эротической прозой? Ольга и Дмитрий великие авторы двадцать первого века? Ха-ха-ха. Олег Ковалев гений эротики.

– Блять, мы пишем на кого хотим и пишем о чем хотим. – Олег в этот момент озверел настолько, что готов был его убить.

Атмосфера в коридоре накалилась до такой степени, что Лера даже

попыталась спрятаться за грузное тело Диметры.

– Да иди ты на хуй.

Следующим утром проснувшись Диметра смогла вспомнить только это. Ее память отказывалась восстанавливаться: что было после скандала с неадекватным критиком, как они дошли до номера, что происходило после, ведь ужасные не проходящие головные боли говорили о чем-то интересном. Зрачки (что еще хуже головы) отказывались сужаться до нормы, все окружающее казалось атрибутами фэнтезийного, туманного, загадочного мира, полного легенд и чудес мира из которого не хотелось возвращаться. Мирно сидящий в почти-то медитативной позе лотоса делал в телефоне коллаж из отснятых фотографий, пытаясь прийти в норму перед возвращением в Москву.

– Эй, ты как? – не оборачиваясь спросил он.

– Отвратно, – пожаловалась Диметра.

– И мне хуево.

– Сколько времени?

– Половина седьмого вечера.

– Ничего себе! – забыв о боли вскочила та. – Через три часа поезд.

– Трястись сутки в поезде только ради того, чтобы поснимать психодел для ютуба было твоей идеей, Ди. У тебя хоть что-нибудь осталось?

– Не-а.

Нежно зачесав ее волосы назад и сжав руки Диметры Олег с непередаваемо детской искренностью долго подбирал слова:

– Слушай, а сходи в аптеку. Я пока сложу наши вещи, приму душ, посушу волосы, оденусь, приведу себя в порядок. М?

– Хорошо, – уныло согласилась она и медленно оделась, не скрывая тоски.

– Ты все равно не пропустишь ни чего интересного, ни-че-го-шеньки. А вот когда ты вернешься... Три пакета грейпфрутового сока ждут своего часа. Прямо-таки не знаю, что с ними делать: выпить все сразу с Фуросемидом или без, правда тогда придется глубоко, а настолько глубоко умею только я, засунуть два пальца и ничего не будет больше, представляешь сколько времени я не ел.

Ответить было не чего, Олег умел придать сил и уверенности в проблеме трения между душой и внешним миром. Это было одним из важнейших его качеств личности – найти нужные слова в нужный момент, редко расходящиеся с делом слова. Вот и в тот вечер перед отъездом обратно в столицу все прошло как нельзя лучше: без малейших колебаний проданные таблетки прекрасно на него подействовали, сняв отвратный

вызванный алкоголем абстинентный синдром, сменив слабость, мигрень и тошноту чувством близкой к эротическим переживаниям эйфории, легкости и непреодолимого желания мастурбировать всю ночь напролет (по мнению многих друзей эффекта могло хватать на двое-трое суток непрерывной мастурбации без чувства голода, только жажда мучала потом несколько дней и все считали его стройность последствием экспериментов с подобными психотропными препаратами, галлюциногенами, хотя это было далеко не так и он на это очень обижался), испытывая десятки или даже сотни оргазмов глядя на Диметру и уплывая в собственные фантазии. Свернув последнюю майку и упаковав наконец оранжевый дорожный чемодан, Олег снова пригласил ее в джакузи, присел над ее лицом и выдавая небольшими дозами ЗД наблюдал за ее катарсисом. Золотой Дождь не идет ни в какое сравнение с мастурбацией или сексом без него, выдача мочи и манипуляции с ней так же имеют сравнимую с дивинацией магическую компоненту, сжимающую в руках ключи к познанию тайн мироздания, компоненту способную вызвать мистические, астральные и визионерские переживания, развить телепатические способности, способности к телекинезу, пирокинезу, ярчайшим управляемым сновидениям, проекции астрального тела, способны наряду с РД значительно улучшить качество ченнелинга в контексте литературного творчества, единения с партнером и не разрывной связи как в нашем мире так и на астральном плане, улучшая тем самым качество жизни, делая ее еще более яркой, веселой и интересной, притягивая власть, славу и богатство, ведь помимо домашних условий выдавать и принимать мастурбируя так же интересно на улице, что только увеличивает биоэнергетический потенциал партнеров, правда только при условии взаимной симпатии и обоюдного согласия.

Довольный Олег, растянувшись на кровати, закатив глаза просто смеялся и продолжал мастурбировать. Он мастурбировал всем подряд и Диметра тоже: в ход шли массажные щетки, сильная струя из лейки душа так же прекрасно подходящая и для клизмы.

И вновь никто из них не смог вспомнить что было после. Завернувшись в выданное не приятной проводницей, Олег проспал всю дорогу до Мск и медленно влача за собой дородный чемодан он мечтал, как поскорей бы доехать до дома. Полупустые вагоны утреннего метро позволяли выбрать самый не многолюдный, рухнуть на сидения, провалиться следуя примеру Диметры в сон, открывая глаза станций через пять, по привычке. Где-то на середине пути он написал:

«А ты кое-что для меня сделаешь?»

«Чтобы сделать все правильно нужно хотя бы пару дней питаться только овощами и рыбой»

«И так тоже будет что надо, и с тебя история»

«О чем?»

«Ты должна будешь присесть надо мной, хорошенько потужиться испуская газы и рассказывая о своем первом сексе с парнем»

«Да, я все тебе расскажу, а ты будешь пожирать все накопившееся за день и мастурбировать»

«Я измажу себя с головы до ног, пописаю на тебя и дальнейшее будет зависеть от тебя. До конца отпуска еще три дня, возможно я даже разрешу сделать клизму или промыть себе желудок вполне себе симпатичным гибким силиконовым зондом»

Утреннее летнее солнце, ударив в глаза на станции Воробьевы горы, разбудило обоих: дремавшую под электронную танцевальную музыку в наушниках Ди и спящего на ее плече Олега, что было не привычно, до поездки все происходило с точностью до наоборот. В этот момент Диметра как вспомнила «лекцию» Олега о том, что такое смена ролей в отношениях и каковы ее функции.

Долгая дорога домой подходила к финалу. Ни Олег, ни Диметра не могли тогда точно сказать от чего устали больше: от суток, проведенных в сорокоградусную жару в вагоне советского образца, или от толпы прохожих, всего этого стада.

– Ура-а-а-а, я наконец-то дома! – запрыгала от радости Диметра.

Олег не понимал почему ей здесь настолько нравится, почему она настолько хочет сюда снова и снова, в эту старую готовящуюся под снос в ближайшее время пятиэтажку, попавшую под программу реновации, чему она даже не обрадовалась в отличие от него, предвкушающего новую жизнь в высотке с потрясающе красивой крышей.

– Угу, и я, - устало вздохнул он. – Я в душ, через полчаса можешь присоединиться.

– Хорошо. Только не писай без меня. Я так хочу посмотреть!

Невозможно передать словами энергетики родного дома, запаха стен, вида из окна. Раздевшись и закутив, она долго-долго смотрела в окно восстанавливая в памяти лучшие мгновения поездки: его выступление на творческом вечере, гостиничный номер, Леру в огромной ванной, мастурбацию одновременно вдвоем, аксессуаров, красивую медленную музыку, калейдоскоп быстро меняющихся друг друга наслаждений, вкус и аромат его тела, страсть. Но шум воды вернул ее обратно в реально осознаваемый мир, гипнотизирующий шум воды с медленной и лирической

электронной музыкой вперемешку исходящей из его телефона. Трансценденция сексуальности – это то, что живет в нескольких мирах одновременно и только это ее однозначно определяет, совокупность мира грез и объективной реальности.

Ванная комната с совмещенным санузлом как это повелось с тех времен так и манила к себе и когда Диметра осторожно открыла дверь ее просто поразила, свалила с ног таинственность полумрака, это нарушенной только чайными и ароматическими свечами, расставленными по всей ванной, смешными огоньками отражаясь на кафеле и свет лишь от тех, которые стояли на ванной полочке у зеркала попадал на него, растянувшегося в ванной и пахнущего Мартини; освещали пальцы его ног, которые так хотелось попробовать на вкус еще со времени первой встречи двенадцать лет назад; прыгали светом по его ногам, внизу живота заканчивающихся наполовину пустым подходящим больше для односолодового виски стаканом, отталкиваясь от которого взгляд проскальзывал по его не скрывающему строение скелета и в частности ребер животу и выше – к совершенно мальчишеской груди с постоянно стоячими сосками, и дальше к лицу через тонкую шею и плечи. Олег смотрел на Диметру, не моргая и не сводя глаз:

– Зай, я уже заждался. Обоссался без тебя тут уже раза два, а ты все не идешь и не идешь.

– Я же просила, кис, не писать без меня, – расстроившись забиралась в скользкую ванную она.

– Ну не дуйся, Шэл, знаешь сколько у нас еще впереди всего интересного?!

И только она успела сесть напротив Олег допил оставшееся, оставил стакан и начал ссать, он писал стоя настолько долго что Ди старалась не доводить дело до конца и посткоитального экстатического транса пока струя не иссякнет, а он все писал и писал на ее лицо и капли, попадая на язык, стекали по ее шее и груди куда-то ниже, от переживаемых чувств и эмоций темнело в глазах.

– А теперь твоя очередь, моя милая. Только писай сидя.

Присев над ним она испытала сильнейшее облегчение, накрывающая волна космического восторга, экзальтации перемешивалась с физическим комфортом от опорожнения мочевого пузыря на него, после чего поначалу расслабив анальный сфинктер после потужилась и вывали все содержимое прямой кишки. Олег обожал запах ее каловых масс, их горький, похожий на миндаль, привкус, обожал вылизывать ее грязный и в тоже время дико сексуальный расширенный анус сам не понимая от чего возбуждается

больше: от размазывания по собственному телу ее кала, вылизывания ануса в реальном мире или же от фантазий как ему посасывают пальцы ног Диметра вместе с Лерой, палец за пальцем, после чего в два языка переходя к ступням и поднимаясь по ногам все выше, выше, выше как будто его сейчас попросту съедят, будут пить кровь получая оргазм за оргазмом наблюдая над его душевными страданиями наряду с нестерпимой болью от анального фистинга в две руки и мучений электрошокером по соскам – в мире грез, воспоминаний, сексуальных фантазий. Он мастурбировал и представлял все больше и больше эротических сцен, характерных больше для переживаний негативных базовых перинатальных матриц в рамках сеансов лсд-психотерапии нежели регулярного сексуального опыта с партнершей. Высоте и глубине переживаемого им невозможно найти слов, когда он выдохнул и открыл наполненные космическим счастьем глаза.

- Любимый, я давно хотела тебе кое-что предложить.
- Что, Дима?
- А давай узаконим наши отношения?
- Давай. Я хочу прожить с тобой всю жизнь.
- Так ты согласен?
- Да.